

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022 Том 5 № 5

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курьлев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курьлев Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович
кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна
доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна
старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассеа Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник РФ Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ), Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2022 г., следующий:

№ 6 2022	Большое евразийское пространство	до 15.08.2022 г.
№ 7 2022	Номер не тематический	до 15.10.2022 г.
№ 8 2022	Приднестровский конфликт: история и современность	до 01.12.2022 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2022

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2022 VOLUME 5 No. 5

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Beibutova Risbyubyu Aldzhambaeвна, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2022 will deal with the following issues:

№ 6 2022	The Great Eurasian Space	Until 15.08.2022 г.
№ 7 2022	Non-thematic issue	Until 15.10.2022 г.
№ 8 2022	The Transnistrian conflict: history and modernity	Until 01.12.2022 г.

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

УКРАИНА

Братчик А.С., Курылев К.П. Процесс формирования антироссийской политики на Украине: история и современность.....450

Ягмыров А. Культурно-гуманитарные отношения Украины и Польши.....464

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Дмитриева М.О. Япония – Центральная Азия гуманитарный трек развития сотрудничества..... 474

Умаров Д.Г. Современные проблемы и перспективы совершенствования энергетической политики Узбекистана.....482

Танчук И.А. Таджикская диаспора в Москве.....494

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

Саани С.В. Основные направления взаимодействия России и Грузии в гуманитарно-культурной сфере.....502

Гукасян Э.А. Инструменты влияния армянских диаспор США и Франции на развитие отношений с Арменией.....515

МНОГОСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Черняева С.В., Журавлёва Е.В. Роль ШОС в контексте «афганской проблемы».....531

Дубровский И.Р., Инь Хуэй, Костючек С. В., Чжао Бовэнь Контртеррористическое сотрудничество в регионе Центральной Азии как инструмент развития экспедиционного потенциала Народно-освободительной армии Китая.....545

РЕЦЕНЗИЯ

Пархитко Н.П. Рецензия на фильм «Зоя». К вопросу о теме патриотизма в современном российском кинематографе.....561

Contents

UKRAINE

- Bratchik A.S., Kurylev K.P.** The process of forming an anti-Russian policy in Ukraine: history and modernity.....450
- Yagmyrov A.** Cultural and humanitarian relations between Ukraine and Poland.....464

CENTRAL ASIA

- Dmitrieva M.O.** Japan – Central Asia humanitarian track of cooperation development....474
- Umarov D.G.** Modern problems and prospects of Improving the Energy Policy of Uzbekistan.....482
- Tanchuk I.A.** Tajik diaspora in Moscow.....494

SOUTH CAUCASUS

- Saani S.V.** The main directions of cooperation between Russia and Georgia in the humanitarian and cultural sphere.....502
- Ghukasyan E.A.** Instruments of influence of the Armenian Diasporas of the USA and France on the development of relations with Armenia.....515

MULTILATERAL COOPERATION

- Cherniaeva S.V., Zhuravleva E.V.** The role of the SCO in the context of the «Afghan problem».....531
- Dubrovskiy I.R., Yin Huyi, Kostyuchek S.V., Zhao Bowen** Counter-terrorism cooperation in the Central Asian region as a tool for developing the expeditionary potential of the People's Liberation Army of China.....545

REVIEW

- Parkhitko N.P.** Review on the film «Zoya». To the issue of patriotism in modern Russian cinema production.....561

УКРАИНА / UKRAINE

Научная статья / Research article

Процесс формирования антироссийской политики на Украине: история и современность

А. С. Братчик

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: bratchik.alya@bk.ru*

К. П. Курылев

*Центр исследований постсоветских стран, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3075-915X>, e-mail: kuryljov@narod.ru*

Аннотация. В данной статье автор проводит исследование исторического происхождения антироссийской националистической политики на Украине. Особое внимание уделяется периоду формирования границ современной украинской государственности в составе Российской империи и Советского Союза. Отмечается, что очаг современной русофобии на Украине был заложен на территориях исторических областей Галиции, Буковины и Закарпатья. В условиях становления независимой украинской идеологии с начала 1990-х украинские политики использовали ряд факторов для отделения государства и населения от России. Среди них автор выделяет повсеместную украинизацию населения страны, пропаганду антироссийской риторики в СМИ и фальсификацию исторической памяти. В последствии украинского кризиса 2013–2014 г. и прихода к власти радикальных националистов, в стране начался активный переход на политику открытой конфронтации с Россией. В частности, данный процесс коснулся законодательства, образования и других сфер общественной жизнедеятельности украинского населения. В заключении автор приходит к выводу, что на сегодняшний день существенной проблемой восстановления исторической справедливости и отношений между единым народом Украины и России является действующая антироссийская политика националистической власти Украины.

Ключевые слова: Украина, Россия, русофобия, антироссийская политика, национализм, украинский кризис, украинизация, русификация, фальсификация истории.

Для цитирования: Братчик А. С., Курылев К. П. Процесс формирования антироссийской политики на Украине: история и современность. Постсоветские исследования. 2022;5(5):450-463.

The process of forming an anti-Russian policy in Ukraine: history and modernity

Alina S. Bratchik

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail: bratchik.alya@bk.ru*

Konstantin P. Kurylev

*Center for Research of Post-Soviet Countries, Moscow, Russia.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3075-915X>, e-mail: kuryljov@narod.ru*

Abstract. Annotation. In this article, the author conducts a study of the historical origin of anti-Russian nationalist politics in Ukraine. Special attention is paid to the formation period of the borders of modern Ukrainian statehood as part of the Russian Empire and the Soviet Union. It is noted that the focus of modern Russophobia in Ukraine was laid on the territories of the historical regions of Galicia, Bukovina and Transcarpathia. In the context of the formation of an independent Ukrainian ideology since the early 1990s, Ukrainian politicians have used a number of factors to separate the

state and the population from Russia. Among them, the author highlights the widespread Ukrainization of the country's population, propaganda of anti-Russian rhetoric in the media and falsification of historical memory. In the aftermath of the Ukrainian crisis of 2013-2014 and the coming to power of radical nationalists, the country began an active transition to a policy of open confrontation with Russia. In particular, this process affected legislation, education and other spheres of public life of the Ukrainian population. In conclusion, the author comes to state that today a significant problem of restoring historical justice and relations between the united people of Ukraine and Russia is the current anti-Russian policy of the nationalist government of Ukraine.

Keywords: Ukraine, Russia, Russophobia, anti-Russian policy, nationalism, Ukrainian crisis, Ukrainization, Russification, falsification of history.

For citation: Alina S. Bratchik, Konstantin P. Kurylev The process of forming an anti-Russian policy in Ukraine: history and modernity. *Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies*. 2022;5(5):450-463. (In Russ.)

В конце февраля 2022 г. после признания Россией Луганской и Донецкой Республик и начала специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, произошел резкий всплеск антироссийских настроений как среди украинского населения, так и стран коллективного Запада. Однако, в резких высказываниях относительно действий России на Украине, упускается тот факт, что российское руководство было вынуждено пойти на данные шаги вследствие активной деятельности Североатлантического альянса на территории Украины, угроз со стороны украинских политиков национальной безопасности РФ и нежелания украинского руководства выполнять договоренности «Минских соглашений» по урегулированию конфликта на Донбассе¹.

Важно учитывать, что в последние годы на фоне обострения российско-украинских отношений, на Западе и, в том числе, на Украине стала проводится информационная война, главная цель которой заключалась в создании негативного образа России в мире. Так в различных СМИ, из уст политиков, общественных деятелей и гражданских лиц все чаще стали слышаться упоминания о «руссофобии» [Уфельман 2021: 9].

Значение слова «руссофобия» происходит от «руссо» – относящегося к русскому и греческого «фобос» – страх². Страх существует рядом с ненавистью. В результате руссофобия проявляется в негативном, априори предвзятом и уничижительном отношении ко всему русскому и, в частности, к России.

Украинская политика руссофобии с политико-экономической, культурно-исторической и ментально-психологической точки зрения оказывает губительное воздействие на украинское население. Украинские политики главным образом формируют руссофобию внутри страны за счёт политизированной интерпретации фактов, пропагандистской оценки, сознательного искажения и фальсификации истории³. В конечном счёте это привело к тому, что из России искусственно создали образ врага, объявив, что причиной всех политических и социально-экономических проблем, возникших на Украине после 2014 г. и продолжающихся по сегодняшний день, является РФ. На сегодняшний день руссофобия на Украине является целым мировоззрением, которое обладает своей структурой, концепцией и историей развития. Чтобы раскрыть суть данной проблемы, следует обратиться к истории

¹ Лавров заявил, что у России не было другого выбора, как начать спецоперацию на Украине // ТАСС. 19.04.2022. URL: https://n.tass.ru/politika/14410131?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 24.04.2022)

²Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Значение слова «руссофобия» // Classes.ru. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-95405.htm> (дата обращения 21.04.2022)

³ Руссофобия как она есть // Смотрим. 20.03.2022. URL: <https://smotrim.ru/article/2691998> (дата обращения 23.04.2022)

зарождения антироссийской политики на Украине.

Украинские территории в составе России на рубеже XVIII–XIX вв.

В современной историографии Украины период воссоединения украинских земель с Российской империей на рубеже XVII–XIX вв. характеризуется временем системного формирования украинской русофобии. Сегодняшние национальные украинские политические элиты называют данный период «временем насильственной русификации украинцев» [Миллер 1997: 143]. По их мнению, Российская империя стремилась насадить русский язык и православие, проводила колониальную политику, ассимиляционное давление, ограничивающееся системой запретов по отношению к пропагандистским усилиям украинских националистов, «сопротивляющихся Российскому имперскому управлению»¹. Однако, с точки зрения российских исследователей, данное внедрение российской политики, собственного языка и прочего по отношению к присоединенным исконно славянским территориям позволяло Российской империи приобщить присоединенные народы к русскому языку и русской культуре [Блищенко 2014: 102]. То есть российские власти пытались сделать все возможное, чтобы народы данных регионов, спустя определенный исторический период, ощущали себя не чуждой нацией, а частью российского государства и общего славянского прошлого.

Большая часть современных украинских историков убеждена, что с так называемой «интеграцией» в Российское царство, Украина потеряла государственность, существующую до того в ограниченной форме Гетманщины. В связи с этим необходимо отметить важное с методологической и политической точки зрения обстоятельство: Украина как самостоятельное государство или

самостоятельная административно-территориальная единица появляется на географических картах только в 1917 г., когда Центральная рада провозгласила Украинскую Народную Республику. Поэтому речи о присоединении Украины к Россией в XVII в. не может быть, так как на тот момент никакой «Украины» или «украинского народа» с точки зрения не существовало. Данное воссоединение являлось «собираением» традиционных, исторических земель Киевской Руси «под рукой» правителей России².

Еще во второй половине XVII в. решением Земского собора и российского царя Алексей Михайловича было принято решение принять просьбу атамана Богдана Хмельницкого и взять «под государеву руку» территории Запорожской Сечи³. Окончательное же закрепление Малороссии за Российским государством произошло в XVIII в. при Петре I и Екатерине II. После трех разделов Речи Посполитой Российская империя возвратила западные древнерусские земли, за исключением Галиции и Закарпатья, которые оказались в Австрийской, а впоследствии – в Австро-Венгерской империи.

Политика, направленная на продвижение русского языка на Украине, последовательно продолжалась в течение всего XVIII–XIX в., языковая политика российских императоров коснулась не столько этнического, сколько социального облика и не всего населения, а лишь местных церковных и светских элит. В сфере образования украиноязычные школы лишь переводились на российское образование [Клименко 2022: 280].

Украинские националистические активисты неоднократно заявляли, что в Российской империей «украинский язык ограничивали, запрещали и отменяли официально — циркулярами, указами, законами, анафемами и государственными актами»⁴.

¹ «Усім говорить російською...» // Крим.Реаліі. 27.10.2021. URL: <https://ua.krymr.com/a/28812419.html> (дата обращения 22.04.2022)

² Воссоединение Украины // История.РФ. 09.12.2013. URL: <https://histrf.ru/read/articles/vossoiedinieniie-ukrainy-event> (дата обращения 27.04.2022)

³ Собор, воссоединивший Украину с Россией // ИСТОРИЯ.РФ. 12.10.2019. URL: <https://histrf.ru/read/articles/sobor-vossoiedinivshii-ukrainu-s-rossiiei> (дата обращения 21.04.2022)

⁴ Петр Валуев и другие. Как в Российской империи из украинцев пытались сделать россиян // Фокус.ua.

В XVIII в. приводятся в пример следующие документы: «Указ Петра I о запрещении книгопечатания на украинском языке и изъятии украинских текстов из церковных книг» в 1720 г., «Указ Екатерины II о запрещении преподавать на украинском языке в Киево-Могилянской академии» в 1763 г., и «Указ 1764 г. о ликвидации института гетманства», когда русский язык окончательно стал официальным на современных украинских землях [Козьярський 1995: 4].

В XIX в. украинские историки не упускают возможности упомянуть Валуевский циркуляр 1863 г. – предписание министра внутренних дел Российской империи П. А. Валуева 1863 г. о запрете издания учебников, литературы и книг религиозного содержания на украинском языке. Эмский указ 1876 г. о запрете печатания и ввоз из-за границы любой украиноязычной литературы, а также проведение украинских сценические спектаклей. И Указ Александра III 1888 г. о запрете употребления украинского в официальных учреждениях, преподавания в народных школах и произнесения церковных проповедей на украинском языке [Клименко 2022: 281].

При использовании этих документов в качестве примера, украинские националисты апеллируют таким фактом, что якобы в период XVII–XIX вв. российские власти запрещали украинский язык. Однако, они никогда не приводят полный текст этих постановлений, их содержание, какие обстоятельства послужили причиной их появления и какова была тогда обстановка в стране. Все это открыто замалчивается.

Повод издания таких распоряжений был следующим. В начале 1860-х гг. на фоне драматических событий в Польше, лидерами восстания польского и украинской интеллигенцией было активизировано национальное движение на Украине.

Поддержка поляков была обусловлена использованием украинских националистов для ослабления российской власти на территории Малороссии¹. С этого момента правительство стало рассматривать украинское движение как сепаратистское и пропагандируемое в интересах поляков. По этой же причине дальнейшие императорские указы 1876 и 1888 г. имели такой ограничивающий характер.

Говоря в общих чертах, насильственной русификации на украинской территории в XVIII–XIX в. не было и не могло быть. В первую очередь, нет никакого официального подтверждения "насильственной русификации украинцев", ни административных или хотя бы законодательных следов в жизни Российской Империи. Украинцы не теряли отличительных черт, не вычленились и не ущемлялись ни по конфессиональным, ни по расовым соображениям. Украинские элиты в данный период успешно внедрялись в институты российского государства. По этой причине антироссийские националистические восстания были ими же отвергнуты и обращены вспять [Блищенко 2014: 103].

Кроме этого, стоит привести в пример обращение Екатерины II к генеральному прокурору Сената князю Вяземскому: «Малороссия— это провинция, обладающая особыми привилегиями, которые были ей дарованы. Резко урезать их или отменять полностью не следует, однако и рассматривать эту провинцию как иноземную территорию было бы не только ошибочно, но и глупо»². Так мы понимаем, что и в помине в императорской политике нет упоминания о «насаживании русского языка и культуры» на украинский народ, видно лишь приобщение жителей Малороссии к российской государственности. Что касается художественной литературы на украинском

29.07.2018. URL: <https://focus.ua/archivist/402828> (дата обращения 25.04.2022)

¹ Русификация Украины в Российской империи // Istmira. URL: <https://www.istmira.com/drugoe-istoriya-rossii/7854-rusifikaciya-ukrainy-v-rossiyskoj-imperii.html> (дата обращения 23.04.2022)

² «Волки, смотрящие в лес». Как Екатерина Великая начинала интеграцию Малороссии // Украина.ру. 21.11.2021. URL: <https://ukraina.ru/history/20211121/1032705259.html> (дата обращения 25.04.2022)

языке в XIX в., официально она не запрещалась, при условии, что сюжет произведения не призывал прямо или косвенно к отторжению украинских земель от России.

Более того, современные западные украинские регионы в то время не входили в состав Малороссии, а являлись частью Царства Польского и Австро-Венгрии до XX столетия. Формирование украинского государства и национальной идентичности началось только в советские период, когда в 20–30-х гг. XX в. были установлены границы современной Украины. Поэтому ни о каком ассимиляционном давлении со стороны России в XVIII–XIX в. не может идти и речи. В том числе, преобладающей религией в Малороссии было православное христианство, а проживающий в ней народ – славяне. Украинцы и русские имели идентичные культурные традиции, даже язык «малорусский» мало чем отличался от великорусского [Ткаченко 2013: 178].

Кроме вышеперечисленных фактов, важно подчеркнуть – ошибочно обвинять Россию в ее так называемых «имперских амбициях», забывая о влиянии Речи Посполитой, а затем Царства Польского на Львовскую и Волынскую губернии. Когда на данных территориях в 1789 г. распоряжением Едукационной комиссии Польского Сейма были закрыты всех украинские учебные заведения; и 1869 г. введен польский язык в качестве официального языка образования и администрации¹. Таким образом, украинские националистические утверждения об «абсолютном запрещении говорить и писать по-украински в составе Российской империи» не имеют научно достоверных исторических сведений, и являются ничем иным как антироссийской пропагандой современных историков Украины.

Очаг зарождения украинской русофобии в XX в.

Украинское национальное самосознание и антироссийская пропаганда стала зарождаться еще в конце XIX – начале XX вв. Традиционным очагом зарождения

русофобии на украинских землях в период XX в. считались территории Галиции, Буковины и Закарпатья. В нынешних административных границах Украины этот очаг русофобии включает в себя территории практически всех украинских западных областей: Львовской, Черновицкой, Ивано-Франковской и Тернопольской областей. Ранее данные области являлись бывшими австро-венгерскими провинциями, которые были присоединены к Советскому Союзу только в ходе Второй мировой войны [Калашников 2020: 84].

Бурное развитие украинского национального движения на западных землях Украины в конце XIX – начале XX столетий стало результатом политики правительства Австро-Венгрии по дерусификации населения Галиции [Molchanov 2015: 5]. Они опасались, что возможный переход Галиции и других восточнославянских земель под власть России приведет к незамедлительной ассимиляции населения. Поэтому, во избежание интеграции, австро-венгерские власти стали поддерживать сознание национальной отчужденности жителей данных земель от русских.

Характерной чертой политической культуры данных западноукраинских земель в советский период являлось широкое распространение радикальных, националистических, в том числе русофобских настроений. Важным примером, является общеизвестный факт, что население Галиции сочувственно относилось Гитлеру и его местным последователям-коллораборационистам, в особенности таким как Степан Бандера, Роман Шухевич. По сегодняшний день, жители западной Украины искренне считают, что под их покровительством развилась бы независимая Украина, однако Советский Союз «помешал этому случиться» [Веселова 2006: 294].

Всплеск националистических и русофобских настроений на бывших территориях Галиции и Буковины пришелся и на посткоммунистический период, когда на

¹ Як боролися з українською мовою та культурою протягом XVI–XX століть (частина 1)? // Learning.ua 22.11.2021. URL: <https://learning.ua/blog/202111/yak-borolyisia-z-ukrainskoiu-movoiu-ta-kulturoiu-protiahom-xvi-xx-stolit-chastyna-1/> (дата обращения 28.04.2022)

borolyisia-z-ukrainskoiu-movoiu-ta-kulturoiu-protiahom-xvi-xx-stolit-chastyna-1/ (дата обращения 28.04.2022)

Украине возникли политические организации, стоящие на открыто националистических позициях. Так одним из главных приверженцев данных убеждений в 2000-е гг. выступила маргинальная украинская партия «Свобода» [Соловьев 2013: 180]. Начиная с 2004 г. лидер данной партии Олег Тягнибок неоднократно выступал с антироссийскими заявлениями и проводил эффективные пропагандистские акции западноукраинских националистов на территории всей Украины. Его главными лозунгами стали защита прав украинцев как «титупной нации», выход из всех «созданных Москвой» объединений, запрета «пророссийских организаций» на территории Украины, восстановление «Галичины», реабилитация участников ОУН / УПА¹ и уравнивание их ветеранов в правах с ветеранами Великой Отечественной войны [Мачаринский 2008: 47]. После незаконной смены власти на Украине и прихода «Свободы» вместе с аналогичными националистическими партиями «Правый сектор» и «Национальный корпус» в Верховную раду в феврале 2014 г. данные радикальные взгляды, русофобские и нередко расистские заявления стали неотъемлемой частью проведения украинской пропаганды и политики Петра Порошенко и в последствии Владимира Зеленского.

Таким образом, современная идеология национальной независимости Украины стала опираться на политические взгляды западных украинцев, которые во многом расходились с мнением жителей южных, восточных, и юго-восточных районов страны. Для центрального правительства Украины жители Западенины стали главным примером носителей «украинского патриотизма» и истинным эталоном «образцовой украинской идентичности» для всего населения страны.

Становление независимого украинского государства в 1990-е гг.

Согласно классическому методологическому и политологическому

определению, нация – исторически сформировавшаяся в процессе развития устойчивая общность людей, проживающих на одной территории, и имеющих общую культуру, язык и самосознание². Однако современная Украина не может считаться национальным государством, так как ее нынешние границы были сформированы в советский период, и, как самостоятельная президентско-парламентская республика, она впервые появилась на карте мира только в 1991 г.

Современный этап развития украинского национализма начался во второй половине 1980-х гг. и был напрямую связан с политическими процессами, разворачивающимися в тот период в СССР. Первоначально движение сторонников украинского национализма носило характер движений, направленный на возрождение культурно-исторического наследия.

В сентябре 1989 г. была создана организация «Народный рух Украины за перестройку». В качестве целей провозглашалось создание условий для выхода Украины из состава СССР и получения независимости. Власти Советской Украины сознательно пошли на альянс с национальными движениями, которые служили инструментом давления на Москву. Выдвигаемые ими идеи рассматривались в качестве основы для формирования новой идеологии, которая должна была стать фундаментом будущего независимого государства [Жильцов 2014: 21-36].

Импульс для расширения влияния украинского национализма дала Декларация о государственном суверенитете Украины, принятая в июле 1990 г. украинским парламентом. В это время идеи украинского национализма активно внедрялись в украинское общество под влиянием западно-украинской элиты, которая в конце 1980-х гг. заявляла о себе все настойчивее. В начале 1991 г. галичанская элита пришла к пониманию потенциальных возможностей выхода на общеукраинский уровень и продвижения своего понимания будущего

¹ Организации запрещены в России

² Определение значения «нация» // Политология. Словарь. 2010. URL:

<http://www.endic.ru/history/Nacija-27464.html> (дата обращения 04.05.2022)

развития Украины в другие украинские регионы, элиты которых были плохо организованы, безынициативны, не имели ярких лидеров и какой-либо идеологии. В итоге в конце 1980-х гг. в СССР, западно-украинские области Украины имели сформированную элиту, с собственной идеологией, которая стала конкурировать с официальной партийной советской идеологией [Жильцов 2014: 21-36].

Первой крупной праворадикальной организацией, возникшей на Украине в те годы, стала Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона (УНА-УНСО). Лидером ее стал Юрий Шухевич – сын главнокомандующего УПА в 1944-1950 гг. Романа Шухевича. Идеологией УНА-УНСО является интегральный национализм с присущей ему ксенофобией, в особенности русофобией. Своими целями партия провозгласила борьбу против «русского империализма» и создание Украинской империи, которая должна включать в себя все земли бывшего СССР, на которых украинцы составляют большинство населения (в т.ч. те территории, которые входят в состав России, Белоруссии, Казахстана и т. п.) [Бабенко 2014: 211-221].

После победы на выборах первый президент Украины Л.М. Кравчук (1991-1994 гг.) приступил к созданию национального государства со своей историей. Всякое напоминание о событиях 1654-1917 гг. в советской интерпретации со временем должно было исчезнуть, уступив место новым трактовкам уже украинских историков. Украинский национализм предполагалось противопоставить «имперскому» периоду русской истории, а независимость понималась как фактор противопоставления Украины России [Жильцов 2014: 21-36].

После обретения Украиной независимости националисты, оказавшиеся во власти, стали активно пропагандировать идеи. Главной из которых был лозунг, что необходимо дистанцироваться от России, интегрироваться в Европу, и тогда все внешние и внутренние проблемы будут решены. В свою очередь, партийно-номенклатурная элита в начале 1990-х гг. восприняла идеи галичанской элиты, а затем

стала последовательно претворять их в жизнь. Остальные региональные элиты Украины подстраивались под идеологические устремления и воззрения представителей западных областей [Идрисов 2019: 94-98]. Большинство государственных постов в стране продолжало находиться в руках бывших коммунистов и финансово-промышленных групп. Националистическим силам, представленным выходцами из Западной Украины, была отдана сфера идеологии и культуры. В результате в достаточно короткие сроки националистическая идеология стала фактически государственной идеологией.

Упор делался на создание национального государства, со своей историей, одним государственным (украинским) языком. Русский язык был приравнен к языку национальных меньшинств, хотя на нем разговаривает около половины, если не более, населения страны. Кроме того, концепция построения национального государства предполагала выдвигание новых украинских «героев» взамен прежних, «от советских времен», создание собственной истории украинской государственности. Без этого невозможно было провести ревизию советского прошлого и обеспечить разрыв культурно-исторических связей между Россией и Украиной [Жильцов 2014: 21-36].

В октябре 1992 г. при участии действовавших в эмиграции членов ОУН (б) в Киеве был основан Конгресс украинских националистов (КУН), который возглавила вернувшаяся из Мюнхена вдова Ярослава Стецько (соратника С. Бандеры и его первого заместителя в ОУН (б)). КУН позиционирует себя в качестве продолжателя традиций национально-освободительной борьбы ОУН, считает своими предшественниками Е. Коновальца, С. Бандеру, Р. Шухевича, Я. Стецько, а идеология Конгресса во многом базируется на трудах Д. Донцова. КУН выступает за создание Украинского национального государства, за «власть украинского народа на украинской земле».

Наряду с первым президентом Украины Л. Кравчуком, значительную роль в распространении национализма на Украине

сыграли президенты Л.Д. Кучма и В.А. Ющенко.

В период президентства Л. Кучмы (1994-2004 гг.) был принят закон о языках, применение которого сопровождалось ущемлением права использования русского языка, на котором говорила большая часть населения Украины. Именно при Л. Кучме были образованы националистические организации, антисемитскую и русофобскую деятельность которых нередко поощряла официальная власть. Например, в 1999 г. была создана организация «Тризуб имени Степана Бандеры» во главе с Дмитрием Ярошем. Согласно идеологии «Тризуба», национальное украинское государство должно быть моноэтничным и монокультурным, и в нем не должно быть места украинско-русской бикультурности. Его активисты считают, что проживающие на Украине русские «либо должны пройти процедуру «украинизации», т. е. отказаться от родного языка и «имперского», «шовинистского» наследия, либо покинуть Украину.

Л. Кучма использовал умеренную националистическую риторику для отстаивания интересов олигархической элиты русскоязычной Юго-Восточной Украины, «крестным отцом» которой он являлся. Украинские олигархи, будучи сами выходцами преимущественно из Юго-Восточных регионов Украины являлись носителями националистических взглядов. Они же всегда были наиболее последовательными сторонниками интеграции Украины в ЕС. Объяснялось это, с одной стороны, намерением большинства легитимировать свои капиталы и собственность, получить гарантии их сохранения через максимальное сближение Украины с ЕС. Кроме того, украинские финансово-промышленные кланы владеют недрами страны. И были очень не заинтересованы в том, чтобы допустить на Украину русских, боясь не выдержать с ними конкуренции. Отсюда их цель – увеличение популярности националистической идеологии, распространение её среди жителей русскоязычных и считающихся пророссийскими регионов. На взгляд

олигархов, лишь тотальная русофобия, враждебное отношение к России является надежной гарантией независимости Украины, а значит и их господствующего положения в стране. Концентрированное понимание Л. Кучмой сути националистического проекта Украины нашло отражение в его знаменитой книге «Украина – не Россия».

Резкая радикализация украинского национализма произошла в 2004 г. в ходе «оранжевой революции» и прихода в результате нее к власти В. Ющенко (2005-2010 гг.). С того времени национализм обретает статус официальной национальной политики в стране. В 2004 г. создается Всеукраинское объединение «Свобода», чьим лидером становится Олег Тягнибок. «Свобода» выступала за построение Украины как государства украинской нации, которая понимается в сугубо этническом смысле. Партия являлась противником украинско-русской бикультурности. Само двуязычие на Украине рассматривалось «Свободой» по словам ее идеолога Ирины Фарион как «следствие более чем 300-летнего имперско-русского террора», а русскоговорящие украинцы – как «жертвы оккупационного московско-советского режима». «Свобода» позиционирует себя как наиболее ревностного наследника традиций ОУН-УПА.

Новый этап развития украинского национализма начинается с 2010 г., после прихода к власти В.Ф. Януковича (2010-2014 гг.). Именно в период его президентства партия «Свобода» прошла в Верховную Раду Украины во время парламентских выборов 2012 г., набрав 10,44% голосов. В результате региональная (галицийская) ультраправая партия впервые вышла на общеукраинский уровень. Прохождение националистов в парламент не обошлось без участия центральных властей. В. Януковичу была нужна «карманная» националистическая структура, способная ослабить влияние его оппонентов А. Яценюка и В. Кличко. План вывести во второй тур президентских выборов 2015 г. в качестве спарринг-партнера В. Януковичу лидера «Свобода» О. Тягнибока казался властным

политтехнологам идеальным. Фактически, отдавая «Свободе» на откуп Западную Украину, В. Янукович намеревался выиграть в главном – сохранить власть после 2015 г. Помимо прочего этого давало возможность апеллировать и к России, жалуясь на неонацистов и списывая на них невыполнение обещаний¹.

Однако контролировать националистов у В. Януковича не получилось. Ультраправые партии стали активными участниками Евромайдана (ноябрь 2013 г. – февраль 2014 г.) и свержения В. Януковича в феврале 2014 г. В событиях на Майдане участвовала «Свобода» и более радикальные группы – мелкие ультранационалистические партии и организации, активисты которых объединились в конце 2013 – начале 2014 гг. в организацию «Правый сектор» (запрещена в России), в который влились УНА-УНСО, «Тризуб имени С. Бандеры», «Социально-национальная ассамблея – Патриот Украины», «Самооборона Майдана» и др., а также фанаты украинских ультраправых рок-групп и футбольные ультрас. Возглавил «Правый сектор» Д. Ярош.

После свержения В. Януковича «Правый сектор» участвовал в расправах с пророссийскими активистами и карательных акциях на Донбассе. Националисты приняли участие в формировании добровольческих батальонов для подавления сопротивления в ДНР и ЛНР. Были созданы батальон «Азов», «Донбасс», «Айдар», «Шахтерск», «Днепр», Добровольческий украинский корпус «Правого сектора», Добровольческий батальон УНСО и др., а «Свобода» сформировала батальон «Сич». Кстати, у истоков создания таких неонацистских отрядов, как «Азов» и «Айдар» стоял украинский олигарх И. Коломойский, еврей по происхождению, потративший десятки миллионов долларов на их формирование и обеспечение.

В заключении отметим. В сегодняшней Украине часто можно слышать, «где вы видели на Украине нацистов? Это

русская пропаганда! Нет у нас фашизма. В. Зеленский – еврей. Как может еврей быть нацистом». Пример И. Коломойского показывает, что связь есть. Напомним, что именно И. Коломойский был одним из тех, кто привел к власти В. Зеленского, который, придя к власти, не распустил неонацистские структуры, полк «Азов», официальный логотип которого сочетает в себе руну вольфсангеля дивизии «Дас Рейх» Ваффен СС с символом Черного Солнца, впервые использованным руководителем СС Г. Гиммлером в замке Вевельсбург в Германии.

Дело в том, что для современного украинского неонацизма, в отличие от гитлеровского нацизма, евреи не являются главным экзистенциальным врагом. Да, антисемитизм у украинских неонацистов имеется, но главный враг для них русские. Это дает возможность украинским неонацистам маскировать свою сущность: раз наш главный враги не евреи, значит, мы не нацисты. Как ни печально, сегодня еврей может поддерживать неонацистов – тем более, если, как в украинском случае, экзистенциальным врагом этих неонацистов являются не евреи².

Таким образом, после государственного переворота 2014 г. крайне правый национализм (неонацизм) стал официальной государственной идеологией на Украине. Одна из характерных ее особенностей – готовность применения силовых мер для обеспечения национальной монолитности страны. Идеальная Украина рассматривается как отрицающее федерализацию мононациональное государство, допускающее крайние силовые меры в отношении не разделяющих такой взгляд. Это со всей очевидностью доказала так называемая «антитеррористическая операция» в отношении Донецкой и Луганской народных республик, трагедия в Доме профсоюзов в Одессе, а также дискриминационные законы в отношении русского языка и русскоязычного населения³.

¹ Курылев К.П. «Полный Пьемонт»: как разобщенность Украины стала разменной картой в игре политических сил // <https://iarex.ru/articles/53765.html>

² Дюков А. Печально, что еврей может поддерживать неонацистов // <https://vz.ru/opinions/2022/3/31/1151378.html>

³ Сергеев А. Украинский национализм: история смертельной трансформации //

В процессе исторического развития современные украинские территории формировались из разных этнических народов и разных областей: русского Юго-Востока, русско-украинского Центра и западноукраинской Галиции.¹ Данные земли страна получила исключительно в результате действий российско-советского, польского, австро-венгерского и румынского правительств. Долгое время современные территории Украины входили в состав разных государств, подчинялись различным этническим и религиозным центрам, а предки сегодняшних украинцев воевали друг против друга в составе различных армий. Однако основы современной украинской государственности были заложены именно в лоне русского мира, против которого не наблюдалась никакая-либо освободительная борьба украинцев за независимость, которая могла бы сформировать единую украинскую нацию.

На момент распада СССР в одной стране оказались люди, не объединенные ничем, кроме границ. Поэтому после прихода новых политических элит Украины в 1991 г. в государства постепенно стала выстраиваться новая украинская идеология, которая была построена на полной украинизации всего общества страны [Діак 2005: 310-312]. В государстве стала проводиться интеграция всего населения на основе одного языка и формирование нового культурного, исторического и политического самосознания украинского этноса. При этом шло постепенное отторжение от коммунистического прошлого, и настоящего пути развития с Россией.

В мягкой форме данная политика начала осуществляться еще при первом президенте Украины Леониде Кравчуке. В ограниченной форме она была продолжена при Леониде

Кучме, который лучше всего выразил сущность украинской идеи того времени в своей научной работе «Украина – не Россия» [Кучма 2004: 526-532]. Еще большее дистанцирование Украины от России произошло после Оранжевой революции 2004 г., после которой у власти оказались открытые оппозиционеры-противники РФ. Президент В. Ющенко взял открытый курс на обострение отношений с Россией. Благодаря украинским СМИ он смог добиться нужной ему интерпретации болезненных исторических аспектов взаимоотношений между двумя странами². Во время президентства В. Януковича от этой политики неформально и де-факто отказались, однако процесс антироссийской риторики на Украине уже был запущен.

Таким образом, первые четыре президента Украины в силу формирующейся в стране внутривластной ситуации внесли свой вклад в распространение русофобии и создание негативного образа РФ среди украинского населения. Тем не менее, до Евромайдана 2013 г. никто из выше представленных президентов не шел на открытый конфликт с Россией.

Активизация антироссийской политики на Украине

В последствии украинского кризиса, постигшего страну после Майдана и кровавого переворота в феврале 2014 г., слабая фобия приобрела острую форму. В последствии возвращения Крыма в состав РФ и начала гражданской войны на Донбассе, Россию выставили «страной-агрессором» и обвинили в «нападении» на независимую страну³. С этого момента русофобия стала основой внешней и внутренней политики украинского государства, а само русофобство поднялось до уровня национальной гордости.

<https://mypensiya.mirtesen.ru/blog/43798067358/Ukrayinskiy-natsionalizm-istoriya-smertelnoy-transformatsii>

¹ Феномен русскоязычной русофобии на Украине // РИТМ.ЕВРАЗИИ. 25.08.2019. URL:

<https://www.ritmeurasia.org/news--2019-08-25--fenomen-russkojazychnoj-rusofobii-na-ukraine-44492> (дата обращения 01.05.2022)

² Медведев обвинил Ющенко в русофобии // Корреспондент. 07.11.2009. URL:

<https://korrespondent.net/world/russia/1015696-medvedev-obvinil-yushchenko-v-rusofobii> (дата обращения 23.04.2022)

³ Украина = русофобия плюс русофилия // Международная жизнь. 13.05.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30095> (дата обращения 30.04.2022)

По окончании «Революции Достоинства» под удар попало всё, что исторически объединяло и по сегодняшний день сближает русских и украинцев. Первоначально новые «майданные» власти попытались отменить закон о государственной языковой политике. 23 февраля 2014 г. Верховная Рада Украины проголосовала за законопроект о лишении регионального статуса русского языка¹.

Затем в июне 2014 г. новый президент Украины Петр Порошенко, пришедший к власти при помощи националистических сил, добился в развитии антироссийской политики максимального результата. В новой «Стратегии национальной безопасности Украины» от 26 мая 2015 г. прямо отражается антироссийская политика: «Стремясь препятствовать воле украинского народа к европейскому будущему, Россия оккупировала часть территории Украины – Автономную Республику Крым и город Севастополь, развязала военную агрессию на Востоке Украины и пытается разрушить единство демократического мира, предпринять ревизию мирового порядка, сформировавшегося после завершения Второй мировой войны, подорвать основы международной безопасности и международного права, узаконить безнаказанное применение силы на международной арене»².

В период президентства Петра Порошенко на Украине массово вводили антироссийские законы. «Закон об очищении власти 2014 г.»³, запрещающий занимать руководящие должности в стране бывших сотрудников спецслужб бывшего Советского Союза. «Закон об образовании 2017 г.»⁴,

запрещающий использовать в системе образования русский язык. В конце 2018 г. ударили по духовному единству русских и украинцев. Был принят «Закон о переименовании религиозных организаций»⁵, после которого на Украине создали единую автокефальной Православную церковь, упраздняющую ранее существующую Украинскую православную церковь (Московского патриархата).

В апреле 2019 г. Верховной радой был принят основательный законопроект "Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного"⁶. Тем самым, был взят курс на тотальную украинизацию населения. Согласно документу, граждане страны обязаны использовать украинский язык во всех сферах общественной жизни. Постепенное вытеснение русского языка украинским выражается в отмене русскоязычных школ на территории Украины, запрете использовать русский в гуманитарной, рекламной, медицинской, туристической и транспортной сферах. За нарушение языковой политики или дискриминацию украинского языка в пользу русского, законом предусмотрены административные наказания или штрафы в размере от 200 до 700 необлагаемых налогом минимумов доходов граждан (от 3 400 до 11 900 гривен).

Приход к власти в 2019 г. русскоязычного украинского шоумена Владимира Зеленского течение русофобии не остановил, напротив, антироссийская политика на Украине приобрела более тяжёлую форму, с осложнениями как в верхних, так и в нижних социальных слоях.

¹ Рада скасувала мовний закон Ківалова-Колесніченка // LB.ua. 23.02.2014. URL: https://lb.ua/news/2014/02/23/256787_rada_otmenila_ya_zikovoy_zakon.html (дата обращения 23.04.2022)

² УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА УКРАЇНИ №287/2015. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 6 травня 2015 року "Про Стратегію національної безпеки України" // ПРЕЗИДЕНТ УКРАЇНИ. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/2872015-19070> (дата обращения 02.05.2022)

³ Закон України «Про очищення влади» від 16.09.2014 за № 1682-VII // УІНП. URL: <https://uinp.gov.ua/pro-institut/vykonannya-zu-pro-ochyshchennya-vlady/zakon-ukrayiny-pro-ochyshchennya-vlady-vid-16092014-za-no-1682-vii> (дата обращения 01.05.2022)

⁴ Закон України №2145-VIII від 05.09.2017 "Про освіту" // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2145-19#Text> (дата обращения 30.04.2022)

⁵ Закон України про внесення зміни до статті 12 Закону України "Про свободу совісті та релігійні організації" // LIGA 360. 20. 2018. URL: https://ips.ligazakon.net/document/view/T182662?_ga=2.33388344.725304090.1653753492-1884135520.1653753492 (дата обращения 02.05.2022)

⁶ Как на Украине ограничивали использование русского языка // ТАСС. 15.07.2021. URL: https://n.tass.ru/info/11907705?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 01.05.2022)

Нынешний президент полностью продолжает политику своего предшественника, что отражается в «Стратегии национальной безопасности Украины от 14.09.2020г.»¹, полностью характеризующей суть предыдущей стратегии за 2015 г., и антироссийских законах, принятых в период президентства Петра Порошенко, и продолжающих действовать при сегодняшней власти В. Зеленского.

Кроме этого, в школьном образовании гуманитарный предмет «История Украины» является один из важнейших элементов распространения антироссийских политики украинских националистов. После украинских событий 2014 г. и прихода к власти радикальных националистических представителей, новая интерпретации истории теперь в основном опирается на их мнения, лозунги, идеологию и откровенно агрессивную русофобию. Обвинения в «постоянной русификации украинцев» и «непрерывающейся борьбе украинцев за независимость» – одни из главных мифов, преподаваемых в украинских школах [Касьянов 2011: 174]. Влияние конструирования исторической памяти Украины оказывает большое влияние на современную украинскую молодежь. Со школьных лет у молодого поколения только начинает формироваться собственное самосознание и мировосприятие. В конечном счете новая интерпретация истории оказывает психологическое воздействие на их менталитет, который полностью отражает идеи и представления современных политических элит Украины.

Последним ключевым фактором в формировании антироссийских настроений у украинцев стоит выделить украинские средства массовой информации. С 2014 г. различные украинские лидеры сосредоточили свои усилия на блокировании российских каналов и интернет-ресурсов, которые, как они заявляют, распространяют фейковые новости на Украине [Буракова 2019: 108]. Сегодняшние украинские СМИ

отличаются крайней степенью политизированностью, выставляют Россию страной-агрессором и пропагандируют в массы ложную антироссийскую информацию. Однако, эти же «независимые» масс-медиа на Украине сами не являются свободными, так как все они принадлежат тем или иным украинским олигархам или финансируются за счет западных частных представителей.

Заключение

Таким образом, рассмотрев историю и развитие антироссийской политики в современности, можно сделать вывод, что русофобия на Украине является далеко не новым явлением, так как истоки данной проблемы были заложены в ряде исторических событий XVIII–XX столетий. После обретения независимости на Украине постепенно националистические лидеры формировали предпосылки для отделения Украины от России. Полная активизация антироссийской политики началась после прихода в 2014 г. к власти украинских радикальных националистов. В своей политике они активно стали внедрять ключевые методы массовой манипуляции сознанием украинского общества. В качестве манипулятивных средств украинские политики используют пропаганду в СМИ, антироссийские законы, касающиеся всех сфер деятельности, ограничение русского языка и культуры, фальсификацию и переписывание исторических событий с новым «правильным» взглядом на историю Украины. Благодаря этому украинским националистам удалось еще сильнее повысить уровень психологического антироссийского давления, выстроенного на разжигании вражды к русскому миру у украинского общества.

За короткий промежуток времени в независимой Украине пророссийская социальная база была полностью размыта. Для нынешнего украинского поколения совместное прошлое с Россией перестало существовать. Информационная политическая пропаганда, построенная на

¹ Указ Президента України. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 14 вересня 2020 року "Про Стратегію національної

безпеки України" // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/392/2020> (дата обращения 03.05.2022)

антироссийской идеологии, за несколько лет создала негативный образ русского мира в глазах украинцев. Поэтому не удивительно, что сегодня в условиях специальной военной операции России на Украине, подавляющее большинство украинского народа, как на западе, так и на востоке страны, воспринимает Россию как врага и абсолютную экзистенциальную угрозу существованию украинского государства. Однако, важно понимать, что главная цель

данного шага со стороны РФ является не «уничтожение» украинского мирного народа, а смена правящей националистической власти в Киеве. Для восстановления исторической связи Украины и России необходим слом современной политической системы, которая по сегодняшний день продолжает отравлять украинскую нацию ложной пропагандой и антироссийской риторикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабенко В.С.* Украина в паутине национализма: политические и правовые последствия // Россия и современный мир, 2014. №2 (83). С. 211-221.
- Блищенко В.И.* Присоединение Украины к России: мифы и реальность // Обозреватель. 2014. №2 (289). С. 99-106.
- Буракова А.И.* Проблема русофобии в украинских средствах массовой информации: способы проявления и последствия // VII международная научная конференция НИУ ВШЭ. 2019. С. 105-114.
- Веселова О., Лисенко О., Патриляк І., Сергійчук В.* ОУН в 1941 році. Документи. В 2-х ч. / відп. ред. С. Кульчицький. К: Інститут історії України. 2006. 336 с.
- Діак І.В.* Українська національна ідея : Шлях до Великої України. Київ: [б.в.]. 2005. 335 с.
- Жильцов С.С.* Истоки современного украинского национализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология, 2014. №4. С. 21-36.
- Калашиников С.М.* Националистическая мифологизация истории Украины эпохи Великой Отечественной войны на примере деятельности нацистских пособников ОУН-УПА // Краснодар: Всероссийская заочная научно-практическая конференция. 2020. С. 83-86.
- Касьянов Г.В., Миллер А.И.* Россия-Украина: как пишется история. Диалоги - лекции – статьи. М.: РГГУ. 2011. 306 с.
- Клименко И.М., Ган О.И.* Какие культурные стереотипы формирует школьный учебник истории Украины у учащейся молодежи // Историко-педагогические чтения. 2022. № 26. С. 278-281.
- Козярьський Б.* Нищення української мови поневолювачами України // Всеукраїнська правозахисна газета. 1995 № 3. С. 3-8.
- Курылев К.П., Станис Д.В.* Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривосточной нестабильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-3 (43). С. 114-117.
- Кучма Л.Д.* Украина – не Россия. М.: Время. 2004. 559 с.
- Мачаринский А. Я.* Кто и зачем реабилитирует ОУН-УПА // ВПК. 2008. № 50 (266). С. 43-51.
- Миллер А.И., Репринцев В.Ф., Флоря Б.Н.* Россия - Украина: история взаимоотношений. М.: Школа «Языки русской культуры». 1997. 248 с.
- Соловьев К.А.* Западноукраинский национализм в контексте современных российско-украинских отношений // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. №21 (122). С. 174-185.
- Ткаченко В.Н.* Феномен «внутренней колонизации» в украино-российских отношениях (исторический аспект) // Политическая концептология. 2013. № 4. С. 173-186.
- Уфельман Д.* Чи існує «русофонна русофобія»? Коли російськомовні користувачі українського інтернету висловлюються проти Росії та всього російського // «Критика». 2021 №11-12. С. 2-14.

REFERENCES

- Blishchenko V.I.* Prisoedinenie Ukrainy k Rossii: mify i real'nost' // *Obozrevatel'*. 2014. №2 (289). S. 99-106.
- Burakova A.I.* Problema rusofobii v ukrainskih sredstvakh massovoj informacii: sposoby proyavleniya i posledstviya // VII mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya NIU VSHE. 2019. S. 105-114.
- Diyak I.V.* Ukraïns'ka nacional'na ideya : SHlyah do Velikoï Ukraïni. Kiiiv: [b.v.]. 2005. 335 s.
- Kalashnikov S.M.* Nacionalisticheskaya mifologizaciya istorii Ukrainy epohi Velikoj Otechestvennoj vojny na primere deyatel'nosti nacistских posobnikov OUN-UPA // Krasnodar: Vserossijskaya zaochnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. 2020. S. 83-86.
- Kas'yanov G.V., Miller A.I.* Rossiya-Ukraina: kak pishetsya istoriya. Dialogi - lekciï – stat'i. M.: RGGU. 2011. 306 s.
- Klimenko I.M., Gan O.I.* Kakie kul'turnye stereotipy formiruet shkol'nyj uchebnik istorii Ukrainy u uchashchejsya molodezhi // *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. 2022. № 26. S. 278-281.
- Kozyars'kij B.* Nishchennya Ukraïns'koï movi ponevoluyuvachami Ukraïni // *Vseukraïns'ka pravozahisna gazeta*. 1995 № 3. C. 3-8.
- Kurylev K.P., Stanis D.V.* Etnokonfessional'naya situaciya na Ukraine kak faktor vnutripoliticheskoy nestabil'nosti // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 5-3 (43). S. 114-117.
- Kuchma L.D.* Ukraina – ne Rossiya. M.: Vremya. 2004. 559 s.
- Macharinskij A. Ya.* Kto i zachem reabilitiruet OUN-UPA // *VPK*. 2008. № 50 (266). C. 43-51.
- Miller A.I., Reprincev V.F., Florya B.N.* Rossiya - Ukraina: istoriya vzaimootnoshenij. M.: SHkola «YAzyki russkoj kul'tury». 1997. 248 s.
- Solov'ev K.A.* Zapadnoukrainskij nacionalizm v kontekste sovremennyh rossijsko-ukrainskih otnoshenij // *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. №21 (122). S. 174-185.
- Tkachenko V.N.* Fenomen «vnutrennej kolonizacii» v ukraïno-rossijskih otnosheniyah (istoricheskij aspekt) // *Politicheskaya konceptologiya*. 2013. № 4. C. 173-186.
- Ufel'man D.* Chi isnuе «rusofonna rusofobiya»? Koli rosijs'komovni koristuvachi Ukraïns'kogo internetu vislovlyuyut'sya proti Rosii ta vs'ogo rosijs'kogo // «*Kritika*». 2021 №11-12. S. 2-14.
- Veselova O., Lisenko O., Patrilyak I., Sergijchuk V.* OUN v 1941 roci. Dokumenti. V 2-h ch. / vidp. red. S. Kul'chic'kij. K: Institut istorii Ukraïni. 2006. 336 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Братчик Алина Сергеевна, магистр в области «Международных отношений». Москва, Россия. E-mail: bratchik.alya@bk.ru

Курьлев Константин Петрович, д.и.н., директор Центра исследований постсоветских стран, профессор. Москва, Россия. E-mail: kuryljov@narod.ru

Alina S. Bratchik, Master of International Relations. Moscow, Russia. E-mail: bratchik.alya@bk.ru

Konstantin P. Kurylev, Doctor of Historical Sciences, Director of the Center for Research of Post-Soviet Countries. Moscow, Russia. E-mail: kuryljov@narod.ru

Культурно-гуманитарные отношения Украины и Польши

А. Ягмыров

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: 1032185304@rudn.ru*

Аннотация. Украина-польские отношения играют важную роль в восточноевропейском регионе. В них исторически вовлечены такие значимые игроки международного политического процесса, как Россия и страны Европы. До возникновения независимой Украины в конце XX века, ее земли являлись предметом притязаний Польши, России, Австро-Венгрии, Османской империи. Однако именно Польша оказала существенное влияние на формирование украинского национального самосознания. Тем не менее, в гуманитарном измерении двусторонних отношениях Украины и Польши, наряду с солидным потенциалом присутствует ряд серьезных трудностей. Одной из наиболее сложных проблем в польско-украинских отношениях является «историческая память». На волне антироссийских настроений Польша и Украина стараются больше говорить о вине России в «украинском голодоморе» и «Катыни», чем о зверствах Украинской повстанческой армии в Польше. Однако актуальная оценка Киевом действий С. Бандеры и его сторонников в годы Второй мировой войны (Волынская трагедия 1943 г.) омрачает двусторонние отношения. Также беспокойство Польши вызывает несоблюдение прав человека на Украине. Еще одной сложной темой польско-украинского сотрудничества в гуманитарной сфере является вопрос трудовой миграции. В Польше работают сотни тысяч украинцев, и подавляющее большинство – нелегально, несмотря на то, что в целом у них репутация честных и, что важно, недорогих работников. Проблема заключается в том, что, во-первых, в Польше при получении трудовой регистрации существует множество бюрократических препятствий, преодоление которых требует времени. Во-вторых, в самой Польше наблюдается высокий уровень безработицы среди своих граждан, что приводит к понижению спроса польских работодателей на иностранную рабочую силу. В целом, как отмечают польские и, частично, украинские исследователи, при высоком уровне интенсивности в сфере образования, науки и культуры польско-украинские отношения в этой сфере далеки от беспроблемных. В настоящей статье автор анализирует ключевые факторы, влияющие на развитие украино-польских отношений на современном историческом этапе.

Ключевые слова: Украина, Польша, гуманитарное сотрудничество, культура, образование, миграция.

Для цитирования: Ягмыров А. Культурно-гуманитарные отношения Украины и Польши. Постсоветские исследования. 2022;5(5):464-473.

Cultural and humanitarian relations between Ukraine and Poland

Arslan Yagmyrov

*RUDN University, Moscow, Russian Federation
e-mail: 1032185304@pfur.ru*

Abstract. Ukrainian-Polish relations play an important role in the Eastern European region. Historically, such important players in the international political process as Russia and European countries have been involved in them. Before the emergence of independent Ukraine at the end of the XX century, its lands were the subject of claims of Poland, Russia, Austria-Hungary, and the Ottoman Empire. However, it was Poland that had a significant impact on the formation of Ukrainian national identity. Nevertheless, in the humanitarian dimension of the bilateral relations between Ukraine and Poland, along with a solid potential, there are a number of serious difficulties. One of the most difficult problems in Polish-Ukrainian relations is "historical memory". In the wake

of anti-Russian sentiments, Poland and Ukraine are trying to talk more about Russia's guilt in the "Ukrainian Holodomor" and "Katyn" than about the atrocities of the Ukrainian insurgent army in Poland. However, Kiev's current assessment of the actions of S. Bandera and his supporters during the Second World War (the Volyn tragedy of 1943) overshadows bilateral relations. Poland is also concerned about the human rights disregard in Ukraine. Another difficult topic of Polish-Ukrainian cooperation in the humanitarian sphere is the issue of labor migration. Hundreds of thousands of Ukrainians work in Poland, and the vast majority are working illegally, despite the fact that in general they have a reputation for honest and, importantly, inexpensive workers. The problem lies in the fact that, firstly, in Poland, when obtaining a labor registration, there are many bureaucratic obstacles, overcoming which takes time. Secondly, Poland itself has a high unemployment rate among its citizens, which leads to a decrease in the demand of Polish employers for foreign labor. In general, as Polish and, partly, Ukrainian researchers note, with a high level of intensity in the field of education, science and culture, Polish-Ukrainian relations in this area are far from trouble-free. In this article, the author analyzes the key factors influencing the development of Ukrainian-Polish relations at the relevant historical stage.

Keywords: Ukraine, Poland, humanitarian cooperation, culture, education, migration.

For citation: Arslan Yagmyrov Cultural and humanitarian relations between Ukraine and Poland. *Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies*. 2022;5(5):464-473. (In Russ.)

Новая страница многовековых сложных отношений между Украиной и Польшей началась в начале 1990-х г. С началом первого этапа отношений в апреле 1990 г. газета «Жизне Варшавы» писала, что необходимо установить «братские отношения между украинским и польским народами» [Зленко 2014: 23].

2 декабря 1991 г. Республика Польша первой в мире признала независимость Украины, а 4 января 1992 г. между государствами были установлены дипломатические отношения. В своем обращении к польскому сейму 8 мая 1992 г. министр иностранных дел Польши говорил об отношениях с Украиной как о «многообещающих и свободных от исторических тягот», как о «прорывном успехе новой польской демократии» [Зленко 2014: 24]. В этот период была создана правовая и договорная основа двусторонних отношений. В 1991-1993 гг. было подписано около 50 межправительственных документов, регулирующих отношения в политической, торгово-экономической, культурно-гуманитарной и других сферах.

Во время первого официального визита Президента Украины Л. Кравчука в Республику Польша 18-19 мая 1992 г. был подписан Договор о добрососедстве, дружественных отношениях и сотрудничестве между двумя странами. Этот документ заложил основы для

дальнейшего сотрудничества наших государств, в том числе в культурно-гуманитарной сфере. В нем было заявлено о желании обеих сторон развивать сотрудничество в области культуры, образования и науки, расширять культурный обмен, сотрудничество между учреждениями и организациями культуры, поддерживать прямые контакты между деятелями искусства, содействовать обмену учеными, преподавателями, студентами, аспирантами и стипендиатами, а также проводить совместные исследования. Кроме того, в статье 11 Договора подчеркивается право представителей польского национального меньшинства на Украине и украинского национального меньшинства в Польше сохранять, выражать и развивать свою этническую, культурную, языковую и религиозную идентичность.

Второй этап гуманитарно-культурных отношений начинается с 1997 г. В 1997 г. Договор о соседстве был подкреплён подписанием двух важных документов — Соглашения между Правительством Украины и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в сфере культуры, науки и образования (20 мая 1997 г.)¹ и

¹ Угода між Урядом України і Урядом Республіки Польща про співробітництво в галузі культури, науки і освіти // Верховна Рада України URL:

Соглашения о сотрудничестве в области защиты и возвращения культурных ценностей, утраченных и незаконно вывезенных во время Второй мировой войны (25 мая 1997 г.).

Третий этап начинается с 2008 г., ознаменованный подписанием ряда соглашений в культурно-гуманитарной сфере. В 2000-х гг. договорно-правовая база двусторонних отношений была дополнена Соглашением о сотрудничестве между Государственным комитетом архивов Украины и Генеральным управлением архивов Республики Польша в области архивного дела (17 октября 2008 г.)², а также Соглашением о сотрудничестве в области образования между Министерством образования и науки Украины и Министерством национального образования Республики Польша (19 января 2015 г.)³.

В настоящее время эти документы регулируют культурно-гуманитарное сотрудничество между нашими государствами. Согласно Соглашению о сотрудничестве в области культуры, науки и образования от 20 мая 1997 г., основными приоритетами межгосударственного сотрудничества являются «обмен научной информацией, образовательное и научное сотрудничество, проведение совместных исследований в различных областях науки, совместные конференции, симпозиумы, семинары, стажировки иностранных преподавателей, студентов, зарубежные публикации в профессиональных изданиях, перевод монографий, содействие образованию национальных меньшинств, установление партнерских отношений между университетами».

https://zakon.rada.gov.ua/go/616_058 (дата обращения: 11.03.2022).

² Угода про співробітництво між Державним комітетом архівів України і Генеральною Дирекцією державних архівів Республіки Польща в галузі архівної справи // Верховна Рада України URL: https://zakon.rada.gov.ua/go/616_125 (дата обращения: 11.03.2022).

³ Угода між Міністерством освіти і науки України та Міністром національної освіти Республіки Польща про співробітництво в галузі освіти // Верховна Рада України URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/616_180#Text (дата обращения: 11.03.2022).

Действительно, с середины 1990-х гг. число взаимных стажировок ученых, преподавателей и аспирантов неуклонно растет. Так, например, в 1993 г. научные учреждения Российской академии наук приняли 253 польских ученых. В 1994 г. ряд польских ученых, которые работали на Украине, достигло 453 человека [Стрільчук, Стрільчук 2013: 14]. Такие учебные заведения, как Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки и Университет Марии Кюри Склодовской в Люблине, активно участвовали в этих процессах.

К середине 2000-х гг. более 100 университетов и других учебных заведений сотрудничали с польской стороной. Польша быстро и искренне отреагировала на события 2014 г. на Украине. По данным Посольства Украины в Республике Польша, в 2014-2015 учебном году 381 студент и 50 аспирантов с Украины, в основном из зоны АТО и АРК, прибыли для обучения в польских университетах за счет Польши. По разным оценкам, в 2016 г. в университетах и академиях Польши обучалось от 12 тыс. до 16 тыс. украинцев [Shpakovskyi 2017].

Одним из наиболее интересных проектов научного сотрудничества является инициатива польской стороны, запущенная в 2000 г. — Европейская коллегия польских и украинских университетов с центром в Люблине. В его состав входят Университет Марии Кюри Склодовской, Католический университет Иоанна Павла II в Люблине, Сельскохозяйственная и медицинская академия (Люблин), Люблинская политехника, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Львовский национальный университет имени Ивана Франко и Национальный университет «Киево-Могилянская академия». На базе Европейской коллегии украинские и польские ученые имели возможность работать вместе, повышать свой образовательный уровень. За период его деятельности Европейскую коллегия окончили более 100 докторов философии (кандидатов наук). Ключевыми направлениями работы Европейской коллегии были гуманитарные дисциплины — история, политология, философия,

филология, юриспруденция. Впоследствии эти области были дополнены медициной и химией. Этот проект длился 10 лет и продемонстрировал успешный пример межправительственного сотрудничества в области науки, но из-за организационных и финансовых сложностей в 2011 г. он прекратил свое существование и был преобразован в новую структуру — Центр исследований Восточной Европы.

Сотрудничество в других областях науки, в частности, по состоянию на 1999 г., программа сотрудничества было проведено 54 совместных научных проекта, в том числе в области инноваций и технологий. Реализацией этих проектов занимались такие учреждения, как Львовский национальный университет имени Ивана Франко, Черновицкий национальный университет имени Ивана Федьковича, Национальный университет "Львовская политехника", Волынский государственный университет имени Леси Украинки, Институт геохимии Национальной академии наук Украины и др. В последующие годы количество совместных научных проектов увеличилось, стало более разнообразным.

В июне 2004 г. во Львове и Киеве состоялась выставка научно-технических достижений «Украина-Польша: стратегическое партнерство в области науки и техники», в которой приняли участие 25 научных учреждений и высших учебных заведений Украины и 15 научных учреждений и высших учебных заведений Польши. Проводятся очередные заседания Совместной Украинско-польской комиссии по научно-техническому сотрудничеству.

С 2008 г. на базе Национального технического университета «Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского» действует Украинско-Польский центр и Форум ректоров высших технических учебных заведений Украины и Республики Польша. По инициативе Форума, при поддержке Министерства образования и науки Украины и Министерства науки и высшего образования Республики Польша в апреле 2017 г. состоялись Украинско-Польские Дни образования, науки и инноваций. Польская делегация состояла из более чем 250

представителей, включая ректоров и вице-ректоров польских технических университетов. Основными вопросами, рассмотренными на Форуме, были международное сотрудничество в области инновационных технологий и сетевых стартапов, ускорение инноваций в польских и украинских университетах, интернационализация польских и украинских университетов, введение двойных дипломов и развитие контактов в рамках программы Erasmus+.

1990-е гг. стали периодом попыток научного осмысления двусторонних отношений, их непростого исторического опыта. Так, с 1995 г. на территории обеих стран на постоянной основе проводились научные конференции, посвященные таким сложным вопросам, как «Волынь во Второй мировой войне и послевоенные годы» (Луцк, апрель 1995 г.), «Украинско-польские отношения в Галиции в 20 веке» (Ивано-Франковск, ноябрь 1996 г.), «Украина-Польша: вчера, сегодня, завтра» (Люблин, июнь 1997 г.), «Поляки и украинцы: 1918-1956» (Санок, ноябрь 1997 года), «Украинско-польские отношения в 20 веке: государственность, общество, культура» (Тернополь, апрель 1999) и другие.

С 1995 г. благодаря усилиям историков Волынского государственного университета имени Леси Украинки (Луцк) и их коллег из Военно-исторического института (Варшава) регулярно проводятся международные научные семинары, связанные с историей украинско-польских отношений. В течение 1996-2001 гг. было проведено 10 семинаров в Варшаве и Луцке. Представители обоих университетов внесли огромный вклад в исследования, установление и улучшение украинско-польских отношений.

Несомненно, благодаря ученым в этом направлении было предпринято много важных шагов, которые привели к позитивному развитию двусторонних отношений в различных сферах. 11 апреля 2005 г. между Кабинетом Министров Украины и Правительством Республики Польша было подписано Соглашение о

взаимном признании академических дипломов и степеней⁴.

Таким образом, в научно-образовательном направлении с 1990-х гг. наблюдается устойчивая положительная динамика, возрождение контактов и попытки переосмысления исторического наследия общего прошлого. Активное взаимодействие имело место в области медицины.

С середины 1990-х гг. регулярно проводятся медицинские конференции для обмена опытом и применения новейших технологий. Благодаря усилиям таких организаций, как Волынское общество врачей польского происхождения, Украинское медицинское общество во Львове, Министерство здравоохранения Украины, украинские врачи прошли обучение в польских поликлиниках и больницах. Таким образом, в ноябре 2000 года, 10 врачей из Киева, Житомира, Луцка, Винницы и Хмельницкого обучались на Папу Иоанна Павла II воеводство больницы в Zamości, в ходе которого они изучали, как достижений польской медицины в различных областях и опыт реформирования системы здравоохранения в Польше. В 2012 г. в Луцке под патронажем Генерального консульства Республики Польша в Луцке состоялась совместная конференция по паллиативной и хосписной медицине.

В 2014 г., в связи с событиями на Украине, инициативная группа врачей украинского происхождения, живущих и работающих в разных европейских странах, предложила создать программу украинско-польской стажировки. Этот проект был поддержан Министерством здравоохранения Украины и Министерством здравоохранения Республики Польша. Основной целью программы было ознакомление украинских врачей с уровнем и возможностями польской системы здравоохранения, методами диагностики, лечения и реабилитации так называемых болезней

цивилизации (хронических неинфекционных заболеваний). В программе приняли участие более 500 врачей, медсестер и студентов медицинских факультетов с Украины. Основной целью проекта было ознакомление украинских врачей с опытом трансформации постсоветской системы здравоохранения в европейскую систему, а также запуск польского проекта Erasmus+ для студентов медицинских факультетов с Украины.

Однако это сотрудничество имеет обратный эффект — утечку медицинского персонала с Украины. С начала 2010-х гг., когда активизировались польские программы по привлечению практикующих врачей, медсестер и студентов медицинских факультетов к обучению, стажировкам и трудоустройству в Польше и других странах ЕС, тысячи специалистов покинули Украину в поисках лучшей доли и достойной заработной платы. Так, по некоторым данным с начала 2010-х гг., на Украине ежегодно увольняется 7-8 тыс. врачей [Щурко 2014: 179]. Наиболее привлекательными для украинских врачей являются Россия, Польша, Словакия, Чехия и Германия. Например, в Польше в 2014 г. было зарегистрировано 3452 врача украинского происхождения. Более того, в Германии в 2011 г. количество врачей с Украины составляло 821, в 2012 г. — уже 922. Тем не менее, взаимодействие Украины и Польши в медицинской сфере является плодотворным. Это позволяет украинским специалистам приобщиться к современным технологиям и опыту реформирования системы здравоохранения.

Сотрудничество в области молодежной политики и спорта динамично развивается. С момента заключения Соглашения между Правительством Республики Польша и Правительством Украинской ССР от 22 июня 1991 г. молодежное сотрудничество и молодежные обмены в форме молодежных контактов стали более разнообразными, а количество обменов увеличилось среди школьников, студентов, членов молодежных организаций и обществ. Молодежные организации Украины и Польши регулярно проводят совместные семинары, конференции, турниры, летние лагеря. В

⁴ Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Республіки Польща про академічне взаємовизнання документів про освіту та рівноцінність ступенів // Верховна Рада України URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/616_067#Text (дата обращения: 11.03.2022).

ноябре 1996 г. молодежные организации Львовской области, Волыни и Восточных пограничных областей Польши запустили проект «Молодежь еврорегиона Буг», в рамках которого было реализовано более 50 молодежных программ в культурно-исторических, образовательных, рекреационных зонах, в которых приняли участие сотни молодых людей с Украины, Польши и Беларуси. Среди совместных молодежных проектов следует назвать следующие: «Академия местного развития в Украине», «Инициатива польско-американского и украинского сотрудничества» (РАUCI), «Обмен успешным польским опытом в управлении малыми и средними предприятиями» и др. Члены неправительственных молодежных организаций на добровольной основе занимаются образовательной, социальной, представительской, правовой, патриотической, культурно-художественной, экологической и общественной деятельностью.

С 1991 г. Дни украинской культуры в Польше и Дни польской культуры в Украине стали регулярными. Впервые Дни украинской культуры в Польше состоялись 6-8 декабря 1991 г., вскоре после признания Польшей независимости нашего государства. Опыт представления в Польше некоторых регионов Украины довольно интересен. В частности, в сентябре 1993 г. в Варшаве прошли Дни Волыни, а в октябре 1995 г. в Кракове состоялись Дни молодежи Львова. Дни Украины в разные годы проходили в Сопоте, Гдыне, Гданьске. В свою очередь, Дни польской культуры прошли в Киеве (1995), Луцке (1996), Львове (1997). Однако наиболее значимыми событиями, касающимися знакомства наших стран с культурой друг друга, стали Год Польши в Украине (2004) и Год Украины в Польше (2005). Яркими событиями этого периода стали выставка польского плаката во Львовском дворце искусств, выставка польских художников «Занурення» в Киеве, выставки польских скульпторов в Тернополе, Львове, Ивано-Франковске и Луцке. В 2015 г. в Варшаве состоялись выставки украинских художников — Ивана Марчука и Матвия Вайсберга. Важной

формой добрососедского взаимодействия является гастрольная деятельность профессиональных и самодеятельных творческих коллективов Украины и Польши. Туристическая деятельность помогает познакомить соседей с культурным наследием и традициями. Детские, молодежные, народные, церковные, музыкальные, джазовые и другие фестивали с участием украинских и польских коллективов получили широкое распространение с начала 1990-х гг. Среди наиболее ярких событий такие фестивали, как «Польское лето с фольклором», «На волнах Свитязя» и «Берегиня» (Луцк), «Киев. Музыка. Фестиваль», «O-Fest» (Киев), «Фестиваль украинско-польского партнерства» (Львов), «Галиция» (замок Красичини), фестиваль украинской культуры в Сопоте, «Фестиваль украинской весны» (Познань), «Фестиваль Лемки» (Ждыня) и «Бытив Варта» (Бытив) и другие.

Таким образом, художественное сотрудничество является одним из наиболее удобных способов поделиться с другими странами своими культурными достижениями и традициями. Визит Папы Римского Иоанна Павла II, поляка, имел большое значение для развития украинско-польских отношений. Этот визит 23-27 июня 2001 г. последовал за напряженной работой украинских дипломатов. Официальные дипломатические отношения между Украиной и Святым Престолом были установлены 8 февраля 1992 г., а первая встреча на уровне глав государств состоялась в мае 1995 года, когда президент Украины Леонид Кучма встретился с Папой Римским во время своего государственного визита в Италию. Тогда стороны договорились о предстоящем визите Иоанна Павла II на Украину, но, учитывая сложную религиозную ситуацию на Украине и необходимую подготовку общества к этому, дата визита не была определена. За 6 лет, прошедших с момента соглашения о визите и самого визита, Украина претерпела значительные изменения, политические и, прежде всего, социальные. Тем не менее, решение Президента Украины о государственном визите Папы Римского на Украину было довольно сложным и было

подкреплено заверением в том, что украинцы встретят его позитивно и тепло. Несмотря на то, что Папа Иоанн Павел II был признан Папой, который путешествовал больше, чем любой другой Папа в истории Святого Престола, страны соревновались за право приветствовать Папу Римского. Именно поэтому для Украины было так важно провести встречу главы Святого Престола на самом высоком уровне с учетом опыта Польши, а также Православной Греции и Грузии, которые посетили Папу Римского на Украине. Целью визита Иоанна Павла II была поддержка католиков в их вере и содействие установлению дружественных отношений между различными конфессиями на Украине.

Во время своего визита Папа Римский посетил Киев и Львов, отслужил 4 литургии (2 на латыни и 2 в византийском стиле), произнес 11 проповедей и речей, а также встретился с представителями Всеукраинского Совета Церквей (следует отметить, что представители УПЦ МП на встрече не присутствовали). По разным оценкам, в мероприятиях приняли участие от 2,5 до 5 миллионов человек, в том числе несколько тысяч украинских и иностранных журналистов. Украинские политики и дипломаты отметили приверженность Иоанна Павла II Украине.

Визит Папы Римского на Украину придал положительный импульс дальнейшему налаживанию отношений между Украиной и Польшей на религиозной основе. Таким образом, Львовская область является территорией паломничества и постоянного тесного сотрудничества между украинской и польской общинами. Римско-католическая церковь во Львове является центром польской культуры и духовности, а также резиденцией римско-католического епископа, центром координации трансграничного сотрудничества между католиками Украины и Польши.

Украинские и польские религиозные общины проводят совместные религиозные мероприятия, организуют паломничества к святым местам, в частности, в Ун (Перемышльский район), Крехов (Жовквский район) и Зарваницы (Тернопольская область). Украинские

католики, в свою очередь, посещают святыни, расположенные на польской территории - Кальварию Пацлавскую (Перемышль), Ченстохову (Краков), Леднице и другие. Налажено сотрудничество между богословскими учебными заведениями Украины и Польши. Ключевыми институтами в этом сотрудничестве являются Украинский католический университет (Львов) и Католический университет Люблина. Многие украинские студенты изучают теологию и философию в Люблинском католическом университете, получают там степень магистра, доктора философии и возвращаются на работу на Украину⁵.

Происходит обмен преподавателями и студентами Украинского и Люблинского католических университетов. Организуются совместные научные и образовательные мероприятия, реализуются совместные проекты, положительно влияющие на сотрудничество в религиозной и культурной сфере межгосударственных отношений.

Таким образом, учитывая исследования, изложенные в этом разделе, можно сделать следующие выводы. Во-первых, культурно-гуманитарное сотрудничество положительно влияет на межгосударственные отношения в других сферах - торгово-экономической, политической и безопасности. Благодаря сотрудничеству в научной, образовательной, религиозной, медицинской, культурной и художественной отраслях устанавливаются межличностные контакты между представителями разных наций, решаются проблемные вопросы, увеличивается количество обменов специалистами и молодежью, происходит знакомство обществ с культурным наследием и традициями. Во-вторых, развитие сотрудничества между Украиной и Польшей является наиболее динамичным в области науки, образования и искусства. Польша активно вовлекает украинских студентов,

⁵ Współczesne stosunki ukraińsko-polskie w kontekście procesów integracji europejskiej // Czerniowiecki Uniwersytet Narodowy im. Jurija Fed'kowycza, Ukraina URL: <https://journals.umcs.pl/we/article/download/5585/3835> (дата обращения: 11.03.2022).

преподавателей и ученых в свои учебные программы, делится опытом в области инноваций и образовательных реформ. Культурное и художественное сотрудничество осуществляется посредством организации фестивалей, выставок украинских художников в Польше и наоборот, а также посредством гастрольной деятельности любительских и профессиональных коллективов. В-третьих, государственный визит Папы Римского Иоанна Павла II, поляка, оказал огромное влияние на развитие двусторонних отношений. Приезд Папы Римского и его приверженность Украине помогли обеим сторонам примириться и снять напряженность в двусторонних отношениях, а также активизировать сотрудничество религиозных общин обеих стран. Несмотря на положительную динамику, двусторонние вопросы являются проблемными вопросами, которые в первую очередь связаны с непростым историческим прошлым наших государств. Тем не менее, при наличии политической воли и последовательности решений Украина и Польша способны преодолеть существующие противоречия и еще больше укрепить сотрудничество в различных сферах межгосударственных отношений.

Из-за событий на Востоке Украины число украинцев, работающих или обучающихся в Польше, значительно увеличилось. Хотя украинцы работают в основном на низкоквалифицированных должностях - в строительстве, сфере услуг и торговли, сельском хозяйстве и производстве, в последнее время увеличилось количество специалистов в области IT-технологий, врачей и других. Население и руководство Польши в целом положительно относятся к потоку украинских мигрантов, и этому есть несколько причин: экономика страны стремительно развивается, страна уже несколько лет переживает демографический спад, а украинцы близки полякам культурно и ментально. Кроме того, украинцы частично заполнили демографические ниши поляков, которые возникли, когда миллионы польских граждан покинули страну в поисках лучшей жизни, в основном в

Западную Европу. Однако вопрос трудовой миграции украинцев в Польшу в последнее время приобрел политический характер.

Так, с середины 2015 г. польские политики начали использовать термин «беженец» по отношению к украинцам, приехавшим в Польшу на заработки. В первую очередь это было связано с попытками избежать квот на расселение беженцев из Азии и Африки. Однако после переговоров между двумя странами на дипломатическом уровне и публикаций в польских СМИ о том, что только 18 украинцев фактически получили статус беженца в 2015-2016 гг.⁶, польские политики стали избегать подобных штампов. Фактор украинства как угроза польским националистам и радикальным силам, которые протестуют против присутствия любых иностранцев в стране, все еще используется. В польских СМИ часто появляются публикации о том, что трудовые мигранты с Украины привозят в Польшу инфекционные заболевания, многие из которых являются бывшими преступниками, что украинцы демпингуют за оплату труда в Польше и отбирают рабочие места у поляков. Все это усугубляет сложные отношения между украинцами и поляками и требует комплексного, умеренного решения для снижения напряженности между представителями наших народов. Что касается польского этнического меньшинства на Украине, то оно сталкивается с меньшими проблемами.

С конца 2017 г. на Украине функционируют более 50 польских неправительственных организаций, среди которых следующие: Союз польских поляков, Польское общество польской культуры, Польское культурно-просветительское общество в Тернополе, Общество возрождения польской культуры им. Я. Слатского в Кременце, Общество польской культуры им. А. Мицкевича в Киеве, Общество польской культуры им. А. Мицкевича в Черновцах, Фонд Ф. Общество польской культуры имени Карпинского в

⁶ Ukraińcy w Polsce 2017. Kim są i czego poszukują? // Aleteia URL: <https://pl.aleteia.org/2017/06/22/ukraincy-w-polsce-uchodzcy-czy-migranci-ekonomiczni/> (дата обращения: 18.05.2022).

Ивано-Франковске, Общество польской культуры Волинского края имени Евы Филинской в Луцке, Общество польской культуры имени Владислава Станислава Реймонта в Ровно и другие. В настоящее время самой большой проблемой, которая волнует польскую общину на Украине, является «языковой» вопрос — Закон «Об образовании», принятый в сентябре 2020 года, запрещает преподавание на языках национальных меньшинств и коренных народов. Остается только возможность создания классов в украинских школах, где обучение будет вестись на языке национального меньшинства наряду с государственным языком. Изучение языка коренного народа или национального меньшинства гарантируется в школах или через национальные культурные общества. Этот закон вызвал неоднозначную реакцию в мировом сообществе. Как ни странно, позиция Польши в этом отношении была умеренной. Такая умеренная реакция, вероятно, связана с относительно небольшим числом студентов (1785 человек), изучающих польский язык. Следовательно, проблемы, с которыми сталкивается украинская диаспора в Польше и польская диаспора на Украине, совершенно различны по своему характеру. Решение этих проблем связано в первую очередь с политической ситуацией внутри страны. Положительным моментом является культурная и ментальная целостность

украинцев и поляков, которая позволяет им вполне комфортно сосуществовать в рамках национальных сообществ.

Формируя вывод к главе в целом стоит отметить, что анализ украинско-польских отношений новейшего времени дает основания условно разделить их на четыре периода: 1991-1993 гг. — установление контактов, “открытие” Украины для широкой общественности польской политической элиты, подписание первых двух сторонних документов, обоюдное изучение потенциальных возможностей для сотрудничества; 1993-1999 гг. — развитие договорно-правовой базы, вывод двух сторонних отношений на уровень стратегического партнерства; 1999-2010 гг. — со вступлением Польши в НАТО и членства в Европейском Союзе, официальная Варшава является одним из важнейших партнеров Украины на международной арене; 2010-2014 гг. — ролью Польши в качестве «адвоката» в европейских делах Украины; 2014-2021 гг. — Польша как «буфер» между западом и Украиной в российско-украинской конфронтации. Республика Польша проявила себя как активный и последовательный партнер Украины в вопросах реализации государством евроинтеграционных устремлений, в частности практического измерения сотрудничества Украины с ЕС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зленко А.М.* Дипломатия и политика. Украина в процессе динамичных геополитических перемен. Харьков: Фолио. 2014. С. 23.
- Стрільчук Л.В., Стрільчук В.В.* Інституційні складові українсько-польських гуманітарних взаємин і співробітництва: монографія. Луцьк: Волинські старожитності. 2013. С. 14.
- Shpakovskyi L.* (2017). Cultural And Humanitarian Cooperation Between Ukraine and Poland As An Instrument Of Establishing Interstate Dialogue. *Сторінки історії*. 45.
- Щурко У.В.* Напрями українсько-польської транскордонної співпраці в гуманітарній сфері. Соціально-економічні проблеми сучасного періоду України. Вип. 4 (108) 2014. 179.
- Курылев К.П., Станис Д.В.* Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривосточной нестабильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-3 (43). С. 114-117.
- Wolczuk R.* Ukrainian-Polish Relations Between 1991 and 1998: From the Declarative to the Substantive, *European Security*, vol. 9, no 1 (2017), pp.127 – 156.

REFERENCES

- Zlenko A.M.* Diplomatiya i politika. Ukraina v processe dinamichnyh geopoliticheskikh peremen. Har'kov: Folio. 2014. S. 23.
- Стрільчук Л.В., Стрільчук В.В.* Інституційні складові українсько-польських гуманітарних взаємин і співробітництва: монографія. Луцьк: Волинські старожитності. 2013. С. 14.
- Shpakovskyi L.* (2017). Cultural And Humanitarian Cooperation Between Ukraine and Poland As An Instrument Of Establishing Interstate Dialogue. Сторінки історії. 45.
- Щурко У.В.* Напрями українсько-польської транскордонної співпраці в гуманітарній сфері. Соціально-економічні проблеми сучасного періоду України. Вип. 4 (108) 2014. 179.
- Kurylev K.P., Stanis D.V.* Etnokonfessional'naya situaciya na Ukraine kak faktor vnutripoliticheskoy nestabil'nosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 5-3 (43). S. 114-117.
- Wolczuk R.* Ukrainian-Polish Relations Between 1991 and 1998: From the Declarative to the Substantive, European Security, vol. 9, no 1 (2017), pp.127 – 156.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ягмыров Арслан, магистр в области «Международных отношений». Москва, Россия. E-mail: 1032185304@pfur.ru
Arslan Yagmyrov, Master of International Relations. Moscow, Russia. E-mail: 1032185304@pfur.ru

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ / CENTRAL ASIA

Научная статья/ Research article

Япония – Центральная Азия гуманитарный трек развития сотрудничества

М. О. Дмитриева

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1010-5108>, e-mail: marinad5@mail.ru

Аннотация. Данная работа посвящена анализу внешнеполитического курса Японии в Центральной Азии (ЦА), особенно его гуманитарной составляющей. Специфика исследования обусловили необходимость применения системно-аналитических и статистических методов. При подготовке работы автор отталкивался от официальных документов и отчетов, а также статистических материалов. Кроме того, учитывалось мнение экспертов в этой области, т.к. политика Японии в отношении Центральноазиатского региона закономерно привлекают внимание как российских, так и зарубежных исследователей. Японию нельзя назвать главным партнером для центральноазиатских государств. Активность Токио в регионе характеризовалась не столько громкими инициативами, сколько постепенной разработкой практических проектов, представляющих в первую очередь экономический интерес. Япония представляет собой альтернативу для стран Центральной Азии по сравнению с такими странами, как Китай и Россия. Помощь Японии предоставляется по официальным каналам содействия развитию и направлена на модернизацию инфраструктуры советской эпохи. ОПР отражает сложный характер внешней политики Японии, сочетающей стратегию, основанную на национальных интересах, стремление к реализации либеральных ценностей, а также придание особого значения общей азиатской идентичности со странами региона. Таким образом, в настоящее время «мягкая сила» Японии в Центральной Азии в основном базируется на многочисленных программах содействия развитию, проводимых центрами ЛСА, культурной дипломатии, образования и гуманитарной помощи. Японское руководство стало более прагматичным и взвешенным в оценке своих возможностей и ограничений в Центральной Азии, сосредоточив внимание на экономических и гуманитарных связях. Автор приходит к выводу, что «мягкая сила» стала тем инструментом, который придает дополнительные импульсы развитию отношений Токио с центральноазиатскими республиками, помогая достигать поставленных целей. Однако возможен и пересмотр направлений и методов реализации внешнеполитического курса как ответ на изменения, происходящие с международным порядком в настоящее время.

Ключевые слова: Япония, Центральная Азия, «мягкая сила», ОПР, ЛСА.

Для цитирования: Дмитриева М.О. Япония – Центральная Азия гуманитарный трек развития сотрудничества. Постсоветские исследования. 2022;5(5):474-481.

Japan – Central Asia humanitarian track of cooperation development

Marina O. Dmitrieva

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1010-5108>, e-mail: marinad5@mail.ru

Abstract. This work is devoted to the analysis of Japan's foreign policy course in Central Asia, especially its humanitarian component. The specifics of the study necessitated the use of system-analytical and statistical methods. When preparing the work, the author started from official documents and reports, as well as statistical materials. In addition, the opinion of experts in this field was taken into account, since Japan's policy towards the Central Asian region naturally attracts the attention of both Russian and foreign researchers. Japan cannot be called the main partner for the Central Asian states. Tokyo's activity in the region was characterized not so much by high-profile initiatives as by the gradual development of practical projects of primarily economic interest. Japan

provides an alternative for Central Asian countries in comparison with countries such as China and Russia. Japan's assistance is provided through official development assistance channels and focuses on the modernization of Soviet-era infrastructure. The ODA reflects the complex nature of Japan's foreign policy, combining a strategy based on national interests, striving to implement liberal values, and also attaching special importance to a common Asian identity with the countries of the region. Thus, at present, Japan's "soft power" in Central Asia is mainly based on numerous development assistance programs conducted by the centers of JICA, cultural diplomacy, education and humanitarian assistance. The Japanese leadership has become more pragmatic and balanced in assessing its capabilities and limitations in Central Asia, focusing on economic and humanitarian ties. Soft power has become the tool that gives additional impetus to the development of Tokyo's relations with the Central Asian republics, helping to achieve their goals.

Keywords: Japan, Central Asia, "soft power", ODA, JICA.

For citation: Marina O. Dmitrieva Japan – Central Asia humanitarian track of cooperation development. *Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies*. 2022;5(5):474-481. (In Russ.)

Традиционным направлением внешнеполитического курса Японии является Азиатско-Тихоокеанский регион. Особое внимание уделяется странам Восточной Азии и США. Центральная Азия не является приоритетным регионом внешнеполитического курса Токио. Тем не менее, после распада Советского Союза Япония довольно быстро установила дипломатические отношения с новыми независимыми республиками начала развивать с ними сотрудничество.

Реагируя на изменения, происходящие в Евразии, Япония с середины 1990-х гг. принимала различные внешнеполитические концепции, касающиеся политики страны в Центральной Азии. К ним относятся евразийская дипломатии Хасимото, «Дуга свободы и процветания» Таро Асо, Диалог Центральная Азия + Япония. Эту схему взаимодействия с регионом позже стали использовать и другие внерегиональные акторы. Отмечают, что из множества партнерств в формате «5+1» диалог с Японией является самым действующим и приносящим результаты¹ [Rakhimov 2014: 78], [Dissuyukov 2019]. Кроме того, Япония была первой страной в мире, которая использовала концепцию Шёлкового пути

для обозначения своих приоритетов [Japan's ... 2008].

Необходимо подчеркнуть, что Токио рассматривает Центральную Азию как единый регион. Это представление отразилось на методах реализации внешнеполитического курса. Несмотря на явную разобщенность республик, А. Мамадазимов полагает, что «Япония выступает пионером в перспективном (целостном) подходе к региону»².

Визиты 2015 г. Синдзо Абэ в страны Центральной Азии стали демонстрацией серьезной заинтересованности в сотрудничестве с регионом. Главное, чем ЦА привлекает Токио – это транзитный потенциал региона, наличие энергетических ресурсов, возможность продемонстрировать свое влияние как на глобальном, так и на региональном уровне, и еще одна возможность противодействовать росту Китая. Д. Уолтон нео-либеральном подходе Токио в реализации политики в ЦА [The new ... : 261].

Преимуществом Японии в ЦА является то, что она является носителем западных ценностей демократии с восточной

¹Алексеев Е. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС). РСМД, [электронный ресурс] // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh-v-tsentralnoy-azii-formatov-5-1-s-uchastiem-ssha-yuzhnoy/> (дата обращения: 07.03.2022.)

² Мамадазимов А. Эволюция японского формата «С5+1» в сторону глобализации. *Central Asian Analytical Network*, [электронный ресурс] // URL: https://www.caa-network.org/archives/21828/evolyucziya-yaponskogo-formata-s-5-1-v-storonu-globalizaczii#_ftnref4 (дата обращения: 10.03.2022.)

спецификой¹. Тем самым она становится ближе, чем западные демократии, требующие неукоснительного выполнения условий по оказанию помощи в обмен на реформы. Общее прошлое (японцев выслали в регион после Второй мировой войны), отсутствие в истории отношений конфликтов, азиатская идентичность и географическая удаленность подкрепляют доверие стран региона к проводимому курсу Токио [Dadabaev 2021: 2].

Примечательно, что на начальном этапе взаимодействия Япония стремилась распространить на регион идеи либерализма, демократии, прав человека. Однако после Токио пересмотрел свой подход и стал делать акцент на экономическом и гуманитарном сотрудничестве, более трезво оценивая свои возможности². Н. Мурашкин отмечает, что этот сдвиг связан со сменой общей стратегии Японии, которая включает и Китай, и Россию [Мурашкин 2018: 372].

Несмотря на ряд преимуществ, политика Японии в регионе носила несистемный характер. Внешнеполитический курс представлял собой реакцию на действия других акторов. Токио реагировал на их действия «со смесью ревности, настороженности, намерений получить от новых проектов какие-либо выгоды» [Парамонов, Пузанова 2018: 43]. После провозглашением Пекином идеи реализации проекта «Пояса и Пути» стало понятно, что следует менять модель поведения [Tai-Ting Liu 2016]. О. Добринская, анализируя активность Японии и Китая в ЦА, обращает внимание, что реальные показатели экономического влияния и присутствия в регионе у них несравнимы, поэтому рассуждать о реальном соперничестве не имеет смысла [Добринская 2020: 67].

Важным элементом внешнеполитического курса Токио является

так называемая «мягкая сила». После окончания Второй мировой войны перед Японией встала задача изменить свой образ на международной арене. Необходимо было приложить усилия, чтобы страну перестали воспринимать как агрессора. Используя элементы «мягкой силы»: культурную и публичную дипломатию, официальную помощь развитию, Япония создает условия, при которых проще реализовать свои внешнеполитические инициативы. В использовании «мягкой силы» Токио добился впечатляющих результатов, что позволило назвать Японию soft power superpower³.

В настоящее время вопросами реализации политики «мягкой силы» Японии занимается Министерство иностранных дел. Кроме того, были созданы такие институты как Японский фонд и Японское агентство международного сотрудничества; принимаются различные государственные программы по продвижению имиджа Японии на мировой арене. Например, Cool Japan Strategy, одной из целей которой является распространение уникальной японской культуры за рубежом для того, чтобы увеличить число приезжающих в страну зарубежных гостей.

Следует отметить, что большая часть «мягкой силы» Японии уже существовала до официального решения правительства использовать ее во внешней политике. Искусство, мода и кухня древних культур Азии в течение столетий оказывали сильное влияние на другие части мира.

В последние пару десятилетий кроме традиционной культуры, известность приобретает японская массовая культура, «превратившись в мощный метод неофициальной (пассивной) культурной дипломатии» [«Мягкая сила» ... 2016]. К элементам этой дипломатии можно отнести

¹ Добринская О. А. Особенности «мягкой силы» Японии в странах Центральной Азии. Ежегодник Япония, [электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-myagkoysily-yaponii-v-stranah-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 27.01.2022.)

² Мурашкин Н., Акылбаев И. Япония и Центральная Азия: «тихое» партнерство с привлечением внерегиональных игроков. РСМД, [электронный ресурс] // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

[comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/) (дата обращения: 17.12.2021.)

³ Walker J. Japan is a soft power superpower. The Japan Times, [электронный ресурс] // URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/12/01/commentary/japan-commentary/japan-soft-power-superpower/#.XjJT4PkzaaE> (дата обращения: 17.12.2021.)

продвижение за рубежом японского аниме, манга, музыки в стиле j-рор, видеоигр.

Политика «мягкой силы» Японии в Центральной Азии основана на содействии экономическому развитию. Официальная Помощь Развитию (ОПР) предоставляется на двусторонней основе, т.е. непосредственно развивающимся странам и состоит из льготных кредитов (кредиты по линии ОПР и др.) и безвозмездной помощи (гранты и техническое сотрудничество) [Dadabaev 2016: 36]., либо предоставляется через многосторонние институты. Е. Ковригин обращает внимание, что благодаря ОПР страна-донор получает возможность лучше узнать культуру страны-получателя, особенности развития экономики, понять подходящие форматы поведения, завязать полезные связи, что помогает в реализации внешнеполитического курса в целом [Ковригин 2014: 43].

В ЦА и на Кавказе эти средства были использованы для приглашения японских экспертов в регион для обучения местных специалистов, а также для поддержки юридических, медицинских проектов, проектов по развитию энергетического сектора, сельского хозяйства, инфраструктуры и поддержки деятельности японских центров в регионе.

Благодаря кредитам по ОПР Японии в Центральной Азии были реализованы такие проекты как модернизация трех местных аэропортов в Узбекистане, сооружение новой железной дорог Ташгузар-Кумкурман, развития железнодорожных пропускных мощностей в Казахстане, реконструкция аэропорта в Астане, модернизация международного аэропорта города Бишкек - «Манас», модернизации железнодорожного транспорта Туркменистана и ряд других¹. Помимо инфраструктурных проектов была предоставлена помощь местным образовательным учреждениям, предоставление учебного оборудования, выделение грантов на обучение и предоставление помощи в виде техники сельскохозяйственному сектору [Уразаева, Курманов 2018: 134].

Японское Агентство по международному сотрудничеству (JICA) имеет свои представительства в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане, а также контактный офис в Казахстане. Основной целью агентства является оказание содействия экономическому и социальному росту развивающихся стран.

По словам руководителя JICA в Таджикистане Хидеки Танабе, Число проектов JICA в Таджикистане достигло 32. А общая их стоимость составила 341 млн. долларов США.

Деятельность JICA охватывает следующие направления:

- 1) Региональное развитие
 - v Программа улучшения систем питьевого водоснабжения;
 - v Программа здоровья матери и ребёнка;
 - v Программа по снижению бедности путём развития сельского хозяйства и промышленности;
- 2) Экономическая инфраструктура
 - v Программа в сфере энергетики;
 - v Программа в сфере транспорта;
- 3) Другие приоритетные направления
 - v Программа по управлению границей;
 - v Программа наращивания потенциала.

Существует программа обучения JICA. В рамках данной инициативы JICA ежегодно отправляет в Японию и третьи страны около 100 государственных служащих и специалистов для обмена опытом и знаниями в таких областях, как сельское хозяйство, водоснабжение, энергетика, транспорт, здравоохранение, государственная политика, развитие малого и среднего бизнеса.

JICA также реализует в Таджикистане «Проект JDS». Эта инициатива предполагает предоставление стипендий для развития человеческих ресурсов. Данный проект имеет разработанную структуру, которая определяет поддержку исследований в трёх направлениях:

- 1) международные отношения,
- 2) экономическое развитие,
- 3) государственное управление.

¹ Центральная Азия и японские кредиты по линии ОПР. [электронный ресурс] // URL: <https://www.jica.go.jp/uzbekistan/russian/office/others/c>

8h0vm0000c0dt1r-att/archive_07.pdf (дата обращения: 05.02.2022.)

В Киргизии план действий ЛСА включает в себя поддержание управления транспортной инфраструктурой и урегулирование региональных диспропорций. Особое внимание будет уделяться:

- реконструкции мостов и налаживанию дорожной сети в качестве развития инфраструктуры;
- предоставлению дорожной спецтехники для ремонта и обслуживания дорог;
- развитию базы и технических возможностей для обслуживания дорог.

В сельскохозяйственной сфере помощь Японии будет сфокусирована на:

- создании основы для производства зерновых культур, пользующихся спросом за рубежом;
- содействию маркетингу и большей эффективности в выращивании, сборе и транспортировке сельскохозяйственной продукции;
- поддержке отраслей, занимающихся обработкой сельскохозяйственной продукции и продукции животноводства, для увеличения добавленной стоимости.

Кроме того, будет оказываться поддержка инфраструктуры, в частности, техническая поддержка сельскохозяйственной техники, оборудование для ирригации и переработки. Япония также будет поддерживать развитие благоприятных условий для экспорта сельскохозяйственной продукции, включая систему контроля качества и безопасности пищевой продукции.

Кыргызско-японский центр человеческого развития будет оказывать поддержку с упором на развитие человеческих ресурсов в промышленности. Япония также будет проводить обучение в целях развития человеческих ресурсов не только для государственных служащих, но и субъектов экономических организаций, общественных объединений, НПО, частных предприятий, которые играют важную роль в

процессе планирования и реализации государственной политики.

Япония окажет помощь Кыргызстану в восстановлении социальных сфер, которые пришли в упадок после распада СССР, а также в улучшении уровня жизни населения, играющего ключевую роль в рыночной экономике и процессе демократизации¹.

Политика содействия Узбекистану, разработанная Японией в 2012г., включает три приоритетные сферы:

- 1) обновление и совершенствование экономической инфраструктуры (транспорт и энергетика);
- 2) содействие развитию людских ресурсов и институциональное строительство для ускорения перехода к рыночной экономике, стимулирование экономики и промышленности;
- 3) содействие реструктуризации социального сектора (сельское хозяйство и развитие сельской местности, а также здравоохранение).

На основе этого ЛСА оказывает сотрудничество по проектам выработки электроэнергии и развития инфраструктуры железнодорожного транспорта. Развитие людских ресурсов осуществляется через деятельность Узбекско-Японского центра, усовершенствование правовой системы для предпринимательской деятельности посредством проектов в области сельского хозяйства и здравоохранения².

Таким образом, действуя через предоставление ОПР, Япония смогла соединить в своем внешнеполитическом курсе примат национальных интересов, продвижение демократических ценностей при использовании в своих целях азиатскую идентичность со странами Центральной Азии [Добринская 2020].

Россия со своей стороны резко не реагировала на действия Японии в важном для себя регионе. Напротив, высказывались предположения, что в случае возникновения кризиса в отношениях России и Японии, сотрудничество в рамках евразийских

¹ План деятельности в Кыргызской Республике. [электронный ресурс] // URL: <https://www.kg.emb-japan.go.jp/files/000552200.pdf> (дата обращения: 05.12.2021.)

² Узбекистан. Japan International Cooperation Agency (JICA) [электронный ресурс] // URL: <https://www.jica.go.jp/uzbekistan/russian/index.html> (дата обращения: 09.03.2022.)

интеграционных проектов позволит поддерживать контакты хотя бы на минимальном уровне, а также обеспечит площадку для урегулирования возникающих вопросов [Сотрудничество ... 2018: 15].

Для стран Центральной Азии 2022 год ознаменовался проведением мероприятий по случаю 30-летия установления дипломатических отношений с их партнерами. 15 апреля в формате видеоконференции состоялось восьмое совещание министров иностранных дел диалога «Центральная Азия + Япония», в ходе которого обсуждались вопросы о мерах по укреплению сотрудничества между странами Центральной Азии и Японии, в частности по вопросам взаимодействия в области противодействия пандемии COVID-19, усиления пограничного контроля, региональной безопасности и сотрудничества по достижению Целей устойчивого развития. Стороны договорились продолжать взаимодействие по этим направлениям, а также обозначили новые аспекты сотрудничества. Например, узбекская сторона предложила рассмотреть возможности по реализации совместных проектов по диверсификации транспортных коридоров, строительству новых железнодорожных путей и автомобильных магистралей и развитию потенциала авиаперевозок. Также в качестве приоритетных направлений сотрудничества были обозначены меры по развитию цифровой экономики и электронной торговли, внедрению японских технологий и ноу-хау, продвижению «зеленой экономики», сдерживанию процессов изменения климата и другие области¹.

В конце апреля министр иностранных дел Японии Ёсимаса Хаяси посетил Узбекистан и Казахстан. В ходе визитов обсуждались направления двустороннего сотрудничества и выдвигались предложения для его углубления. Помимо экономических и социально-гуманитарных тем особое

внимание было уделено складывающейся обстановке в Афганистане. Подчеркнута необходимость продолжения оказания гуманитарного содействия афганскому народу.

Кроме того, поднимались вопросы, касающиеся действий России на Украине. Ёсимаса Хаяси объяснил позицию Японии и подчеркнул, что международное сообщество должно работать вместе, чтобы справиться с этим конфликтом. В настоящее время усиления поляризации мира глобальные игроки прилагают усилия для привлечения малых стран на свою сторону. Япония, являясь союзником Соединенных Штатов, проводя такую политику в регионе, решает задачу по изоляции РФ, а также ослаблению Китая. О.Парамонов полагает, что у Токио нет четкой стратегии в ЦА, что стало особенно явно после появления китайского проекта «Один пояс, один путь», когда стал преобладать реактивный, ситуативный подход². Возможно, в скором времени можно будет наблюдать более проработанный план действий.

Таким образом, в настоящее время политика Японии в Центральной Азии основывается по большей части на многочисленных программах содействия развитию, проводимых центрами ЛСА, культурной дипломатии, образовании и гуманитарной помощи. Японское руководство стало более прагматичным и взвешенным в оценках своих возможностей и ограничений в Центральной Азии, акцентируя свое внимание на экономических и гуманитарных связях. «Мягкая сила» стала тем инструментом, который придает дополнительные импульсы развитию отношений Токио с центральноазиатскими республиками, помогая достигать поставленных целей. Однако возможен и пересмотр направлений и методов реализации внешнеполитического курса как ответ на изменения, происходящие с

¹ Узбекистан принял участие в совещании глав МИД Диалога «Центральная Азия + Япония». МИД УР [электронный ресурс] // URL: <https://mfа.uz/ru/press/news/2022/uzbekistan-prinyal-uchastie-v-soveshchani-glav-mid-dialoga-centralnaya-aziya-yaponiya---31322> (дата обращения: 19.10.2021.)

² Вишняк О. Центральная Азия плюс Япония: новый премьер – новая эра отношений? ИАЦ МГУ, [электронный ресурс] // URL: <https://ia-centr.ru/experts/olga-vishnyak/tsentralnaya-aziya-plyus-yaponiya-novyuy-premer-novaya-era-otnosheniy/> (дата обращения: 17.09.2021.)

международным порядком в настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добринская О.А.* Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13(3). С. 86–111.
- Добринская О.А.* Япония и Центральная Азия: модель экономического взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 58–73.
- Ковригин Е.Б.* Япония - АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 40—74
- Мурашкин Н.Ю.* Дипломатия «Великого шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992–2009 гг.) // Ежегодник Японии. 2012. Т.41. С.24-50.
- Мурашкин Н.Ю.* Эволюция «российского фактора» во внешней политике Японии в Центральной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 362–375.
- Парамонов О.Г., Пузанова О.В.* Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997- 2017 гг.) // Сравнительная политика. – 2018. – № 3. – С. 42–60.
- Сотрудничество России и Японии в Евразии: рабочая тетрадь № 43/2018 / [В. В. Нелидов, К. Кобаяси; гл.ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2018. – 36 с.
- Уразаева Ф.П., Курманов З.К.* Стратегическое использование ОПР в Центральной Азии // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 4А. С. 130-140.
- Dadabaev T.* Japan as no 'other': Decolonizing Alternative for Central Asia? // Central Asia and Caucasus Analyst, Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program.
- Dadabaev T.* Japan in Central Asia: Strategies, Initiatives, and Neighboring Powers. Palgrave MacMillan: London.
- Dissyukov A.* “Central Asia Plus Japan” Dialogue: From Idea to Implementation // Journal of International and Advanced Japanese Studies. Vol. 11, February 2019, pp. 1-21
- Japan’s Silk Road Diplomacy: Paving the Road Ahead / Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008
- Rakhimov M.* Central Asia and Japan: Bilateral and multilateral relations // Journal of Eurasian Studies 5 (2014). Pp. 77–87
- Tai-Ting Liu T.* Undercurrents in the Silk Road. An Analysis of Sino-Japanese Strategic Competition in Central Asia // Journal of International and Advanced Japanese Studies. Vol. 8, March 2016, pp. 157-171
- The new Central Asia: The Regional Impact of International Actors / Edited by Emilian Kavalski. World Scientific, 2010. 365 p.

REFERENCES

- Dobrinskaya O.A.* Rol' oficial'noj pomoshchi razvitiyu v strategii YAponii v Central'noj Azii // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2020. 13(3). S. 86-111.
- Dobrinskaya O.A.* YAponiya i Central'naya Aziya: model' ekonomicheskogo vzaimodejstviya // Problemy Dal'nego Vostoka. 2020. № 4. С. 58–73.
- Kovrigin E.B.* YAponiya - ASEAN: evolyuciya oficial'noj pomoshchi razvitiyu // Prostranstvennaya ekonomika. 2014. № 2. S. 40—74
- Murashkin N.YU.* Diplomatiya «Velikogo shelkovogo puti» v Central'noj Azii cherez prizmu yaponskih predstavlenij o bezopasnosti (1992–2009 gg.) // Ezhegodnik YAponiya. 2012. T.41. S.24-50.
- Murashkin N.YU.* Evolyuciya «rossijskogo faktora» vo vneshnej politike YAponii v Central'noj Azii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. Т. 11. Vyp. 4. S. 362–375. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2018.403

- Paramonov O.G., Puzanova O.V.* Evrazijskaya diplomatiya Tokio: uspekhi i neudachi (1997- 2017 gg.) // Sravnitel'naya politika. – 2018. – № 3. – S. 42-60.
- Sotrudnichestvo Rossii i Yaponii v Evrazii: rabochaya tetrad' № 43/2018 / [V. V. Nelidov, K. Kobayasi ; gl.red. I. S. Ivanov]; Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). – M.: NP RSMD, 2018. – 36 s.
- Urzaeva F.P., Kurmanov Z.K.* Strategicheskoe ispol'zovanie OPR v Central'noj Azii // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 2018. Tom 7. № 4A. S. 130-140.
- Dadabaev T.* Japan as no 'other': Decolonizing Alternative for Central Asia? // Central Asia and Caucasus Analyst, Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program.
- Dadabaev T.* Japan in Central Asia: Strategies, Initiatives, and Neighboring Powers. Palgrave MacMillan: London.
- Dissyukov A.* “Central Asia Plus Japan” Dialogue: From Idea to Implementation // Journal of International and Advanced Japanese Studies. Vol. 11, February 2019, pp. 1-21
- Japan’s Silk Road Diplomacy: Paving the Road Ahead / Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008
- Rakhimov M.* Central Asia and Japan: Bilateral and multilateral relations // Journal of Eurasian Studies 5 (2014). Pp. 77–87
- Tai-Ting Liu T.* Undercurrents in the Silk Road. An Analysis of Sino-Japanese Strategic Competition in Central Asia // Journal of International and Advanced Japanese Studies. Vol. 8, March 2016, pp. 157-171
- The new Central Asia: The Regional Impact of International Actors / Edited by Emilian Kavalski. World Scientific, 2010. 365 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дмитриева Марина Олеговна, к.п.н, старший преподаватель кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: marinad5@mail.ru

Marina O. Dmitrieva, PhD, Senior Lecturer, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: marinad5@mail.ru

Современные проблемы и перспективы совершенствования энергетической политики Узбекистана

Д. Г. Умаров

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: 1032185182@rudn.ru*

Аннотация. Обеспечение энергетической безопасности Узбекистана является вопросом национальной безопасности, так как отключение электричества или его дефицит грозят приостановкой работы госучреждений, школ, больниц, транспорта и важного с точки зрения безопасности внешних границ оборудования. В быстро меняющемся мире Узбекистану необходимо проявлять оперативность в решении новых вызовов. Зависимость от внешних игроков влечет за собой сопутствующие риски, в условиях которых страна ограничена в своих возможностях и пространстве для маневра. Начиная с 1991 года, когда Узбекистан обрел государственную независимость, энергетическая повестка остается одной из самых сложных государственных проблем. Создание национальной энергосистемы неизбежно приводит к удорожанию электричества, так как возрастают издержки на обслуживание и исключается фактор экономии на объеме выработки электроэнергии. Тем не менее, повышение издержек в одном месте в длинной цепочке производства и поставки электроэнергии можно эффективно компенсировать в другом. Если Узбекистан сумеет повысить энергоэффективность, снизив потери при производстве и поставке электроэнергии, снизит стоимость производимой энергии на электростанциях, то можно нивелировать рост издержек. Другой способ борьбы с повышением цен на электричество – диверсификация поставок электроэнергии за счет привлечения партнеров из стран Центральной Азии и КНР. В настоящий момент ряд экономических маркеров свидетельствует о низком уровне энергоэффективности. В то же время, есть простые и недорогие меры по оптимизации, которые могут сократить потери, что позволит направить освободившиеся мощности на удовлетворение возрастающих потребностей, чтобы избежать частых блэкаутов. В рамках нашего исследования попытаемся проанализировать энергетический сектор экономики Узбекистана и выявить оптимальные варианты повышения его эффективности.

Ключевые слова: Узбекистан, энергетика, экономика, энергобезопасность, сотрудничество.

Для цитирования: Умаров Д. Г. Современные проблемы и перспективы совершенствования энергетической политики Узбекистана. Постсоветские исследования. 2022;5(5):482-493.

Modern problems and prospects of improving the energy policy of Uzbekistan

Doston G. Umarov

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail: 1032185182@rudn.ru*

Abstract. Granting the energy security of Uzbekistan is a matter of national security, as a power outage or a shortage threatens to suspend the work of state institutions, schools, hospitals, transport and equipment important from the point of view of the security of external borders. In a rapidly changing world, Uzbekistan needs to be prompt in addressing new challenges. Dependence on external players entails associated risks, in which the country is limited in its capabilities and space for maneuver. Since 1991, when Uzbekistan gained state independence, the energy agenda has remained one of the most difficult state problems. The creation of a national energy system inevitably leads to an increase in the cost of electricity, as maintenance costs increase and the factor

of saving on the volume of electricity generation is excluded. Nevertheless, the increase in costs in one place in the long chain of production and supply of electricity can be effectively compensated in another. If Uzbekistan manages to increase energy efficiency by reducing losses in the production and supply of electricity, and reduces the cost of energy produced at power plants, then it is possible to offset the increase in costs. Another way to combat the increase in electricity prices is to diversify electricity supplies by attracting partners from Central Asian countries and China. At the moment, a number of economic markers indicate a low level of energy efficiency. At the same time, there are simple and inexpensive optimization measures that can reduce losses, which will allow you to direct the released capacity to meet increasing needs in order to avoid frequent blackouts. As part of our research, we will try to analyze the energy sector of the economy of Uzbekistan and identify the best options for improving its efficiency.

Keywords: Uzbekistan, energy, economy, energy security, cooperation.

For citation: Doston G. Umarov. Modern problems and prospects of Improving the Energy Policy of Uzbekistan. *Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies*. 2022;5(5):482-493. (In Russ.)

Перспективы развития энергетической инфраструктуры на основе дорожных карт сотрудничества.

Во всех четырех случаях Россия, Китай, Южная Корея и страны Центральной Азии проявляют глубокую заинтересованность в сотрудничестве с Узбекистаном в области развития энергетической инфраструктуры. Это естественная область интересов, учитывая слаборазвитые ресурсы Узбекистана природного газа, урана и солнечной/гидроэнергетики. Тем не менее, процесс сотрудничества и целевые области варьируются в зависимости от страны в зависимости от опыта/ технологии, которыми обладают, и корпоративных или государственных интересов [Fazendeiro 2017: 409-427].

Исторически сложилось так, что Россия была доминирующей державой в отношении освоения традиционных ресурсов по нескольким причинам. Во-первых, транспортная инфраструктура, которая доставляет эти ресурсы конечным пользователям, проходит через Россию, и у Узбекистана не было другого маршрута для экспорта своих ресурсов до строительства транспортных сетей, связанных с Китаем. Во-вторых, Россия была и остается основным источником технологий, особенно в том, что касается добычи полезных ископаемых.

В-третьих, Россия заинтересована в сохранении своего доминирующего положения в экспорте узбекских ресурсов,

хотя были построены альтернативные каналы, связанные с Китаем. В значительной степени устойчивый интерес России к сохранению своей монополии на узбекском рынке отражен в новейших дорожных картах сотрудничества. Однако, что отличает эти недавние планы, связанные с энергетикой, от предыдущих планов, так это смелое, противоречивое решение правительства Узбекистана при президенте Мирзиёеве искать ядерные технологии и построить первую атомную станцию в регионе Центральной Азии с использованием российских технологий. Это потенциально прорывное событие для Узбекистана, который долгое время испытывал нехватку электроэнергии и природного газа из-за предпочтения предыдущего правительства экспорту природного газа и слаборазвитости электроэнергетической инфраструктуры страны. Поэтому среди проектов, которые Узбекистан развивает с Россией, проекты строительства атомных станций выделяются по сравнению с портфелями проектов в сотрудничестве с другими странами [Fazendeiro 2018: 5].

В то время как Россия надеется использовать Узбекистан для экспорта своих ядерных технологий и создать прецедент для других стран ЦА, стремящихся к ядерным технологиям, таких как Казахстан, Узбекистан рассматривает сотрудничество с Россией в строительстве АЭС как способ диверсификации и

увеличения своих мощностей по производству электроэнергии, что имеет решающее значение для его промышленного развития. Поэтому Узбекистан рассматривает атомные станции не просто как способ удовлетворения своих текущих потребностей в электроэнергии, а скорее как способ расширения своего промышленного потенциала [Freeman 2018: 635-654].

Как показано выше, Узбекистан привлекает российские компании к строительству атомных электростанций и к столь необходимой модернизации существующих объектов электроэнергетики и гидроэнергетики. Многие из этих объектов были построены во времена Советского Союза, и, таким образом, Россия находится в наилучшем положении для их модернизации. Строительство новых гидроэлектростанций также будет осуществляться российскими компаниями из-за опыта, которым эти компании обладают, работая в Узбекистане, и из-за общего понимания технического языка между российскими и местными специалистами, что представляет собой преимущество российских компаний по сравнению с китайскими, южнокорейскими и японскими компаниями. Опять же, для Узбекистана модернизация этих объектов предназначена не только для удовлетворения текущих потребностей страны, но и для подготовки страны к интенсивной индустриализации, которая потребует значительного количества новых и устойчивых энергетических ресурсов.

Связанные с Китаем проекты дорожных карт сотрудничества в некоторой степени напоминают проекты России. Они также сосредоточены на раскопках и разработке новых запасов различных источников энергии. Однако самое большое отличие заключается в том, что многие из этих проектов концептуализированы как часть проектов Шелкового пути и предназначены для соединения китайских конечных пользователей с узбекскими поставщиками. В настоящее время это очень важная задача для Узбекистана, учитывая его цель деколонизировать свой доступ к мировым

рынкам и избежать чрезмерной зависимости от российского маршрута [Libman 2018: 7].

Второе различие между китайскими проектами и российскими проектами заключается в том, что китайские проекты почти полностью оплачиваются за счет займов от созданных Китаем финансовых институтов, таких как Азиатский банк инфраструктуры и инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути. В этом смысле эти проекты не обязательно ложатся финансовым бременем на Узбекистан в краткосрочной перспективе и поэтому выглядят привлекательно. Однако долгосрочные перспективы погашения этих кредитов еще должным образом не обсуждались и не рассматривались. Погашение кредита особенно неопределенно, поскольку в 2019 году Узбекистан объявил, что намерен прекратить поставки природного газа на внешние рынки примерно к 2025 году и вместо этого использовать его для внутреннего потребления и производства продукции с добавленной стоимостью.

Кроме того, Узбекистан указал, что он стремится создать хаб для поставок природного газа в государства региона, тем самым отдав предпочтение региональным потребителям по сравнению с российскими и китайскими потребителями. В-третьих, новая технология, которую Китай предлагает Узбекистану, связана со строительством мощностей по производству электроэнергии на солнечной и ветровой энергии, которыми Узбекистан в настоящее время не располагает самостоятельно. Учитывая богатые солнечные и ветровые ресурсы Узбекистана, проекты, связанные с Китаем, предлагают уникальную технологию, которая потенциально может произвести революцию в энергетическом секторе Узбекистана [Megoran, Sharipova 2013: 79].

Дорожные карты сотрудничества с Южной Кореей в значительной степени основаны на долгой истории участия южнокорейских компаний в экономике Узбекистана со времен первого президента Узбекистана. Многие проекты, включенные в новые дорожные карты, реализуются компаниями, которые уже давно работают в

Узбекистане. Кроме того, многие из этих компаний не уделяют особого внимания добыче энергоресурсов для транспортировки в Южную Корею, что очень сложно с точки зрения логистики. Скорее, они пытаются использовать богатые ресурсы, имеющиеся в Узбекистане, для производства продуктов с добавленной стоимостью, и эта ориентация хорошо воспринимается правительством Узбекистана, которое стремится развивать собственное экспортно-ориентированное производство товаров с добавленной стоимостью вместо экспорта сырьевых минеральных ресурсов. Большинство проектов, упомянутых ниже, имеют такую направленность, как показано в приведенном ниже списке репрезентативных проектов.

Связанные с Японией проекты в области управления энергетическими ресурсами в основном отражают сильные стороны японских компаний в модернизации существующих мощностей с использованием современных японских ноу-хау. В этом смысле Япония стремится предложить Узбекистану более новые и устойчивые технологии, чем предлагает Россия. Правительство Японии уже участвовало в модернизации Навоийской ТЭЦ путем строительства второй установки с комбинированным газовым циклом (JICA Navoi thermal power station) [Dadabaev 2019: 893-917]. Новые дорожные карты включают в себя строительство новой газовой установки комбинированного цикла. Вторая область, к которой Япония исторически проявляла интерес, — это область разведки природных ресурсов, особенно в отношении ресурсов, которые Япония может использовать на своем собственном рынке¹. Одним из таких ресурсов является уран, который Япония использует на своих атомных станциях. Дорожные карты включают два контракта на поставки урана, один от Marubeni Corporation на 480

миллионов долларов США и другой от Itochu Corporation на 600 млн долларов.

Кроме того, правительство Узбекистана разработало проект с Японской Национальной корпорацией нефти, газа и металлов (JOGMEC) по совместному геологическому изучению ресурсов золота и вольфрама в Навоийской области с возможностью получения японскими компаниями исключительных прав на добычу². Третья область, которая приносит пользу Узбекистану, — это безопасность атомных электростанций. Япония имеет как положительный, так и отрицательный опыт в этой области, который она может предложить Узбекистану. Положительный опыт связан с использованием Японией большого числа атомных электростанций и значительной зависимостью от их безопасного функционирования в обеспечении устойчивого энергоснабжения своей экономики. Негативный опыт связан с несколькими ядерными инцидентами в Японии, самый крупный из которых произошел в марте 2011 года и стал для Японии серьезным, но все же незаменимым опытом в области безопасной эксплуатации АЭС. Правительство Узбекистана, как отражено в дорожных картах сотрудничества, надеется извлечь выгоду из такого опыта, поскольку оно строит свою первую атомную станцию и свое ядерное агентство "Узатом".

Реализация проектов строительства транспортной инфраструктуры с иностранными партнерами.

Что касается инфраструктуры развития транспорта, то не все дорожные карты касаются развития транспортной инфраструктуры с точки зрения связности. Наиболее активным партнером с точки зрения официальной риторики и дорожных карт в отношении строительства и развития транспортной инфраструктуры в Узбекистане был Китай. Это связано с тем фактом, что китайская инициатива "Новый

¹ JOGMEC to launch the first uranium joint exploration in Uzbekistan. // JOGMEC URL: <https://www.jogmec.go.jp/english/news/release/release0023.html> (дата обращения: 15.05.2022).

² Japan: JOGMEC Gold and Tungsten Resource Survey for Japanese mining in Uzbekistan // GAT URL: <https://www.globaltradealert.org/state-act/43072/japan-jogmec-gold-and-tungsten-resource-survey-for-japanese-mining-in-uzbekistan> (дата обращения: 15.05.2022).

шелковый путь" направлена на сокращение времени, затрачиваемого на транспортировку китайских товаров на внешние рынки. В этом смысле Китай рассматривает развитие транспортной инфраструктуры как один из столпов двустороннего сотрудничества с Узбекистаном [Chen, Fazilov 2018: 71]. Как описано в списке проектов, включенных в дорожные карты, строительство различных коридоров занимает важное место в повестке дня сотрудничества с Китаем, и Узбекистан полностью поддерживает этот тип проектов, поскольку он также открывает возможности для выхода узбекских товаров на китайский рынок. Хорошим примером этого является строительство железных дорог из Узбекистана через Кыргызстан в Китай. Узбекистан является решительным сторонником этого проекта.

Второй тип проектов, которые Узбекистан считает приоритетными в дорожных картах сотрудничества с Китаем, — это создание единой тарифной транспортной инфраструктуры, объединяющей затраты на транспортные услуги. Это позволило бы потенциальным клиентам использовать один тариф для перевозки своих товаров через несколько государств. Кроме того, Узбекистан лоббирует упрощение транспортных и лицензионных процедур для транспортировки своей энергетической продукции в Китай.

Интересно, что к третьему типу проектов относятся проекты, которые не обязательно касаются инфраструктуры на территории Узбекистана, а скорее соединяют инфраструктуру Узбекистана с инфраструктурой Афганистана или ищут финансирование для строительства узбекско-афганской транспортной инфраструктуры. Благодаря такому подходу Узбекистан стремится достичь нескольких целей. Во-первых, правительство Узбекистана (и его главная национальная железнодорожная компания "Узбекистон Темир Йуллари") ищут роль субподрядчиков для международных агентств и организаций по развитию в строительстве инфраструктуры для Афганистана. Узбекистан уже имеет такой

опыт в северном Афганистане, и он стремится извлечь экономическую выгоду из строительства таких проектов. Во-вторых, Узбекистан рассматривает Афганистан, наряду с другими государствами Центральной Азии, в качестве основного направления своей политики экономической экспансии [Dadabaev 2016: 69-85].

Таким образом, строительство железной дороги в Афганистан является одной из целей, которую Узбекистан надеется достичь, соединив свои проекты с теми, которые Китай поддерживает в своей инициативе "Один пояс и один путь". В-третьих, стремясь интегрировать Афганистан в свою собственную инфраструктуру и открыть рынок Афганистана для собственных транспортных услуг, Узбекистан стремится наладить финансовый диалог между ЦА и Афганистаном, в котором он играет центральную роль. Он также стремится использовать возможности, предоставляемые строительством транспортной инфраструктуры вдоль маршрута Пакистан-Китай, для финансирования участка железной дороги Афганистан-Узбекистан, уделяя особое внимание соединению участка Узбекистан-Мазари-Шариф с Кабулом и южным Афганистаном. В этом смысле Узбекистан стремится использовать возможности, предоставляемые китайским проектом «Пояс и Путь», для расширения своей собственной роли в качестве регионального транспортного узла. Кроме того, в декабре 2018 г. надежды Узбекистана еще более усилились благодаря поддержке России, Казахстана, Афганистана и Пакистана в создании финансового консорциума для новой железной дороги "Мазари-Шариф-Кабул-Пешавар" [Dadabaev 2018: 162-175].

Узбекско-японские дорожные карты предполагают, что японское участие в проектах транспортной инфраструктуры отличается от китайского. В этом смысле в видении Узбекистаном вклада Китая и Японии в транспортную инфраструктуру нет конфликта интересов или структурной конкуренции. Одним из аспектов, подчеркиваемых узбекскими дорожными

картами, является вклад Японии в модернизацию внутренней железнодорожной инфраструктуры путем предложения японских технологий для управления железнодорожным сообщением и эксплуатации железных дорог и аэропортов. В годы, последовавшие за распадом Советского Союза, этот сектор в Узбекистане был объединен с управлением национального перевозчика Uzbekistan Airways, который также управляет национальными аэропортами. Однако такая структура управления привела к коррупции, неэффективности и грубому нарушению международных правил и практики [Dadabaev 2019: 893-917].

В начале 2019 года правительство приняло решение о денационализации аэропортов в целях повышения их эффективности и повышения привлекательности страны для посетителей. Правительство Узбекистана обратилось за помощью в модернизации своих аэропортов, и правительство Японии провело несколько проектов модернизации местных аэропортов. В самых последних "дорожных картах" Узбекистан выступил с инициативой передачи управления национальными аэропортами иностранным компаниям, и японские корпорации занимают высокое место в оценке узбекского правительства. Благодаря этим реформам Узбекистан надеется повысить связность своей транспортной инфраструктуры [Djalilova, Esteban 2018: 3-14].

Таким образом, возможно сделать три вывода. Во-первых, было продемонстрировано, что Узбекистан переходит от экономической модели, которая жестко контролируется правительством, к модели, которая более тесно связана с моделью развивающегося государства. В рамках такой модели правительство определяет свои приоритеты в отношении инвестиций и развития инфраструктуры, а также в отношении сотрудничества с международными партнерами. В этом процессе узбекское государство развития стремится применить свой собственный подход к проектам,

связанным с энергетикой и инфраструктурой, с позиции "я", не преуменьшая важности этих проектов с точки зрения подключения и продвижения торговли. В таком описании развитие инфраструктуры в основном относится к энергетике, транспорту, индустриализации, водоснабжению и возобновляемым источникам энергии. Во-вторых, утверждалось, что Узбекистан смотрит за рамки риторики о связях в интересах своих иностранных партнеров в области энергетики и транспорта и стремится извлечь выгоду из связанных с этим проектов, чтобы позиционировать себя в качестве промышленного и транспортного узла для других стран Центральной Азии и Афганистана. Узбекистан не заинтересован в том, чтобы стать просто транзитной территорией для промышленных китайских товаров или конечным потребителем российских ядерных технологий. Кроме того, Узбекистан не заинтересован в том, чтобы оставаться зависимым от российской транспортной инфраструктуры для экспорта своих энергоресурсов, таких как природный газ. Он стремится использовать транспортную инфраструктуру для укрепления своего положения в качестве логистического центра для товаров и технологий, что в конечном итоге приведет к производству определенных промышленных товаров для реэкспорта в РФ, КНР, Афганистан и другие страны. Для Узбекистана эти инфраструктурные инициативы являются частью его программы деколонизации, направленной на то, чтобы перевести его экономику с сырьевой на экспорт продукции с добавленной стоимостью. В-третьих, Узбекистан приписывает различные роли проектам, осуществляемым со своими партнерами по иностранным инвестициям, при этом России в основном приписывается роль традиционного поставщика энергии и недавно приобретенная роль партнера по строительству АЭС. Проекты, связанные с КНР, сосредоточены на создании энергетической и транспортной инфраструктуры, а также на местном производстве. Проекты Южной Кореи с

Узбекистаном сосредоточены в первую очередь на сотрудничестве средних и малых предприятий, переработке местных минеральных ресурсов в готовую к экспорту продукцию, а также модернизации узбекского управления и городского хозяйства. Япония выступает в основном в качестве поставщика ноу-хау для оптимизации железнодорожных перевозок и аэропортов.

Препятствия на пути имплементации энергетической дипломатии в решении проблем энергобезопасности Узбекистана.

Энергетическая безопасность и энергоэффективность являются основными стратегическими целями энергетической политики любого государства. В связи с этим в стране предпринимается ряд мер, в том числе Указ Президента от 27 марта 2019 г. "О стратегии дальнейшего развития и реформирования электроэнергетического сектора Республики Узбекистан"¹, на базе АО "Узбекэнерго" АО "Тепловые электростанции", были созданы АО "Национальные электрические сети Узбекистана" и АО "Региональные электрические сети". Кроме того, в целях создания эффективной системы управления в энергетическом секторе и ускорения развития отрасли, повышения ее конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности Президент Республики Узбекистан 1 февраля 2019 г. подписал Указ "О мерах по коренному совершенствованию системы управления топливно-энергетическим сектором". Был принят указ № ПФ-5646². Этим указом в качестве приоритетов дальнейшего развития топливно-энергетического комплекса Республики Узбекистан определены следующие: во-первых, проведение единой энергетической политики, направленной на

обеспечение энергетической безопасности страны, удовлетворение растущих потребностей экономики и населения в энергоресурсах; во-вторых, государственное регулирование энергетического сектора и четкое разграничение экономических функций, совершенствование правовых и институциональных рамок социального и государственно-частного партнерства, разработка четких рыночных механизмов реализации тарифной политики и на этой основе продвижение принципов здоровой конкурентной среды; в-третьих, создание условий для активного привлечения инвестиций в строительство объектов инфраструктуры, а также модернизацию, техническое и технологическое перевооружение предприятий, особенно иностранных прямых инвестиций; в-четвертых, реализация государственной политики в области энергосбережения и снижения энергопотребления экономики, стимулирование внедрения передовых ресурсо- и энергосберегающих технологий в отраслях экономики и бытовом секторе, широкое развитие альтернативных источников энергии; в-пятых, широкое внедрение современных средств автоматизации технологических процессов в энергетическом секторе, систем учета объемов производства, поставок и потребления энергоресурсов; в-шестых, оптимизация системы управления сетевыми предприятиями, их структурами и подразделениями, внедрение современных методов организации работы, направленных на достижение конкретных результатов и целевых показателей (управление качеством, индикативное планирование) [Кодиров 2022: 3].

Географическое положение и унаследованная энергетическая инфраструктура превратили Узбекистан в чрезвычайно важного игрока, без которого любая инициатива по улучшению центральноазиатского энергетического сотрудничества, скорее всего, потерпит неудачу. Тем не менее, в течение последнего десятилетия Узбекистан использовал свои инфраструктурные, а также географические преимущества не только для обеспечения надежности энергоснабжения в регионе.

¹ Указ Президента О стратегии дальнейшего развития и реформирования электроэнергетической отрасли Республики Узбекистан ПП-4249-сон 27.03.2019. // Lex.uz URL: <https://lex.uz/ru/docs/4257085> (дата обращения: 15.05.2022).

² Указ Президента О мерах по коренному совершенствованию системы управления топливно-энергетической отраслью Республики Узбекистан УП-5646-сон 01.02.2019 // Lex.uz URL: <https://lex.uz/ru/docs/4188806> (дата обращения: 15.05.2022).

Узбекские власти используют свои преимущества для блокирования поставок электроэнергии и энергоносителей в другие государства, чтобы влиять на внешнюю политику последних. Узбекистан был недоволен существующими условиями торговли электроэнергией и энергоносителями, согласно которым страны, расположенные выше по течению, получали поставки по сниженным ценам. Поэтому было принято решение перенаправить поставки электроэнергии и энергоносителей на внешние рынки, которые платят более высокие цены. Это привело к распаду Центральноазиатской энергосистемы, которая была частью ЦАЭС и состояла только из электросетей [Телегина, Халова 2017: 38-46].

Распад ЦАЭС повлиял на краткосрочную и среднесрочную доступность газа и тепловой электроэнергии для государств, расположенных выше по течению, и поставки гидроэлектроэнергии в государства, расположенные ниже по течению. ЦАЭС была разработана как сложная сеть взаимозависимых субъектов (энергетических секторов страны) для производства и передачи электроэнергии наиболее эффективным способом. Гидроэнергетика, производимая на севере Кыргызстана, не могла обойти Узбекистан, добираясь до южных регионов. Для Кыргызстана было экономически выгодно использовать узбекские электросети для снабжения электроэнергией южных регионов.

Аналогичным образом, гидроэлектроэнергия, вырабатываемая в южных районах Таджикистана, не могла достичь северных территорий, минуя территорию Узбекистана. Таджикистан также поставлял электроэнергию на самый юг Узбекистана. Туркменистан изначально был импортером узбекской электроэнергии, но затем превратился в экспортера собственной электроэнергии. Казахстан как импортировал, так и экспортировал электроэнергию в Кыргызстан и из него, а также получал поставки из Узбекистана. Узбекские власти считают, что Узбекистан входит в число немногих стран в мире,

которые располагают достаточными запасами энергии для удовлетворения энергетических потребностей.

Ислам Каримов, президент Республики Узбекистан, говоря о важности развития энергетического сектора, заявил: “Республика станет полностью независимой, когда обретет энергетическую независимость”¹. Руководствуясь, отчасти, этой верой в свою самодостаточность, Узбекистан в 2009 г. вышел из соглашения ЦАЭС и тем самым поставил под угрозу надежные отношения по поставкам газа в регионе. Узбекистан был центром энергетической инфраструктуры Центральной Азии, и его изоляционистская энергетическая политика привела к продолжающемуся разрушению всей системы и повлияла на энергетическую безопасность во всех вовлеченных странах. При разработке новой энергетической политики узбекские власти должны серьезно учитывать возникающие проблемы энергетической безопасности, такие как усиление дефицита электроэнергии и газа, в том числе в самом Узбекистане.

В своих попытках создать максимально безопасную независимую энергетическую систему власти Узбекистана уделили приоритетное внимание удовлетворению энергетических потребностей страны полностью за счет собственных ресурсов, поддержанию доступных цен для внутренних потребителей и увеличению объемов экспорта газа и электроэнергии.

Однако следующие обстоятельства влияют на вклад вышеупомянутых политических приоритетов в повышение энергетической безопасности Узбекистана [Халмуминов Ж. Т., Аюпова 2014: 473]:

- Энергетический сектор Узбекистана и, следовательно, его энергетическая безопасность в значительной степени зависят от единственного источника энергии — природного газа. Однако

¹ Development Strategy of New Uzbekistan for the period of 2022-2026. Interview with Eldor Tulyakov // CABAR.asia URL: <https://cabar.asia/en/development-strategy-of-new-uzbekistan-for-the-period-of-2022-2026-interview-with-eldor-tulyakov> (дата обращения: 15.05.2022).

большая часть газа, добываемого в стране, потребляется внутри страны. Таким образом, любая попытка увеличить экспорт газа на внешние рынки идет в ущерб внутреннему потреблению.

- Правительство Узбекистана субсидирует свой газовый сектор, чтобы сохранить доступные цены. Низкие внутренние цены делают невозможным получение высоких доходов и перераспределение достаточных средств для развития любых ВИЭ, которые обеспечат долгосрочные поставки энергии. Более того, субсидируемый рынок газа делает относительно дорогие ВИЭ непривлекательными для частных инвесторов.
- Энергетическая инфраструктура страны устарела, а существующие энергетические ресурсы используются неэффективно, что влияет на ее способность обеспечивать достаточность энергоснабжения населения и удовлетворять его экономические потребности.

Принимая во внимание тот факт, что Узбекистан активно использует свой газовый потенциал, в будущем не следует ожидать бума добычи газа. В качестве единственного источника энергии на природный газ уже приходится примерно 85 процентов потребления первичной энергии, что ограничивает физическую способность Узбекистана значительно увеличить свои возможности по экспорту газа. "Узбекнефтегаз" поставил 48,8 млрд. м³ газа при добыче 57,3 млрд. м³ для внутренних потребителей в 2014 году. Высокий уровень потребления газа может быть вызван чрезмерной зависимостью от газа для производства электроэнергии, отопления и снабжения топливом [Захидов, Таджиев 2017: 503-507].

Кроме того, устаревшие и, следовательно, неэффективные объекты добычи, распределения и потребления газа в сочетании с большим населением (около 30 млн человек, что почти вдвое меньше, чем в Центральной Азии) являются ключевыми факторами. Например, установленная мощность всех электростанций в

Узбекистане превышает 12,3 гигавайт (ГВт), что составляет 50 процентов от всех генерирующих мощностей соединенных штатов, при этом на ТЭС приходится более 11 ГВт, а на гидроэлектростанции (ГЭС) - около 1,3 ГВт. Восемьдесят семь процентов всей электроэнергии производится в основном на газовых ТЭС. Значительное потребление при ограниченных производственных мощностях означает, что любая инициатива по увеличению экспорта газа внешним потребителям негативно скажется на поставках газа внутренним потребителям [Захидов, Таджиев, Киселева 2019: 677-682].

Власти Узбекистана недавно договорились о достижении годового объема экспорта в 10 млрд. м³ по линии С газопровода Центральная Азия-Китай (СAGP). Однако неэффективность из-за устаревшей инфраструктуры природного газа, растущего спроса на энергию внутри страны и отсутствия развития в крупных запасах природного газа есть признаки физической неспособности Узбекистана увеличить свои экспортные мощности по газу без ущерба для внутреннего потребления. Но в условиях сильно субсидируемого внутреннего энергетического рынка власти РУ по-прежнему заинтересованы в увеличении экспорта газа на внешние рынки.

В настоящее время власти Узбекистана увеличивают экспорт газа в Китай за счет сокращения экспорта по всем другим направлениям, включая Россию. Как упоминалось ранее, правительство Узбекистана субсидирует свой газовый сектор. В 2014-2015 гг. бытовые потребители Узбекистана платили около 50 долларов США за 1000 м³ газа, в то время как в последнее время страна экспортирует газ на внешние рынки по цене, в пять-восемь раз превышающей эту цену. Государственные субсидии на газ обходятся бюджету страны почти в 10 млрд долларов ежегодно [Мазур 2018: 57-69].

Эти субсидии делают поставки газа относительно доступными для населения, но они также оказывают ряд негативных последствий на устойчивость энергоснабжения. Во-первых, правительство

заинтересовано в увеличении объемов экспорта газа за счет внутреннего потребления, поскольку внешние потребители платят больше. Во-вторых, субсидируемый внутренний рынок газа не позволяет частным субъектам активно участвовать в продаже и распределении газа. В-третьих, субсидии считаются одной из основных проблем на пути привлечения инвестиций в развитие ВИЭ в Узбекистане. Несмотря на значительный технический потенциал для производства электроэнергии из возобновляемых источников¹, в настоящее время он крайне слабо развит, поскольку его доля не превышает двух процентов (без учета гидроэнергетики) от общего производства электроэнергии.

Неэффективные объекты по переработке и доставке энергии, на долю которых приходится 60% потерь первичной энергии, являются самыми большими проблемами для Узбекистана в создании самодостаточной энергетической системы. Потери, вызванные устаревшей и неэффективной инфраструктурой добычи и транспортировки газа, обходятся Узбекистану примерно в 4,5% его ВВП ежегодно. Только на сжигание газа в факелах приходится 1,8 млрд м³ потерь газа в стране. Узбекистан входит в число 20 ведущих стран мира по сжиганию газа на

факелах. В этой связи более масштабные инициативы в области энергетики могут внести значительный вклад в повышение уровня энергетической безопасности в РУ.

Таким образом, Узбекистан, обладающий значительными возможностями по добыче газа, избежал серьезных и длительных кризисов в области поставок электроэнергии и топлива. Однако энергетическая безопасность страны не должна быть вопросом выживания, где большинство населения получает электричество для освещения, но даже без возможности использовать обогреватели или кондиционеры; скорее, энергетическая безопасность должна быть вопросом достаточных поставок газа и электроэнергии для удовлетворения как экономических, так и демографических потребностей в обозримом будущем. Таким образом, внедрение рыночных механизмов в сектор продажи и распределения газа, развитие ВИЭ и инвестиции в инициативы в области энергетики также требуют немедленного политического приоритета со стороны властей. В качестве альтернативы Узбекистан может извлечь выгоду из восстановления торговли электроэнергией внутри Центральной Азии и импорта гидроэлектроэнергии из соседних стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Chen X., Fazilov F.* (2018) Re-centering Central Asia: China's "new great game" in the old Eurasian heartland. *Palgrave Commun* 4(2018):71.
- Dadabaev T.* (2016) One village—one product: the case of JICA's community empowerment project in Kyrgyzstan. *Palgrave Macmillan, New York*, pp 69–85
- Dadabaev T.* Developmental state and foreign policy in post-Karimov Uzbekistan. In: the SAGE handbook of Asian foreign policy. SAGE, London, 2019. pp 893–917.
- Dadabaev T.* Uzbekistan as central Asian game changer? *Uzbekistan's foreign policy construction in the post-Karimov era. Asian J Comparat Politics* 4(2) 2018:162–175
- Djalilova N., Esteban M.* Feasibility study of hybrid wind-solar stand-alone energy systems for remote regions in developing countries: the case of post-soviet Uzbekistan. *Int J Sust Future Human Sec* 6(1) 2018:3–14
- Fazendeiro B.T.* Uzbekistan's defensive self-reliance: Karimov's foreign policy legacy. *international affairs* 93(2) 2017:409–427.
- Fazendeiro B.T.* Uzbekistan's foreign policy: the struggle for recognition and self-reliance under Karimov. *Routledge, Oxford*. 2018. P, 5.
- Freeman C.P.* New strategies for an old rivalry? China–Russia relations in Central Asia after the energy boom. *Pac Rev* 31, 2018:635–654.
- Libman A.* Government-business relations in post-soviet space: the case of Central Asia, MPRA paper 11874. *University Library of Munich, Germany*. 2018. P. 7.

- Megoran N., Sharipova S.* Central Asia in international relations: the legacies of Halford Mackinder. Hurst and Co, London. 2013. P. 79.
- Захидов Р.А., Таджиев У.А., Киселева Е.И.* Возобновляемые источники энергии как фактор обеспечения энергетической безопасности Узбекистана. Экологическая, промышленная и энергетическая безопасность-2017. С. 503-507.
- Захидов, Р.А., Таджиев, У.А., Киселева, Е.И.* Тенденции развития сектора электроэнергетики Узбекистана и проблемы энергетической, экологической безопасности. Экологическая, промышленная и энергетическая безопасность-2019. С. 677-682).
- Кодиров Д.Б.* Водная, продовольственная и энергетическая безопасность в условиях Узбекистана. International conferences on learning and teaching (Vol. 1, No. 2). 2022. С. 3.
- Мазур И.И.* Глобальная энергетическая безопасность. Век глобализации, (1) 2018, 57-69.
- Телегина Е.А., Халова Г.О.* Энергетическая безопасность и энергетическая интеграция в Центральной Азии. Энергетическая политика, (1),2017. Рр. 38-46.
- Халмуминов Ж.Т., Аюпова З.К.* Правовые вопросы энергетической безопасности Республики Узбекистан. ХАБАРШЫ ВЕСТНИК, 2014. С. 473.

REFERENCES

- Chen X., Fazilov F.* (2018) Re-centering Central Asia: China's "new great game" in the old Eurasian heartland. *Palgrave Commun* 4(2018):71.
- Dadabaev T.* (2016) One village—one product: the case of JICA's community empowerment project in Kyrgyzstan. *Palgrave Macmillan, New York*, pp 69–85
- Dadabaev T.* Developmental state and foreign policy in post-Karimov Uzbekistan. In: the SAGE handbook of Asian foreign policy. SAGE, London, 2019. pp 893–917.
- Dadabaev T.* Uzbekistan as central Asian game changer? *Uzbekistan's foreign policy construction in the post-Karimov era. Asian J Comparat Politics* 4(2) 2018:162–175
- Djalilova N., Esteban M.* Feasibility study of hybrid wind-solar stand-alone energy systems for remote regions in developing countries: the case of post-soviet Uzbekistan. *Int J Sust Future Human Sec* 6(1) 2018:3–14
- Fazendeiro B.T.* Uzbekistan's defensive self-reliance: Karimov's foreign policy legacy. *international affairs* 93(2) 2017:409–427.
- Fazendeiro B.T.* Uzbekistan's foreign policy: the struggle for recognition and self-reliance under Karimov. *Routledge, Oxford*. 2018. P, 5.
- Freeman C.P.* New strategies for an old rivalry? China–Russia relations in Central Asia after the energy boom. *Pac Rev* 31, 2018:635–654.
- Libman A.* Government-business relations in post-soviet space: the case of Central Asia, MPRA paper 11874. University Library of Munich, Germany. 2018. P. 7.
- Megoran N., Sharipova S.* Central Asia in international relations: the legacies of Halford Mackinder. Hurst and Co, London. 2013. P. 79.
- Zahidov R.A., Tadzhiev U.A., Kiseleva E.I.* Vozobnovlyaemye istochniki energii kak faktor obespecheniya energeticheskoy bezopasnosti Uzbekistana. *Ekologicheskaya, promyshlennaya i energeticheskaya bezopasnost'-2017. S. 503-507.*
- Zahidov, R.A., Tadzhiev, U.A., Kiseleva, E.I.* Tendencii razvitiya sektora elektroenergetiki Uzbekistana i problemy energeticheskoy, ekologicheskoy bezopasnosti. *Ekologicheskaya, promyshlennaya i energeticheskaya bezopasnost'-2019. S. 677-682).*
- Kodirov D.B.* Vodnaya, prodovol'stvennaya i energeticheskaya bezopasnost' v usloviyah Uzbekistana. International conferences on learning and teaching (Vol. 1, No. 2). 2022. S. 3.
- Mazur I.I.* Global'naya energeticheskaya bezopasnost'. *Vek globalizacii*, (1) 2018, 57-69.
- Telegina E.A., Halova G.O.* Energeticheskaya bezopasnost' i energeticheskaya integraciya v Central'noj Azii. *Energeticheskaya politika*, (1),2017. Рр. 38-46.
- Halmuminov Zh.T., Ayupova Z.K.* Pravovye voprosy energeticheskoy bezopasnosti Respubliki Uzbekistan. *HABARSHY VESTNIK*, 2014. S. 473.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Умаров Достон Гайратович, магистр в области «Международных отношений». Москва, Россия. E-mail: 1032185182@rudn.ru
Doston G. Umarov, Master of International Relations. Moscow, Russia. E-mail: 1032185182@rudn.ru

Таджикская диаспора в Москве

И. А. Танчук

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: tanchuk.irina.alexeevna@mail.ru*

Аннотация. В статье дан анализ факторов, развития таджикской диаспоры в Москве. Описаны основные направления работы общественной организации таджикской диаспоры, в 2022 г. В работе исследованы причины, приехавших/приезжающих в Москву в советское и постсоветское время, а также исторические события, которые повлекли рост численности таджикских мигрантов. В статье исследуются публикации, в которых дается определение понятия диаспора, рассматривается социокультурный анализ и адаптация таджикской диаспоры. Было проведено 21 интервью с мигрантами, живущими (постоянно или временно) в Москве, которое позволило выявить причины оседания мигрантов разных эпох. Автор приходит к заключению, что работа таджикской диаспоры Москвы, в области социальной адаптации может быть эффективной только в случае их тесного взаимодействия с местными органами власти и общественными структурами.

Ключевые слова: национальные интересы, регионы, интеграция, Москва, миграционные потоки, диаспора.

Для цитирования: Танчук И. А. Таджикская диаспора в Москве. Постсоветские исследования. 2022;5(5):494-501.

Tajik diaspora in Moscow

Irina A. Tanchuk

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
e-mail: tanchuk.irina.alexeevna@mail.ru*

Abstract. The article presents the analysis for settlement of Tajik diaspora in Moscow and gives an overview of major activities of diaspora for integration into local community in 2022. The author investigates the background why the migration to Moscow was taking place in soviet and post- soviet times, as well as historical events that led to an increase in the number of Tajik migrants. The article examines publications that define the concept of diaspora, examines the socio-cultural analysis and adaptation of the Tajik diaspora and contains 21 interviews held with migrants who's been currently settled in Moscow on temporary or permanent basis. The author comes to the conclusion that the work of the Tajik diaspora in Moscow in the field of social adaptation can only be effective if they work closely with local authorities and public structures.

Key words: national interests, regions, integration, Moscow, migration flows, diaspora.

For citation: Irina A. Tanchuk Tajik diaspora in Moscow. Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies. 2022;5(5):494-501. (In Russ.)

Миграции постсоветских лет заметно изменили этнический состав населения многих российских регионов. К причинам этих миграций относятся распад СССР, сложные социально-экономические условия в государствах Закавказья и Центральной Азии, военные и межэтнические конфликты. Под воздействием этих обстоятельств происходили масштабные миграции в Южно-Уральский регион. Так в регионе

появлялись «новые» диаспоры. Они сохраняют свои обычаи и культуру, часто предстают своего рода этническими анклавами. Одним из таких «новых» для края народов являются таджики.

Процессы становления и развития диаспор народов Центральной Азии привлекают все больше внимание ученых. Миграционные и этносоциальные тенденции в таджикской диаспоре Перми, Оренбурга и

Екатеринбурга изучены в публикациях А.В. Черных, В.В. Амелина, Т.М. Барогова и В.И. Мукомеля.

Итак, с момента распада СССР и до сегодняшнего дня в Российскую Федерацию, и, в частности, в Москву, идет непрерывный поток трудовых мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев из стран Центральной Азии - бывших советских республик, для которых Россия по-прежнему остается «общим домом». Масштабы, формы и направления миграционных потоков создают целый ряд сложных проблем, которые требуют новых решений у властей, общественных структур.

Притягательность Москвы для мигрантов из Центрально-Азиатского региона обусловлена рядом исторических, экономических, политических и социокультурных факторов.

Исторически сложившаяся на Евразийском пространстве миграционная система базируется на разнообразных тесных связях между странами бывшего Советского Союза, знании русского языка, понимании менталитета и культурных особенностей российского населения. Данное обстоятельство, безусловно, существенно снижает социокультурную дистанцию между мигрантами и принимающим населением (особенно представителями старшего поколения).

На сегодняшний день в России сложились «притягательные» экономические условия для трудовой миграции из стран Центральной Азии: масштабный и диверсифицированный рынок труда, растущая потребность в рабочей силе во многих отраслях экономики, более высокий уровень зарплат и качества жизни.

В реализации условий интеграции важнейшую роль играют национальные диаспоры — социальные образования, возникающие на основе национальных меньшинств, находящиеся за пределами своей исторической родины и обладающие рядом характерных признаков (поддержка этнокультурной идентичности, солидарность и взаимопонимание между членами группы, коллективная память об исторической родине и т.д.) [Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика 2014].

Наиболее актуальной и точной нам представляется определение З.И. Левина, который под диаспорой понимает «устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущих в этнокультурном окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа)».

Диаспоры могут действовать в двух организационных формах: как некоммерческие организации и как общественные объединения, которые, в свою очередь, делятся на национально-культурные автономии и общественные организации (фонды, ассоциации, культурные центры).

Таджикская диаспора «Нур» в Москве - многочисленность таджикской диаспоры (из всего населения, проживающего за пределами Таджикистана, 75% - проживают в России); меньшая способность диаспоры к адаптации, ориентация на временный заработок и возврат на родину; высокоразвитая миграционная инфраструктура в российских регионах; существенная роль диаспоры в решении проблем миграционной политики.

Новый этап в развитии таджикской диаспоры начался в 1990-е гг. Трансграничные миграции привели к значительному росту численности таджиков. Основными причинами, вызвавшими их перемещение, являются катастрофическая социально-экономическая ситуация в республиках бывшего СССР, гражданская война и политическая нестабильность в Таджикистане в начале 1990-х гг. Свою роль играла и трудовая миграция в 2000-е гг. [Политика интеграции мигрантов 2020].

Мигранты выработывали специфические индивидуальные и коллективные стратегии адаптации, «формировали сообщества с развитыми и эффективно действующими экономическими и социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации» [Левин 2019]. В 2002 г. учредительная конференция председателей таджикского населения создала культурный центр «Нур».

Общественная организация устанавливала контакты с таджикскими обществами в городах области. Филиал

таджикского культурного центра возник в Миассе. Возникшие общественные объединения и наиболее адаптированные представители диаспоры спланировали выходцев из Таджикистана [Медведев 2016], содействовали обустройству «новых» мигрантов. Так видный представитель таджикской диаспоры И.А. Раджабов оказывал помощь землякам в трудных жизненных ситуациях, давал им советы, рекомендовал «порядочных» и законопослушных работодателей, помогал в подготовке различных документов и т.д. [Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика 2014].

Налаживались культурные и деловые связи с Республикой Таджикистан, Москва с концертами посещала таджикский ансамбль «Ганжина». Центр «Нур» ежегодно участвовал в организации многих мероприятий: праздник красного тюльпана, новруз, дни дружбы народов, день защиты детей, день победы, общественно-политический вернисаж и др.¹

На один из праздников пригласили известного таджикского певца Ф. Малика. Активные представители «Нур» совместно с посольством Республики Таджикистан организовали в Москве 17 августа 2007 г. встречу с президентом Э. Рахмоном, приехавшим в регион на учения «Мирная миссия-2007». На встрече обсуждались вопросы миграционной политики и отношений России и Таджикистана [Мукомель 2014].

Создание таджикского общественного объединения в Москве стало важной стадией интеграции постсоветских мигрантов-таджиков в региональный социум. На начальном этапе деятельности центр «Нур» устанавливал контакты с другими диаспорами области, местными органами власти и учреждениями культуры. После укрепления общественной организации активизировались отношения с таджикскими организациями в различных российских регионах и с Республикой Таджикистан. Формирование и развитие общественного центра таджиков в Москве, было

обусловлено социальными проблемами, которые приходилось решать выходцам из Таджикистана и желанием страны исхода наладить взаимодействие с таджикскими сообществами в регионах России [Мурзагалеев, Сулейманов и др. 2016].

Таджикская диаспора «Нур» в Москве, в 2022 году, служит посредником и выступает средством коммуникации между органами власти, с одной стороны, и массой мигрантов - с другой. Она информирует органы власти о существующих в эмигрантской среде проблемах и оказывают реальную помощь своим соотечественникам в решении их повседневных проблем, принимая на себя часть функций по социальной адаптации принимающего государства.

На данный момент на территории Российской Федерации официально зарегистрированы и функционируют около 80 общественно-культурных объединений выходцев из Республики Таджикистан, за плечами некоторых из них 20 летний стаж общественной деятельности [Сулейманова 2015].

Многие из членов подобных организаций входят в состав общественных советов при администрациях и миграционных органов по межнациональным вопросам в регионах России.

Сотрудничество с национальными общественными организациями в сфере защиты прав и интересов трудовых мигрантов, законно находящихся на территории РФ и их эффективной социально-культурной адаптации в обществе принимающей страны, является одним из важных направлений деятельности Представительства Министерства труда, миграции и занятости населения РТ в РФ по миграции.

(Специальный государственный орган, деятельность, которого направлена на правовую поддержку трудовых мигрантов на территории РФ) Представительством во взаимодействии с общественными организациями регулярно проводятся встречи и разъяснительные работы среди трудовых мигрантов, где обсуждаются

¹ Исломудин Раджабов: «Нам нужна своя биржа труда» [Электронный ресурс]. URL:

<https://vecherka.su/articles/society/33705/> (дата обращения: 20.05.2022).

вопросы относительно нововведений в федеральном законодательстве в сфере миграции, нормы поведения в обществе, соблюдение требований законодательства принимающей страны и предотвращение случаев вовлечения молодых трудовых мигрантов к разного рода запрещенным радикальным и экстремистским группировкам.

В этом направлении Представительство в рамках плана мероприятий проводит встречи с таджикскими мигрантами совместно с представителями диаспоры из числа духовенства и религиозных деятелей. Особое внимание, также уделяется и изучению русского языка. В тесном взаимодействии с местными органами во многих регионах России, по инициативе активистов таджикских диаспор, такой как в Москве, созданы центры по социально-культурной адаптации детей трудовых мигрантов, где на бесплатной основе изучается русский язык и нормы поведения в общественно культурной среде принимающей стороны.

Активное сотрудничество ведется и по вопросам трудоустройства трудовых мигрантов в Москве. Некоторые члены таджикской диаспоры, имеют российское гражданство и на законных основаниях ведут предпринимательскую деятельность, в сфере торговли, производства сельхозпродукции, услуг и строительства. И соответственно, создают для других постоянные либо временные рабочие места, что в конечном итоге позитивно отражается в экономическом развитии Московского региона.

Например, членами таджикской диаспоры Москвы, созданы фермерские хозяйства, где производятся экологически чистые мясомолочные продукты, которые поставляются по доступным ценам российскому потребителю.

Представители национальной диаспоры вносят большой вклад в проведении международных, национальных и государственных праздников и знаменательных дат в стране пребывания. Соответственно, это способствует

укреплению дружеских отношений между народами, позволит узнать больше об истории, традициях и культуре друг друга.

Также потенциал национальной диаспоры, целесообразно использовать в предотвращении социально значимых болезней. В рамках принимаемых мер в этом направлении по инициативе Представительства Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан в Российской Федерации по миграции совместно с Посольством РТ в РФ и Международной организацией по миграции в Таджикистане, 29 сентября 2017 года в Посольстве Республики Таджикистан в Российской Федерации была проведена рабочая встреча на тему «Вовлечение таджикской диаспоры «Нур», в профилактику туберкулеза среди трудовых мигрантов и членов их семей».¹

Национальная диаспора «Нур», выступает институциональной структурой, в которой осуществляются процессы самоорганизации этнических групп мигрантов, прежде всего, сохранение и поддержание их базового параметра порядка — этнической идентичности как важнейшей составляющей процесса социокультурной адаптации.

Основные функции национальной, таджикской диаспоры в Москве, в обществе, представлены на Рисунке 1.

Несмотря на многообразие функций, основной целью таджикской диаспоры, безусловно, является удовлетворение спроса в этнической самоидентификации населения, проживающего на инокультурной территории [Политика интеграции мигрантов в России 2020].

Что касается непосредственной деятельности таджикской диаспоры в Москве, в области социальной адаптации мигрантов своей страны, то можно сформулировать следующие направления поддержки:

Материальная поддержка. Может включать решение проблем трудоустройства и обеспечения временного проживания (предоставление общежитий, гостиниц,

¹ Исломудин Раджабов: «Нам нужна своя биржа труда» [Электронный ресурс]. URL:

<https://vecherka.su/articles/society/33705/> (дата обращения: 20.05.2022).

других помещений) прибывающим в Москву мигрантам.

Социокультурная поддержка. Предполагает, во-первых, собственную образовательную деятельность диаспоры: программы по изучению языка страны пребывания (курсы русского языка в рамках таджикской диаспоры), а также обучение национальному языку, родной культуре и религии, выполняя, тем самым, функцию воспроизводства национальной

идентичности. Во-вторых, сохранение и развитие национальной культуры за счет совместного проведения национальных и религиозных праздников и дней культуры (например, День казахской культуры «Наурыз мейрамы» в Москве, фестиваль культур России и Таджикистана «Памир-Москва», Дни культуры Киргизии), создания и поддержки коллективов творческой самодеятельности (национального танца, песни, ремесел) и т.д.

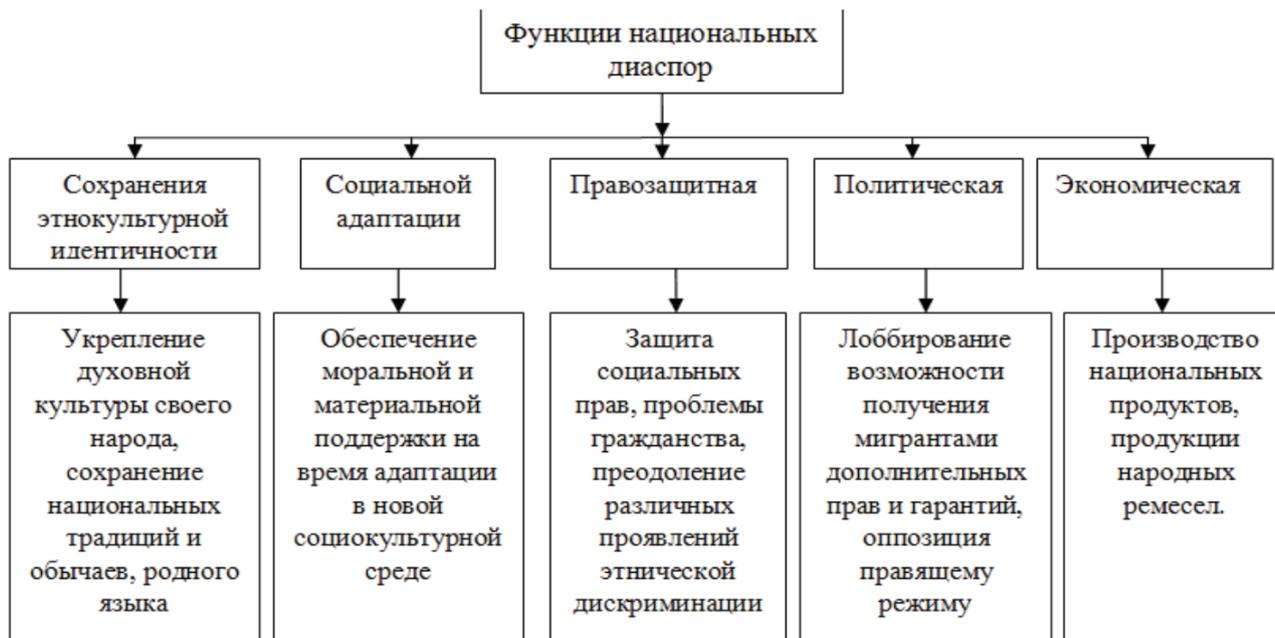

Рисунок 1-Основные функции таджикской диаспоры в Москве

Социально-психологическая поддержка. Психологическое давление («стресс аккультурации»), особенно сильное на начальном этапе адаптации мигранта к новым социальным, этническим, культурным, языковым, бытовым и другим условиям, может вызвать у него негативные психоэмоциональные проявления (агрессия, дезадаптация, депрессия). В этой связи особое место занимает психологическая помощь таджикской диаспоры своим соотечественникам, заключающаяся в первую очередь в преодолении психологической травмы в результате миграции.

Правовая поддержка. Это направление включает в первую очередь, защиту прав мигрантов в процессе регистрации мигрантов, получения ими работы и аренде жилья. Например, сейчас для мигрантов Центральной Азии актуальна проблема регистрации по прибытии, которую

осложняют незаконная сдача жилья и наличие нелегальных посредников, и наличие «теневого рынка» регистрации и трудоустройства мигрантов. Кроме того, данное направление деятельности таджикской диаспоры в Москве, включает пресечение противоправных действий и преступлений, как со стороны самих мигрантов с использованием неформального воздействия (от беседы авторитетных членов, таджикской диаспоры в Москве, с нарушителем, до применения принципов остракизма), так и по отношению к ним (информируя органы власти принимающей страны).

Информационная поддержка. Таджикская диаспора в Москве, выступает в роли площадки для общения и информирования участников группы о предстоящих событиях, мероприятиях и находит выражение в создании собственных регулярных печатных изданий и сайтов. В

настоящее в связи с развитием возможностей и популярностью общения мигрантов в социальных сетях некоторые авторы говорят о становлении феномена «цифровой таджикской диаспоры» - квазинститута на платформах российских социальных сетей [Рязанцев 2016].

Следует отметить, то по большому счету, таджикская диаспоральная структура не обязана заниматься вопросами социальной адаптации, — ни один устав этнических объединений не предусматривает такой работы. Кроме того, реализация многих программ по социальной адаптации (организация временного размещения, обучение русскому языку) требует определенных финансовых и организационных затрат (аренда помещений, оплата труда преподавателей), которые у диаспоры, как у некоммерческой организации, ограничены. Тем не менее, в связи с ростом трудового вектора миграцию, национальная диаспора по мере своих возможностей и на добровольных началах все больше втягивается в работу.

Авторы провели специальное исследование среди мигрантов-таджиков, приехавших/приезжающих в Москву в советское и постсоветское время. Это позволило выявить причины оседания мигрантов разных эпох. Было проведено 21 интервью с мигрантами, живущими (постоянно или временно) в г. Москве и в регионе.

Исследование позволило выявить три компонента, среди таджиков, находящихся в Москве, участвующих в формировании данных общин. Первый — это те, кто приехал в Москву в советское время. Такие представители таджикской общины были вовлечены в реализацию экономических проектов СССР, служили в армии на территории РФ, либо оказались в ней по распределению вузов.

Второй компонент — это мигранты 1990-х - начала 2000-х гг., бежавшие от гражданской войны в Таджикистане, а также те, кто спасался от тяжелой экономической ситуации и отсутствия работы в этом государстве. Наконец — это трудовые мигранты, приезжающие в Москву в течение

разного времени (в отдельных случаях стаж миграции может превышать 10 лет).

Несмотря на разные обстоятельства миграции в Москву, представители таджикской диаспоры демонстрируют схожие социальные характеристики, связанные с опытом проживания миграции и жизненными стратегиями в регионе приема. Единым оказалось то, что решение о выезде из Таджикистана всегда принимается при участии отцов информантов: с ними они советуются и получают одобрение. Родители могут повлиять и на принятие решения о выезде из Москвы среди молодых мигрантов. Все информанты родились в многодетных семьях и сейчас сами имеют большие семьи (количество детей может достигать десяти).

У некоторых участников исследования часть семьи (как правило, это супруга и дети) живет в регионе исхода. Это связано с тем, что женам респондентов необходимо присматривать за престарелыми родителями, помогать в воспитании внуков. Такие информанты, скорее всего, вернутся в регион исхода. Образовательный уровень у всех участников исследования оказался не высоким. Лишь у трех респондентов из 21 высшее образование. Большинство респондентов имеет лишь среднее общее или средне-специальное (плотник, водитель, швея, гидротехник и т.д.).

Идентификационная матрица у информантов разных миграционных волн из числа представителей таджикской диаспоры имеет как общие, так и специфические элементы. Те, кто мигрировал в 1980-е - начале 1990-х гг., во время беседы активно апеллировал к этому времени. Информанты вспоминали Советский Союз, говоря об экономике советских республик, взаимоотношениях между братскими народами, дружбе и взаимопомощи.

Один из информантов до сих пор считает себя советским человеком, а родиной - СССР. Мигранты рубежа 1990-2000-х годов, а также трудовые мигранты, хотя и многие из них были рождены СССР, а некоторые были ровесниками переселенцев советской эпохи, никак не обсуждали это время. Те из них, которые приобрели российское гражданство, с гордостью обозначали этот факт, а также

то, что они смогли пройти все формальные трудности, связанные с его получением.

«Новые граждане» России подчеркнули, что они готовы выполнять гражданские обязанности, стараются пользоваться предоставляемыми правами и по возможности принимают активное участие в жизни принявшего их общества.

Все без исключения информанты подчеркнули свою мусульманскую идентичность. Для части из них — это не приобретение постсоветского времени. Некоторые рассказывали о тайном соблюдении исламских предписаний в советский период, изучении основ ислама с помощью родителей, имеющих знания в данной области. 1990-е гг. предоставили возможность открытого изучения ислама и соблюдения его предписаний. Часть информантов воспользовалась этой ситуацией, они заканчивают исламские учебные заведения.

Основную роль в увеличении численности таджикской диаспоры, в будущем, будет играть ближайшее окружение тех, кто в разные годы приехал в регион и остался здесь жить. Именно они, судя по материалам интервью, активно поддерживают связь с регионом исхода - приезжают туда в гости, принимают у себя родственников, помогают тем из них, кто прибывает в Москву в поисках работы, стараются по возможности перевезти родственников и помочь им в оформлении документов.

Те, кто приезжает в Москву на временные заработки, окажет

незначительное влияние на численность таджикской диаспоры в Москве. Усложнение процедуры пребывания и сокращение рынка труда в РФ, улучшение экономической ситуации в Таджикистане — это два основных фактора, которые на современном этапе будут стимулировать возвращение трудовых мигрантов в регионы исхода.

Таджики, приехавшие в Москву в советское время и на рубеже 1990 - 2000-х гг., становятся посредниками между принимающим сообществом и вновь прибывающими соотечественниками, стремящимися к оседанию в РФ. Поскольку не все респонденты знают о существовании национально-культурных объединений, а многие из них никогда туда не обращались, родственные контакты становятся более эффективным ресурсом в реализации жизненных планов у потенциальных членов таджикской диаспоры Москвы - их миграции, адаптации и интеграции в российское общество.

Следует заключить что, в 2022 году, работа таджикской диаспоры Москвы, в области социальной адаптации может быть эффективной только в случае их тесного взаимодействия с местными органами власти и общественными структурами, что, в частности, предполагает оказание диаспоральной структуре различных форм помощи, организацию совместной консультативной деятельности, включение представителей этнических меньшинств в различные ведомственные экспертные советы и другие контрольные комиссии и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Калинина К.В.* Национальные меньшинства в постсоветских государствах как фактор национальной политики // Вопросы политологии. - 2018. - № 4.
- Кашиур В.В., Поправке И.Г.* Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (Томский кейс) // Вестник Томского университета. -2018. -№354.
- Левин З.И.* Менталитет диаспоры. Системный и социокультурный анализ. - М.: Институт востоковедения РАН. Издательство «Крафт+», 2019.
- Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель - М.: НИ «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека «Academia», 2014.
- Медведев Н.П.* Этнополитическая регионалистика СНГ // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. - 2016. - № 2.
- Мурзагалеев Р.И., Сулейманов А.Р., Чекрыжов А.В., Мурзагалеев Б.Р.* Диаспоры из Центральной Азии в региональном пространстве Российской Федерации: культурно-гуманитарные аспекты. - Уфа: ООО «Издательство «Диалог», 2016.

- Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / Российский совет по междунар. делам (РСМД). - М.: Спецкнига, 2020.
- Рязанцев С.* Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // «Национальный интерес». Специальный проект журнала «Россия в глобальной политике». Электронный ресурс. -URL: <http://globalaffairs.ru/valday/Trudovaya-migratsiya-iz-Tcentralnoi-Azii-v-Rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa-18333>.
- Сулейманова Ш.С.* Образ мусульман в федеральных СМИ: мифы о «чужаках» и «врагах России» как угроза единству нации // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. - 2015. - Т. 11. -№ 1.
- «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей / Науч. ред. И.И. Кужелева-Саган. - Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016.
- Мукомель В.И.* Диаспора - партнер по развитию Таджикистана. - Душанбе, 2014. - 147 с.

REFERENCES

- Kalinina K.V.* Nacional'nye men'shinstva v postsovetskih gosudarstvakh kak faktor nacional'noj politiki // Voprosy politologii. - 2018. - № 4.
- Kashpur V.V., Popravke I.G.* Sociokul'turnaya adaptatsiya migrantov: problemy i strategii (Tomskij kejs) // Vestnik Tomskogo universiteta. -2018. -№354.
- Levin Z.I.* Mentalitet diaspory. Sistemnyj i sociokul'turnyj analiz. - М.: Institut vostokovedeniya RAN. Izdatel'stvo «Kraft+», 2019.
- Migranty, migrantofobii i migracionnaya politika / Otv. red. V.I. Mukomel' - М.: NI «Central'nyj Dom advokata», Moskovskoe byuro po pravam cheloveka «Academia», 2014.
- Medvedev N.P.* Etnopoliticheskaya regionalistika SNG // Evrazijskij Soyuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij. - 2016. - № 2.
- Murzagaleev R.I., Sulejmanov A.R, CHekryzhov A.V., Murzagaleev B.R.* Diaspory iz Central'noj Azii v regional'nom prostranstve Rossijskoj Federacii: kul'turno-gumanitarnye aspekty. - Ufa: OOO «Izdatel'stvo «Dialog», 2016.
- Politika integracii migrantov v Rossii: vyzovy, potencial, riski: rabochaya tetr. / Rossijskij sovet po mezhdunar. delam (RSMD). - М.: Speckniga, 2020.
- Ryazancev S.* Trudovaya migratsiya iz Central'noj Azii v Rossiyu v kontekste ekonomicheskogo krizisa // «Nacional'nyj interes». Special'nyj proekt zhurnala «Rossiya v global'noj politike». Elektronnyj resurs. -URL: <http://globalaffairs.ru/valday/Trudovaya-migratsiya-iz-Tcentralnoi-Azii-v-Rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa-18333>.
- Sulejmanova SH.S.* Образ musul'man v federal'nyh SMI: mify o «chuzhakah» i «vragah Rossii» kak ugroza edinstvu nacii // Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty. - 2015. - Т. 11. -№ 1.
- «Cifrovye diaspory» migrantov iz Central'noj Azii: virtual'naya setevaya organizatsiya, diskurs «voobrazhaemogo soobshchestva» i konkurenciya identichnostej / Nauch. red. I.I. Kuzheleva-Sagan. - Томск: Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016.
- Mukomel' V.I.* Diaspora - partner po razvitiyu Tadjhikistana. - Dushanbe, 2014. - 147 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Танчук Ирина Алексеевна, магистр в области «Международных отношений». Москва, Россия, E-mail: 1032205910@rudn.ru
Irina A. Tanchuk, Master of International Relations. Moscow, Russia, e-mail: 1032205910@rudn.ru

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ / SOUTH CAUCASUS

Научная статья / Research article

Основные направления взаимодействия России и Грузии в гуманитарно-культурной сфере

С. В. Саани

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: 1032180098@rudn.ru*

Аннотация. В статье рассматривается религиозный, культурный, а также медийный факторы в отношениях России и Грузии. Геополитически секьюритизированный взгляд России на Грузию подкрепляется биополитическими дискурсами, которые, в свою очередь, обычно сопровождаются и поддерживаются нормативно нагруженными религиозными нарративами. Осознание необходимости диалога со стороны как Грузии, так и России, является весьма обнадеживающим фактором, и стороны должны сделать все возможное для сохранения данного формата и увеличения его эффективности. Вряд ли сегодня можно говорить о расширении тематики для двустороннего формата, однако существующую повестку можно наращивать и дополнять конкретными вопросами, которые будут способствовать росту взаимодоверия и двусторонней конструктивности. Таковыми могут стать конкретные предложения о развитии сотрудничества в сферах медицины, экологии, транспорта и т.д. При условии, что обстановка не будет усугубляться и обостряться в сферах, которые сторонами обозначены как «красные линии». Кроме того, существуют и другие направления для взаимодействия Москвы и Тбилиси. Например, культурные и научные контакты между двумя странами могут послужить хорошей платформой для обсуждения спорных исторических вопросов, в том числе и с участием представителей абхазского и осетинского общества. Ведь в российских и грузинских архивах хранится множество документов, которые имеют ключевое значение для изучения новейшей истории. Совместные исследования будут способствовать как установлению и оценке исторических процессов и отдельных фактов, так и деполитизации некоторых спорных вопросов. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим ключевые направления развития двусторонних отношений между Россией и Грузией в гуманитарно-культурной сфере, а при помощи историко-аналитического метода попытаемся выявить потенциал для восстановления и расширения отношений между двумя странами.

Ключевые слова: Россия, Грузия, культура, история, сотрудничество, политика, наука.

Для цитирования: Саани С. В. Основные направления взаимодействия России и Грузии в гуманитарно-культурной сфере. Постсоветские исследования. 2022;5(5):502-514.

The main directions of cooperation between Russia and Georgia in the humanitarian and cultural sphere

Stanislav V. Saani

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail: 1032180098@rudn.ru*

Abstract. The article examines the religious, cultural, and also the media factor in relations between Russia and Georgia. Russia's geopolitically securitized view of Georgia is reinforced by political discourses, which, in turn, are usually accompanied and supported by normatively loaded religious narratives. The awareness of the need for dialogue on the part of both Georgia and Russia is a very encouraging factor, and the parties should do everything possible to preserve this format and increase its effectiveness. It is hardly possible to talk about expanding the topics for the bilateral format today, but the existing agenda can be expanded and supplemented with specific

issues that will contribute to the growth of mutual trust and bilateral constructiveness. These may be specific proposals for the development of cooperation in the fields of medicine, ecology, transport, etc. Provided that the situation does not worsen and escalate in the areas that the parties have designated as "red lines". In addition, there are other areas for cooperation between Moscow and Tbilisi. For example, cultural and scientific contacts between the two countries can serve as a good platform for discussing controversial historical issues, including with the participation of representatives of Abkhazian and Ossetian society. After all, there are many documents stored in Russian and Georgian archives that are of key importance for the study of modern history. Joint research will contribute both to the establishment and assessment of historical processes and individual facts, and to the depoliticization of some controversial issues. Within the framework of this study, we will consider the key areas of development of bilateral relations between Russia and Georgia in the humanitarian and cultural sphere, and with the help of the historical and analytical method, we will try to identify the potential for the restoration and expansion of relations between the two countries.

Keywords. Russia, Georgia, culture, history, cooperation, politics, science.

For citation: Stanislav V. Saani The main directions of cooperation between Russia and Georgia in the humanitarian and cultural sphere. *Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies*. 2022;5(5):502-514. (In Russ.)

Религиозный фактор взаимодействия

В данном разделе рассматривается роль и влияние религиозного фактора в отношениях Грузии и России. Русская Православная Церковь стала важным союзником в поддержке государственной политики. Московский Патриархат наряду с усилиями Кремля в области мягкой силы также начал наращивать свои попытки объединить православных верующих в постсоветских странах в уникальную русскую цивилизацию, изображаемую как единственный истинный проповедник христианства. Многие грузинские священнослужители имеют тесные связи с Русской Православной Церковью. Большинство из них учились в религиозных учреждениях Москвы и других городов России.

Духовным центром грузинской диаспоры в России считается Храм Георгия Победоносца в Грузинах (Москва), однако эта церковь не единственная в стране - грузинские святые есть во многих российских городах: Храм Шестоковской иконы Божией Матери (Санкт-Петербург), Собор Грузинской иконы Божией Матери (Казань) – Монастырь, который входит в пятерку самых посещаемых святых России — по статистике, в среднем, за год, в день бывает до трех с половиной тысяч паломников, Храм Георгия Победоносца в

поселке Царицын, который в народе называют российско-грузинским – в церкви можно увидеть три грузинские иконы — св. Георгий, св. Нино и св. Давида, которые были написаны в Грузии и переданы храму [Чумакова, Моравчикова 2020].

Русская Православная Церковь стала важным союзником в поддержке государственной политики. Московский Патриархат наряду с усилиями Кремля в области мягкой силы также начал наращивать свои попытки объединить православных верующих в постсоветских странах в уникальную русскую цивилизацию, изображаемую как единственный истинный проповедник христианства. Многие грузинские священнослужители имеют тесные связи с Русской Православной Церковью. Большинство из них учились в религиозных учреждениях Москвы и других городов России.

Влияние Русской Церкви на грузинских епископов, если не на весь институт, также открыто заявил Алексей Дугин, евразийский русский философ: “Православные Церкви Грузии и России выразили свою солидарность друг с другом, не посетив Всемирную православную встречу на Крите. Собрание на Крите стало явным свидетельством соперничества между Константинопольским Патриархом и

Русской Православной Церковью. “Соперничество между могущественной Русской церковью, которая охватывает две трети православного населения мира, и вселенским патриархом Константинопольским, который насчитывает менее 3000 верующих в Стамбуле, но может похвастаться главенством чести над всем Православием, на самом деле в течение многих лет было одним из самых серьезных конфликтов внутри церкви. христианский Восток”¹. В этот критический момент Грузинская Церковь встала на сторону Русской Православной Церкви и не участвовала в собрании.

Кроме того, Грузинская Церковь имеет глубоко укоренившиеся убеждения и позиции, которые обычно и традиционно совпадают с Русской Православной Церковью. С одной стороны, Патриарх Православной Церкви Илия II публично поддерживает интеграцию Грузии в ЕС, но, с другой стороны, изоляционистская политика Грузинской Церкви по отношению к западным христианским организациям, а также антизападные заявления религиозных служителей иллюстрируют влияние мягкой силы России. Антидискриминационное законодательство стало интересным и весьма наглядным примером общего отношения священнослужителей к Европе и России. Закон был истолкован большинством священников и епископов как ущемляющий “традиционные” грузинские ценности. Например, после принятия закона грузинский православный священник Давид Ласурашвили заявил: “Чем ближе мы становимся к европейским и американским “ценностям”, тем больше мы отворачиваемся от Христа и Церкви”².

¹ Orthodox Christians' global gathering unravels as five churches pull out // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/14/orthodox-church-gathering-unravels-five-pull-out> (дата обращения: 14.05.2022).

² მღვდელი: რაც უფრო დავუახლოვდებით ევროპას, მით მეტად დავშორდებით ქრისტეს // ტაბულა URL: <http://www.tabula.ge/ge/verbatim/96850-mghvdeli-rac-ufro-davuaxlovdebit-evropas-mit-metad-davshordebit-qristes> (дата обращения: 14.05.2022).

Такое повествование не ограничивалось конкретными священнослужителями, но Грузинская Православная Церковь официально опубликовала заявление, в котором говорится, что верующие считают антидискриминационный законопроект “пропагандой и легализацией” “смертного греха”, поскольку он включает “сексуальную ориентацию” и “гендерную идентичность” в список запрещенных оснований дискриминации³. Доминирующее мнение многих священнослужителей состоит в том, что Запад пытается навязать гомосексуальность, инцест, педофилию, зоофилию, извращения и борется против национальной идентичности, традиций, православного христианства, семьи как социального института. Следуя такой логике, эти священники затем прямо или косвенно изображают православную Россию как противовес Западу.

Помимо заявлений об угрозе потери идентичности в случае интеграции с Западом, религиозные служители пропагандировали исключительную роль России как православной страны и обвиняли США в том, что они поощряли предыдущее правительство начать войну с Россией в 2008 г.⁴

Геополитический дискурс часто переплетается с нормативными нарративами. Многие российские комментаторы, приписывая США и ЕС чисто материальные интересы во вмешательстве в грузинские дела, точно так же отрицают какой-либо материальный расчет в российской политике. В этом изображении миссия России определяется поиском справедливости и защитой слабых сторон, то есть Абхазии и Южной Осетии. Тем не менее, существует конкурирующий нормативный нарратив, созданный Русской Православной Церковью (РПЦ). В

³ Georgia's Orthodox Church Opposes Antidiscrimination Bill // RFERL URL: <https://www.rferl.org/a/georgias-orthodox-church-opposes-antidiscrimination-bill/25366250.html> (дата обращения: 14.05.2022).

⁴ Anti-Western Propaganda: Media Monitoring Report. // Media Development Foundation. URL: <http://mdfgeorgia.ge/uploads/library/89/file/eng/AntiWes-t-2017-ENG.pdf> (дата обращения: 14.05.2022).

соответствии с мышлением Мишеля Фуко, к церквям и религиозной дипломатии можно подходить с точки зрения “пастырской власти”, концепции, разработанной французским политическим философом для характеристики техники власти, которая имеет религиозные корни и подразумевает индивидуальное и коллективное управление, духовное руководство и телесную дисциплину. Внутри страны РПЦ является ключевым компонентом консервативного поворота России.

С точки зрения внешней политики, подчеркивание РПЦ культурной и религиозной близости с Грузией является политическим инструментом, используемым для того, чтобы подчеркнуть несовместимость “традиционных” православных ценностей с либеральной освободительной повесткой дня ЕС. Это заставляет многих в Грузии думать, что Россия манипулирует широко распространенными религиозными чувствами, а также почитанием православия в попытке отделить Грузию от Запада. На этом фоне пастырскую власть РПЦ можно охарактеризовать через призму консервативной риторики, которая обвиняет Запад в навязывании грузинскому обществу либерального освободительного образа жизни. В этом ключе защита Россией православной идентичности преподносится как альтернатива Западу.

Систематическое распространение антизападных нарративов российскими СМИ вызвало некоторый резонанс у грузинских правых групп бдительности, которые склонны отрицать связи с Россией, но на самом деле разделяют большую часть ксенофобских и анти-ЛГБТ настроений, транслируемых Russia Today и им подобными¹.

Некоторые высокопоставленные священнослужители Грузинской Православной церкви (ГПЦ) также считают, что западные ценности подрывают патриархальные и консервативные традиции

Грузии. В этом отношении экспортируемый Москвой консерватизм пытается извлечь выгоду из существующих тенденций грузинского социального традиционализма, одновременно переводя общее социально-консервативное мышление в евроскептические и антизападные настроения. В рамках своей стратегии российский Патриарх Кирилл неоднократно подчеркивал, что и Абхазия, и Южная Осетия продолжают подпадать под юрисдикцию ГПЦ².

РПЦ не оспаривала исход августовского конфликта 2008 г., но следовала принципу уважения границ “канонических территорий”. В отличие от Кремля, РПЦ не заинтересована в пересмотре границ и больше заинтересована в поддержании отношений с Грузией, чем с Абхазией и Южной Осетией. Вероятно, есть несколько объяснений этой позиции, которые отличаются от политики РПЦ в отношении Украины. Прежде всего, РПЦ поддерживает целостность канонической территории ГПЦ из-за страха потерять влияние в Грузии и своей заинтересованности в том, чтобы ГПЦ была на ее стороне в вопросах, которые важны для РПЦ - прежде всего, когда речь идет о ее непростых отношениях с Украинской Православной Церковью. Фактически, эта логика выглядит симметричной более ранней политике российского правительства, которое до августовской войны стремилось ввести санкции против Абхазии и Южной Осетии как сепаратистских территорий. Однако, в отличие от российского государства, РПЦ отказалась рассматривать пятидневный конфликт как изменение правил игры, требующее политического разворота. Кроме того, еще одним объяснительным фактором, отличающим Грузию от Украины, является то, что возможность спроецировать этноцентрическую концепцию русского мира на Грузию мизерна, а РПЦ не имеет филиала на территории Грузии.

¹ Georgia’s growing cultural divide: a sign of far-right populism? // Open Democracy URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/georgia-growing-cultural-divide/> (дата обращения: 14.05.2022).

² Сухумо-Абхазская епархия заявила о своей независимости от Грузинской православной церкви // Газета.Ru URL: <https://www.gazeta.ru/social/2009/09/16/3261242.shtml> (дата обращения: 14.05.2022).

РПЦ, несомненно, оказывает существенное влияние на грузинскую православную культуру – в значительной степени через русскую богословскую литературу. Но это вряд ли приведет к практическим последствиям. Комментаторы утверждали, что визит грузинского патриарха Илии II в Москву в 2013 г. оставил нерешенными многие практические вопросы (например, перспективы перезахоронения грузинских царей из Астрахани на территорию Грузии)¹. Глава ГПЦ неоднократно выступал с прозападными заявлениями, а празднование 30-й годовщины его интронизации проходило без представителей РПЦ. Политически ГПЦ является противоречивым институтом: он одновременно поддерживает европейскую и трансатлантическую интеграцию Грузии² и поддерживает сталинистские симпатии; Илия II критически относится к политике России на оккупированных территориях, но встречался с “Ночными волками”, явно прокремлевской байкерской группой, известной своими националистическими идеологиями.

Однако, даже если принять повествования ГПЦ, которые излучают пророссийские симпатии, возникает вопрос: являются ли эти симпатии продуктом российской религиозной дипломатии или они проистекают из идеологического согласия двух родственных церквей. Правда, сам Патриарх Илия II назвал В. Путина “мудрым правителем, который обязательно поможет воссоединить Грузию”... Идея России заключается в защите духовности”. Верно и то, что грузинские священники могут ссылаться на своих российских духовных учителей в публичных заявлениях и копировать многие практики РПЦ, но все же последняя в

подавляющем большинстве воспринимается грузинской православной общиной как внешняя сила.

Есть признаки разногласий между двумя церквями по поводу Абхазии. ГПЦ неоднократно жаловалась на то, что РПЦ последовательно не придерживается политики признания отколовшихся территорий находящимися в религиозной юрисдикции ГПЦ. ГПЦ также протестовала против проведения религиозных служб в Цхинвали³, что создает некоторую двусмысленность относительно истинного отношения РПЦ к двум отколовшимся территориям. Провозглашение автономии Украинской Православной Церкви от Московского Патриархата (известного как томос) в 2019 г. создало новый контекст для отношений между двумя церквями. С российской стороны некоторые прокремлевские ораторы предположили, что ГПЦ неохотно признает независимость Украинской Церкви от Москвы⁴. Однако представители ГПЦ стараются сохранять критическую дистанцию от российской религиозной дипломатии в отношении Украины⁵, находя баланс между сохранением единства православия и отказом играть по правилам Москвы. Так, ГПЦ отказалась направить свою делегацию на Православный собор, состоявшийся в Аммане в феврале 2021 г. в качестве альтернативы константинопольскому видению глобального православия, и де-факто воздержалась от принятия чьей-либо стороны в конфликте между РПЦ и Константинополем⁶.

¹ Gruzino-rossiiskie otnoshenia i problema Abkhazii skvoz prizmu tserkvi // International Alert URL: <https://www.international-alert.org/fr/blog/role-church-georgian-russian-relations-russian> (дата обращения: 14.05.2022).

² Олег Панфилов: Грузинская православная церковь уходит на Запад // RFERL URL: <https://ru.krymr.com/a/28893482.html> (дата обращения: 14.05.2022).

³ In Quotes: Georgian Politicians on Russian Foreign Intelligence Statement // Civil.ge URL: <https://civil.ge/archives/404701> (дата обращения: 14.05.2022).

⁴ Видимость геополитики. Что означает для России и США новый кризис в Грузии // Фонд Карнеги за Международный Мир URL: <https://carnegie.ru/commentary/83951> (дата обращения: 14.05.2022).

⁵ Грузинская Церковь нашла свою мать в Стамбуле - Станислав Стремидловский // ИА REGNUM URL: <https://regnum.ru/news/polit/2871654.html> (дата обращения: 14.05.2022).

⁶ Грузинская церковь пока воздержится от выражения позиции по разрыву РПЦ с Константинополем - Общество // ТАСС URL:

Более того, учитывая тот факт, что Грузия является самой религиозной страной Европы, это превращает Патриархию в мощный инструмент потенциального влияния на политическое поведение верующих¹.

Традиционно считается, что Грузинская церковь как институт и множество грузинских священнослужителей играют роль мягкой силы России в Грузии. Патриархат был посредником между Грузией и Россией по некоторым вопросам. Симпатия к России как к стране с той же религией часто проповедуется во время богослужений. В то время как Церковь старается скрывать свои отношения с Россией, некоторые скандальные духовные лидеры не скрывают своих симпатий к Москве. Так, архиепископ Схалтинский, член Священного Синода Церкви Спиридон Абуладзе сказал: во время богослужения, что русские, украинцы и белорусы - один народ и что в Украине кровопролитие спровоцировано Западом. Он также упомянул, что католики обрадовались тому, что православные в Украине убивают друг друга, и предсказывает, что Россия объединит все славянские народы, создав такое сильное государство, что даже сатана будет бояться. Другой лидер, митрополит Кутаисский-Гаэнатский Иоан Гамрекели, утверждает, что возрождение началось в Грузии при царской России. Стоит также отметить, что Грузинская церковь в настоящее время не признает автокефалию Украинской церкви².

В последнее время выдержки из обнародованных секретных документов свидетельствуют о том, что грузинские спецслужбы собирали информацию о связях

грузинских религиозных деятелей с Россией, в том числе с российскими спецслужбами, а также с грузинским криминальным миром³. Судя по всему, некоторые религиозные деятели передавали в Россию информацию о политической ситуации в Грузии и о том, что происходит в Патриархии. В файлах содержится информация об имуществе, доходах и образе жизни высших грузинских иерархов. Они как бы подтверждают, что «Грузинская мечта» стремится ослабить влияние церкви, шантажирует ее представителей и использует ее для сохранения власти.

Политизация и радикализация Церкви, усиление ультраконсервативных и пророссийских групп внутри Патриархата, а также стремление высших иерархов Церкви к роскошной жизни вызвали негативную реакцию общества. Некоторые призывают к церковным реформам, но, учитывая все еще очень высокие рейтинги Патриархии и самой Церкви, вся политическая элита воздерживается от ее критики. Исключением могут быть либеральные НПО, узкий круг теологов и немногочисленные мелкие партии, которые в силу своих скромных политических амбиций и так не рассчитывают на поддержку верующих и просят отмены Конкордата. Тем не менее, согласно опросу IRI, проведенному в августе 2021 г., 80% населения положительно относятся к церкви, затмевая все другие цифры и учреждения. Но тенденция к снижению популярности очевидна: ее рейтинг был колоссальным и составлял 95% на начальном этапе правления «Грузинской мечты»⁴. Тем не менее, у политической элиты в таких условиях есть только два выхода: вступить в политическое сопротивление Церкви или способствовать

<https://tass.ru/obschestvo/5692017> (дата обращения: 14.05.2022).

¹ Belief in God more widespread in Central and Eastern Europe // Pew Research Center URL: https://www.pewresearch.org/religion/2018/10/29/easter-n-and-western-europeans-differ-on-importance-of-religion-views-of-minorities-and-key-social-issues/pf-10-29-18_east-west_-00-11/ (дата обращения: 16.05.2022).

² მეუფე იოანე რუსეთის „დამსახურებები“ // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oU2dkIxpHbE> (дата обращения: 16.05.2022).

³ Georgia Probes Alleged Illegal Secret Service Surveillance On Clergy // Barron's URL: <https://www.barrons.com/news/georgia-probes-alleged-illegal-secret-service-surveillance-on-clergy-01631635809> (дата обращения: 16.05.2022).

⁴ Public Opinion Survey Residents of Georgia June 2021 // IRI URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/legacy/iri.org/iri_poll_presentation_georgia_june_2021_public_release.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

трансформации политической системы Грузии в теократический режим.

Таким образом, все эти маневры иллюстрируют гибридность ГПЦ: продвигая антизападные и антилиберальные ценности и нарративы, она делает себя союзником официального российского дискурса, но при этом продолжает выступать за независимость Грузии от России, одновременно проецируя это отношение на Украину.

Культурная политика России в отношении Грузии как элемент гуманитарно-культурной стратегии страны.

Поскольку дипломатические инструменты России оказались неэффективными для достижения желаемых результатов в краткосрочной перспективе, Россия изменила свою политику на более мягкую. Сила идей была признана российскими экспертами и лицами, формирующими общественное мнение, задолго до того, как Россия официально включила ее в качестве инструмента внешней политики в свои стратегические документы.

А. Цыганков в своей статье, опубликованной в 2006 г., предполагает, что российские власти все чаще демонстрируют свою готовность использовать мягкую силу для достижения внешнеполитических целей. Он также утверждает, что в отсутствие пророссийских правительств в Грузии, Украине и других странах задача мобилизации связей между людьми, а не с правительствами, считалась особенно важной для сохранения влияния [Tsygankov 2016: 1079-1099]. Цыганков описал мягкую силу России как включающую “все аспекты привлекательности России для иностранцев: российские средства массовой информации, крупную и эффективную экономику, знакомый язык и религию, аспекты исторического наследия, семейные связи и электронные продукты” [Tsygankov 2016: 1089].

После цветных революций российские политики поняли, что относительное преимущество Запада перед Россией, особенно на постсоветском пространстве, объясняется его лучшим доступом к

общественному мнению через сложные НПО и средства массовой информации. Следовательно, Москва также пыталась использовать аналогичные инструменты. Например, в 2007 г. российские власти учредили "Русский мир". Фонд, который финансировался как правительством, так и частными компаниями. Основной целью фонда была поддержка и популяризация русского языка и в целом русской культуры за рубежом. В 2008 г. было создано “Россотрудничество”, которое было сосредоточено на сотрудничестве с диаспорой. Однако именно после возвращения В. Путина на пост президента в 2012 г. Кремль предпринял более серьезные шаги по развитию своих инструментов мягкой силы. В 2012 г. в своем президентском обращении к российским послам и постоянным представителям в международных организациях Путин подчеркнул необходимость более активной работы в этом направлении, поскольку ““мягкая сила” заключается в продвижении своих интересов и политики путем убеждения и создания позитивного восприятия своей страны, основанного не только на его материальные достижения, но также и его духовное и интеллектуальное наследие” [Путин 2012: 42]. Он также поговорил представителями дипломатического корпуса о том, что имидж России за рубежом не в полной мере отражает действительность и многое предстоит сделать для его улучшения. Русский язык и связанные с ним возможности, соотечественники, постоянно проживающие за рубежом, и защита прав российских граждан также были основными темами в контексте поручения российским дипломатам усилить свои усилия по мягкой силе [Путин 2012: 43].

В попытке улучшить имидж России, Москва действительно обладает определенными активами. Русская популярная культура, музыка, книги, фильмы и телепрограммы довольно популярны в постсоветских странах, в том числе в Грузии. Однако, как правильно утверждает Дж. Най, “мягкую силу” нельзя приравнивать только к популярной культуре [Nye 2014: 42].

Грузинские деятели киноискусства активно участвуют в кинофестивалях, проходящих на территории России, возобновились гастроли грузинских театральных и танцевальных коллективов. Только за период 2013–2014 гг. состоялось несколько десятков мероприятий культурно-просветительского характера. Выделим наиболее крупные и интересные из них: 4-й фестиваль российского кино, организованный при участии Министерства культуры России (его президентом стал кинорежиссер Э. Рязанов); Международный фестиваль искусств имени М. Туманишвили «Сачукари» («Подарок») (в совет фестиваля входят О. Табаков, А. Васильев, В. Редгрейв и другие выдающиеся театральные деятели; в рамках фестиваля были представлены и российские постановки (Театр «Школа драматического искусства», Центр Мейерхольда и Театр драмы и музыки Стаса Намина); литературные дни «Маяковский и Грузия», приуроченные к 120-летию со дня рождения поэта (инициатором проекта и его организатором выступил литературный журнал «Дружба народов», возглавляемый главным редактором А. Эбаноидзе; поддержан фондом «Русским мир»). Российская делегация в ходе этих дней побывала и в Тбилиси, в русском драматическом театре, и в Кутаиси (в здании гимназии №1, где учился В.В. Маяковский), в доме-музее поэта в селе Багдади, а также в Батуми. Специально была организована встреча с министром культуры и охраны памятников Грузии Г. Одишария. Кроме того, следует упомянуть о гастролях народного артиста России Сергея Безрукова в Тбилиси (представил в Большом концертном зале Тбилисской консерватории спектакль «Хулиган. Исповедь», посвященный жизни и творчеству Сергея Есенина); вечере памяти литератора Н. Табидзе, дочери выдающегося грузинского поэта Т. Табидзе (по инициативе российской пианистки И. Кандинской и известного переводчика Н. Соколовской).

Аналогичные мероприятия проходили в тот же период и в Москве. В декабре 2013 г. в Московском театре им. Вахтангова прошла 4-я церемония вручения премии

«Звезда Театрала». В номинации «Лучший русский театр за рубежом» победил Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова. В те же декабрьские дни в российской столице Тбилисский театр на сцене Московского губернского театра им. А.Н. Островского представил спектакль «Холстомер. История лошади» по мотивам повести Л.Н. Толстого. Кроме того, в течение всего декабря в Москве показывает свои спектакли и тбилисский театр марионеток Р. Габриадзе. Все декорации и куклы созданы самим основателем, зато озвучивали их известные российские актеры – С. Гармаш, Р. Карцев и др. В ходе Рождественского фестиваля духовной музыки в Московском международном Доме музыки в середине января 2014 г. состоялось выступление Патриаршего хора Грузии. В феврале 2014 г. прошел концерт Н. Брегвадзе. Он назывался «Три грации» (певица выступала вместе с дочерью Э. Мамаладзе и внучкой Н. Кутателадзе). В московской Театральной галерее на Малой Ордынке прошла выставка работ известной грузинской художницы и драматурга Л. Росеба «Не хочется терять ни дня...».

Госфильмофонд России в 2017 г. начал процесс передачи в Грузию оригиналов фильмов, снятых в советское время киностудией «Грузия-фильм»¹. Для углубления сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере необходимо оказывать регулярную поддержку издательским проектам в осуществлении переводов, которая могла бы ознакомить общества двух стран с современной российской и грузинской литературой – важное дополнение к существующему культурному обмену.

¹ О встрече статс-секретаря – заместителя Министра иностранных дел России Г.Б. Карасина со спецпредставителем Премьер-министра Грузии З. Абашидзе 19 октября 2016 г // Министерство иностранных дел Российской Федерации URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2502667 (дата обращения: 16.05.2022).

В отличие от культурных связей, научные контакты сохранились только на «личном» уровне, и их становится все меньше, так как целенаправленной поддержки системы научных связей не существует. По мнению Т. Пхаладзе, совместная научно-исследовательская работа будет способствовать налаживанию диалога и станет благоприятным фоном в процессе нормализации двусторонних отношений. По причине общности региона многие интересы стран совпадают и обе стороны заинтересованы в сотрудничестве.

Что касается российских правительственных неправительственных организаций, то они не имеют большого влияния в Грузии. Например, "Русский мир в Грузии" организовал курсы русского языка в Грузии, и в 2014 г. в них приняли участие 120 человек.

Аналогичным образом Россия попыталась открыть свои образовательные рынки для грузинских студентов. В 2013-2014 гг. Россия выделила 92 стипендии грузинским студентам, которые получили возможность учиться в 20 университетах по всей Грузии [Karapadze 2015: 7]. Эти цифры не конкурируют с предоставленными США и ЕС стипендиями грузинской молодежи, а общая осведомленность об откровенно пророссийских НПО в Грузии весьма минимальна, однако, даже такое количество грузинских студентов, обучающихся в России, является отличной основой.

После 2012 г. Россия открыла свой рынок труда, который традиционно был привлекательным для граждан Грузии. Открытие было особенно важно для этнических меньшинств, проживающих в Грузии, которые испытывают трудности со знанием грузинского языка и поэтому видят возможности трудоустройства либо в Армении, Азербайджане, либо в России. Отношение к России традиционно было более дружелюбным среди районов, населенных этническими меньшинствами в Грузии, чем у другой части населения. Президент России в одном из своих комментариев СМИ не исключил возможности введения полного безвизового режима для грузин. Позже он заявил, что безвизовый режим будет способствовать

“фундаментальной нормализации отношений”. Тем не менее, Москва лишь частично упростила визовый режим для граждан Грузии, но не отменила его полностью, что свидетельствует о некоторых ограничениях возможностей мягкой силы России.

В случае Грузии Православная Церковь и основные средства массовой информации являются сильнейшими инструментами российской мягкой силы, а основные принципы российских нарративов все чаще проявляются в выступлениях некоторых священнослужителей и определенных телеканалов. Грузинская Православная Церковь остаётся одним из самых доверчивых институтов среди грузинской общественности, а телевидение также остается основным источником информации для населения.

Таким образом, основные нарративы, которые поддерживают сторонники России как в СМИ, так и в Грузинской Церкви, направлены на две цели: а) подорвать народную поддержку Запада и б) усилить поддержку России. Сегодня контакты в образовательной сфере практически полностью заморожены. Не реализуются программы студенческих обменов, отсутствуют совместные программы для студентов и других учащихся. Восстановлению подобных контактов, бесспорно, препятствует отсутствие дипломатических отношений между странами. Достоинно развивается театральное и музыкальное искусство. Представители как российских, так и грузинских обществ искусств совершают профессиональные обмены, гастролируя по стране коллег.

Фактор СМИ в отношениях России и Грузии

Российская туристическая индустрия и отдельные пользователи социальных сетей создают свое собственное видение Грузии, продвигая Грузию как привлекательное место для отдыха, развлечений и отдыха. В этих персонализированных и широко разрекламированных сюжетных линиях Грузия изображается как близкая, но всегда удивительная и аутентичная страна с привлекательной кухней, вином и

культурой, а также огромными возможностями для сезонных экскурсий. Многочисленные видеоролики, снятые российскими путешественниками, блогерами и туристическими компаниями, изображают Грузию как мирную, дружелюбную и гостеприимную страну, что расходится с официальной позицией Москвы¹. В частности, возобновление сухопутных границ Грузии в июне 2021 г. после карантина, связанного с пандемией, было отмечено российскими тревел-блогерами, которые использовали свои каналы YouTube для распространения информации о ценах, маршрутах и правилах, связанных с Covid в Грузии.

В визуальных эффектах Грузия представлена как идеальное место для отдыха² с сильной культурной и религиозной спецификой, которая пропагандируется и продается (Грузинская Православная Церковь). Изображение “реальной Грузии”³, лишённое политически противоречивых коннотаций, служит альтернативой политизированным и секьюритизированным повествованиям, транслируемым через контролируемые Кремлем СМИ.

Наглядным примером дружественных Грузии народных повествований является экспериментальное видео двух русских девушек, живущих в Грузии, которые устроили публичное выступление с плакатом “Мы из России и любим Грузию”, предлагая обнять любого, кто разделит их послание дружбы и доверия⁴. Эти

видеоролики, созданные и размещенные россиянами, предназначены для широкого круга зрителей – женской аудитории, молодых пар из среднего класса, любителей природы и музыки, любителей грузинской кухни, семей с детьми, а также старшего поколения, помнящего Грузию с советских времен.

Некоторые российские СМИ – например, Sputnik Georgia – поддерживают этот ориентированный на туристов нарратив. Однако довольно часто российское правительство явно или неявно геополитизирует туризм⁵ и использует сезонный туризм в качестве инструмента внешней политики против стран, бюджеты которых сильно зависят от индустрии гостеприимства и отдыха. Поскольку количество российских туристов в основном зависит от наличия относительно дешевых чартерных рейсов, российское правительство имеет в своем распоряжении набор инструментов, в том числе отказ в российских недорогих рейсах на зарубежные курорты. Из-за этих ограничительных мер летом 2021 г. приток российских туристов в Грецию и Болгарию резко сократился, как это было в 2015 г. в Турции⁶.

Как упоминалось ранее, после инцидента с Гавриловым в 2019 г. Грузия также подверглась аналогичным мерам, которые ограничили российский туризм в стране. Хорошим примером является подписанный В. Путиным указ о запрете российским авиакомпаниям летать в Грузию с 8 июля 2019 г. “для обеспечения национальной безопасности России и [для] защиты российских граждан от преступной

¹ Грузия. Нетуристический сезон. Россия 24 // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TVRwEgDn1Qo> (дата обращения: 14.05.2022).

² Грузия. Мечта СБЫЛАСЬ я в Грузии. Блог тур в Грузию // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0aG2FrRsoGM> (дата обращения: 14.05.2022).

³ Гостеприимство Девушек в Грузии. Отдых и Путешествие по Грузии. Настоящая Грузия // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=27tL4yBrueU> (дата обращения: 14.05.2022).

⁴ Мои русские туристы из России, мой любимый Грузию. Социальный эксперимент. По Факту // YouTube URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=LnhYxtATUuQ> (дата обращения: 14.05.2022).

⁵ Грузия. Нетуристический сезон. Россия 24 // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TVRwEgDn1Qo> (дата обращения: 14.05.2022).

⁶ The Brief – Where have all the Russian tourists gone? // EURACTIV URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/opinion/the-brief-where-have-all-the-russian-tourists-gone/> (дата обращения: 14.05.2022).

деятельности”¹. Российским туроператорам было запрещено продавать туры в Грузию, а российское агентство по защите прав потребителей выпустило своевременное предупреждение о том, что оно наблюдает “снижение качества” алкогольной продукции, импортируемой из Грузии.

В апреле 2021 г. пресс-секретарь президента Дм. Песков отреагировал на другой инцидент – на этот раз связанный с российским тележурналистом Владимиром Познером 4 - предположением, что Грузия является опасной страной для россиян². Таким образом, можно увидеть параллель между официальным введением и обоснованием запретов на поездки в Грузию, с одной стороны, и рассказами тех россиян, которые - в основном с помощью социальных сетей – отказались подчиниться и выразили свое скрытое несогласие с политикой своего государства, запрещающей им путешествовать, когда они пожелают, с другой стороны.

В качестве реакции на временное прекращение регулярных рейсов в Грузию и из нее и попытки отговорить россиян посещать страну в разгар курортного сезона многие россияне публично заявили, что в Грузии нет русофобии, а страна безопасна и гостеприимна³. Эти голоса простых людей стали важными элементами новой кампании “Добро пожаловать в Грузию”, запущенной правительством Грузии⁴ и поддерживаемой

многими западными посольствами в Тбилиси, которые поощряли своих подписчиков в социальных сетях посещать Грузию.

Противоположная атмосфера царит в Грузии в области восприятия российского образования. Хорошо известно, что у Грузии и России нет дипломатических отношений, и именно поэтому мы должны обсудить этот случай отдельно. Коннотация и образ российского образования в основном негативны, потому что, как говорит президент страны С. Зурабишвили: “Еще не время дружить с Россией”. 40 публикаций, связанных с Россией, в главном информационном агентстве Грузии “News Georgia” содержат слово “оккупация”. В Национальном музее Грузии в Тбилиси есть даже специальный раздел, посвященный советской оккупации. Эта стратегия, несомненно, привела к тенденции сокращения русскоязычного населения в государстве⁵. Вот почему российское образование не очень популярно в Грузии, и ассоциации с российским образованием в основном следующие: - оккупация (40 публикаций из 50); - враг (10 публикаций из 50); - низкий уровень образования, особенно если сравнивать с европейскими университетами, по мнению грузинских журналистов без какой-либо статистики и реальные факты (5 публикаций из 50). Как видно, официальные СМИ, особенно телеканалы, которые все еще более популярны в Грузии, чем Интернет, такие как “Имеди” и “Рустави Ори”, обсуждают Россию только в негативном ключе. Есть только одно издание, распространяющее позитивную информацию о России и образовании в России, – информационное агентство Sputnik Грузия. В нем публикуются отдельные статьи с подробным объяснением того, как грузинская молодежь может стать студентами российских университетов, и реальными перспективами этого образования: “Российский диплом принимается в 80 государствах” или “Россия

¹ Подписан Указ об отдельных мерах по обеспечению нацбезопасности России и её граждан // Президент России URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60805> (дата обращения: 14.05.2022).

² Kremlin says travel to Georgia dangerous for Russians after protest against TV presenter // Reuters URL: <https://www.reuters.com/article/us-russia-georgia-pozner-kremlin-idUSKBN2BO4YN> (дата обращения: 14.05.2022).

³ Russia says Georgia isn't safe. Russians in Georgia say otherwise. // BBC URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-48760441?fbclid=IwAR2Ce6KU2Np5tVppCAx1yzxA041NNcj9M5bu6VwgUkzYXhWuOKqmFWxKy1Y> (дата обращения: 14.05.2022).

⁴ World welcome to Georgia – new campaign goes viral amid Putin's flight ban. 2019. // Agenda.ge URL: http://agenda.ge/en/news/2019/1672?fbclid=IwAR3ZxW6bnmHoFuPBhHONclUGVZd_4ofwetBioJi8EIoPB9QiL9mBxAN_m4g (дата обращения: 14.05.2022).

⁵ Буракова Л.А. Почему у Груза получилось? Изд. Юнайтед Пресс, 2011, 272 с.

предлагает грузинской молодежи 659 бесплатных программ»¹.

“Sputnik Грузия” пытается найти неординарные способы рассказать о российском образовании – видео, интервью и инфографика, однако эта практика не совсем успешна, потому что эти программы ориентированы на молодое поколение, и Sputnik не находит ни одного близкого им лидера общественного мнения. Послом российского образования в Грузии является Н. Свентицкий, руководитель Русского драматического театра имени Грибоедова в Тбилиси, которого молодая аудитория, особенно из категории грузиноязычной молодежи, плохо знает. Также не хватает историй успеха молодых грузин, окончивших российские вузы³. Также важно обсудить проблему социальных сетей, потому что российские образовательные программы не имеют специального аккаунта для грузин, российские группы, такие как “Русский мир в Тбилиси”, морально устарели, а антироссийский онлайн-журнал “Сова” только увеличивает свою популярность в Facebook и очень часто создает обманчиво негативный образ России, используя психологические манипуляции: “Россия - оккупант”, “Россия оккупировала Грузию”, “Свободная Европа”, “Демократический западный мир” и т.д.²

В этом анализе необходимо сделать вывод о двух основных моментах. Первый касается структуры российских дискурсов о Грузии, которые далеки от того, чтобы быть унитарными или единообразными. Как было показано, некоторые из них дополняют друг друга и тяготеют друг к другу – таким образом, геополитически секьюритизированный взгляд России на Грузию подкрепляется биополитическими

дискурсами, которые, в свою очередь, обычно сопровождаются и поддерживаются нормативно нагруженными религиозными нарративами.

¹ Parkhitko N. P., Kurmanova D. B. Russian educational programs for Armenia and Georgia. Promotion through Mass Media as an alternative factor of cooperation in the sphere of education // Постсоветские исследования. 2019. №7. P. 5.

² The Russian Approach to Public Diplomacy and Humanitarian Cooperation // Marmara University URL: <https://risingpowersproject.com/the-russian-approach-to-public-diplomacy-and-humanitarian-cooperation/> (дата обращения: 16.05.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Kapanadze S.* Russia's Soft Power in Georgia – A Carnivorous Plant in Action in Toms Rostoks and Andris Spruds. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2015. P. 7.
- Nye J.S.* The information revolution and soft power. *Current History*. 2014. P. 42.
- Parkhitko N.P., Kurmanova D.B.* Russian educational programs for Armenia and Georgia. Promotion through Mass Media as an alternative factor of cooperation in the sphere of education // *Постсоветские исследования*. 2019. №7. P. 5.
- Tsygankov A.* If not by tanks, then by banks? The role of soft power in Putin's foreign policy, *Europe-Asia Studies*, 58:7, 2016, 1079-1099.
- Буракова Л.А.* Почему у Груза получилось? Изд. Юнайтед Пресс, 2011, 272 с.
- Путин В.В.* Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности // *Вестник МГИМО*. 2012. №4. С. 42.
- Чумакова Т.В., Моравчикова М.* Изучение в России проблемы церковной автокефалии в социально-политическом контексте XIX — начала XX в // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. – 2020. – Т. 36. – №. 3.

REFERENCES

- Kapanadze S.* Russia's Soft Power in Georgia – A Carnivorous Plant in Action in Toms Rostoks and Andris Spruds. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2015. P. 7.
- Nye J.S.* The information revolution and soft power. *Current History*. 2014. P. 42.
- Parkhitko N.P., Kurmanova D.B.* Russian educational programs for Armenia and Georgia. Promotion through Mass Media as an alternative factor of cooperation in the sphere of education // *Postsovetskie issledovaniya*. 2019. №7. P. 5.
- Tsygankov A.* If not by tanks, then by banks? The role of soft power in Putin's foreign policy, *Europe-Asia Studies*, 58:7, 2016, 1079-1099.
- Burakova L.A.* Pochemu u Gruza poluchilos'? Izd. YUnajted Press, 2011, 272 s.
- Putin V.V.* Rossiya v menyayushchemsya mire: preemstvennost' prioritetov i novye vozmozhnosti // *Vestnik MGIMO*. 2012. №4. S. 42.
- Chumakova T.V., Moravchikova M.* Izuchenie v Rossii problemy cerkovnoj avtokefalii v social'no-politicheskom kontekste XIX — nachala XX v // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. – 2020. – Т. 36. – №. 3..

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Саани Станислав Ваникович, магистр в области «Международных отношений». Москва, Россия. E-mail: 1032180098@rudn.ru

Stanislav V. Saani, Master of International Relations. Moscow, Russia. E-mail: 1032180098@rudn.ru

Инструменты влияния армянских диаспор США и Франции на развитие отношений с Арменией

Э. А. Гукасян

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

e-mail: 1032183475@rudn.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена двумя факторами: перманентно происходящими процессами эволюции армянской диаспоры и динамично¹ трансформацией текущей мировой внешнеполитической повестки. После развала СССР власти Армении стремились использовать опыт Израиля, Китая и Ирландии, которые наладили эффективное взаимодействие со своими диаспорами и получают от них значительную политическую и экономическую поддержку. В первые годы независимого развития республики была предпринята попытка привлечь к управлению государством специалистов из «далекой Диаспоры» (прежде всего из США и Франции) в надежде, что они помогут в кратчайшие сроки наладить жизнь страны в соответствии с западными стандартами. Однако большинство таких зарубежных назначенцев (например, первый глава МИД РА Р. Ованнисян и др.) этих надежд не оправдали. Уникальность армянских диаспор во Франции и США заключается не только в их колоссальной численности, но и в том, что армянский бизнес в этих странах финансирует церкви, школы, культурные центры, и даже выделяет деньги на представительскую деятельность армянских посольств. На данный момент в США проживает около полутора миллиона армян, и, по мнению ведущих американских политических экспертов, по своему финансовому могуществу армянское лобби – одно из наиболее эффективных в Америке. Большую активность в деле политической поддержки Армении и официального признания армянского геноцида проявляет Армянский национальный комитет Америки (АНКА) – сильная, хорошо организованная и разветвленная организация армянской диаспоры со штаб-квартирой в Вашингтоне. В годы его президентства Дональда Трампа контролируемая демократами палата представителей приняла законопроект о признании массового убийства армян геноцидом. Потом этот документ утвердили и в сенате. Сенат и Национальная ассамблея Франции официально признали геноцид армян еще в 2000 г., а в начале 2012 г. Сенат Франции одобрил законопроект об уголовной ответственности за отрицание геноцида армян, которое будет наказываться тюремным заключением на срок до одного года или штрафом в размере 45 тыс. евро. Используя в материале метод исторического и политического анализа, рассмотрим влияние национальных диаспор Армении на территории США и Франции на развитие их отношений с Республикой Армения.

Ключевые слова: Армения, США, Франция, диаспора, этнос, культура, история, политика, геноцид.

Для цитирования: Гукасян Э.А. Инструменты влияния армянских диаспор США и Франции на развитие отношений с Арменией. Постсоветские исследования. 2022;5(5):515-530.

Instruments of influence of the Armenian Diasporas of the USA and France on the development of relations with Armenia

Eleonora A. Ghukasyan

*RUDN University, Moscow, Russia
1032183475@rudn.ru*

Annotation. The relevance of the study is based on two factors: the ongoing processes of the evolution of the Armenian Diaspora and the dynamic transformation of the current world foreign policy agenda. After the collapse of the USSR, the Armenian authorities sought to use the experience of Israel, China and Ireland, which have established effective cooperation with their diasporas and do receive significant political and economic support from them. In the first years of the independent development of the republic, an attempt was made to attract specialists from the "distant Diaspora" (primarily from the USA and France) to the management of the state in the hope that they would help to establish the country's life in accordance with Western standards as soon as possible. However, most of these foreign appointees (for example, the first Foreign Minister of the Republic of Armenia R.Hovhannisyan et al.) did not justify these hopes. The uniqueness of the Armenian diasporas in France and the United States lies not only in their colossal numbers, but also in the fact that Armenian business in these countries finances churches, schools, cultural centers, and even allocates money for the representative activities of Armenian embassies. At the moment, about one and a half million Armenians live in the United States, and, according to leading American political experts, the Armenian lobby is one of the most effective in America in terms of its financial power. The Armenian National Committee of America (ANCA), a strong, well-organized and extensive organization of the Armenian Diaspora with headquarters in Washington, is very active in the political support of Armenia and the official recognition of the Armenian Genocide. During his presidency of Donald Trump, the Democrat-controlled House of Representatives passed a bill recognizing the mass murder of Armenians as genocide. Then this document was approved in the Senate. The Senate and the National Assembly of France officially recognized the Armenian Genocide back in 2000, and in early 2012 the French Senate approved a bill on criminal liability for denial of the Armenian Genocide, which will be punishable by imprisonment for up to one year or a fine of 45 thousand Euros. Using the method of historical and political analysis in the material, we will research the influence of the Armenian national diasporas in the United States and France on the development of their relations with the Republic of Armenia.

Keywords: Armenia, USA, France, diaspora, ethnicity, culture, history, politics, genocide.

For citation: Eleonora A. Ghukasyan. Instruments of influence of the Armenian Diasporas of the USA and France on the development of relations with Armenia. *Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies*. 2022;5(5):515-530. (In Russ.)

Историческое развитие армянской диаспоры привело к тому, что сегодня она полностью институционализована и работает как политический аппарат, способный оказывать общественное давление в странах, где поселяются её представители, например США, Франция и многие другие страны. Набор различных механизмов, которые используют представители армянской диаспоры в США и Франции представляют особый интерес,

поскольку армянское этническое лобби считается одним из самых эффективных в мире, а в США как раз главным инструментом влияния диаспоры является лоббизм, поэтому изучение данного феномена является целью изучения в данной главе. Также интерес представляет кейс деятельности диаспоры во Франции, потому совокупность принятых законодательных актов, продвигаемых представителями диаспоры, является одним из самых

обширных в мире и, таким образом, представляет особый интерес для изучения.

Армянский национальный комитет Америки и его место в отношениях Армении и США

Вторая по размеру армянская диаспора в мире находится в США. Идентичность 1,5 миллионов представителей армянского сообщества неотделима от политических интересов и сложной истории армянского народа и влияет на то, как они формируют не только для себя, но и для Армении социально-политическое пространство в США. Важнейшим инструментом влияния армянских диаспор является лоббистская деятельность, в чем наиболее преуспела организация – Армянский национальный комитет Америки (АНКА), поэтому в данном параграфе будут рассмотрены особенности создания АНКА, его цели и механизмы их достижения для оценки влияния на двусторонние отношения между странами.

Армянская миграция в Соединенные Штаты началась много веков назад, вскоре после того, как первые британские колонисты прибыли в Северную Америку. В начале XVII века армянских мигрантов прибыло небольшое количество, которое не сильно увеличивалось на протяжении большей части XVIII-XIX веков. Большая часть армянской иммиграции началась в конце XIX века, продолжалась в XX веке и происходила тремя волнами. Первая волна была вызвана преследованиями армян со стороны турок-османов с 1915 по 1922 год в результате чего около 100 000 армян бежали в Соединенные Штаты, пока в 1920-х годах не были введены иммиграционные ограничения. Вторая волна армянской миграции в Соединенные Штаты имела место в контексте действий Советской Армении после Второй мировой войны. К тому же после принятия Закона США об иммиграции 1965 года иммигрировать в США стало легче вследствие отмены системы квот. Последняя волна миграции в Соединенные Штаты началась в 1980-х годах, отчасти из-за Нагорно-Карабахского конфликта с Азербайджаном [(Миграция и новая армянская диаспора 2013: 87)]. В это же время в Советской Армении произошло

спитакское землетрясение, в результате чего эмигрировало еще больше армян. Также можно дополнительно выделить в виде четвертой волны или продолжением третьей стала иммиграция, возникшая в результате ближневосточных конфликтов в XXI в. [Сучков 2014: 18]. Хотя эти процессы нельзя назвать масштабными, однако они свидетельствуют о постоянной движении и трансформации армянской диаспоры в США.

Прежде чем перейти к анализу особенностей АНКА, стоит рассмотреть современные социально-экономические характеристики армянской диаспоры в стране, поскольку эти факторы прямо влияют на эффективность деятельности организации. Армянская диаспора в США хорошо ассимилирована к жизни в стране. Представители диаспоры часто хорошо образованы, «имеют диплом, а часто и являются закончившими аспирантуру, к тому же многие из них имеют специальные навыки или опыт» [Armenian Diaspora 2020]. Армянская диаспора также часто возвращается на родину, учитывая, что большая её часть в США относится к среднему классу, «легкость путешествий, добровольная работа за границей, перерыв в работе, отдых и стажировки за границей» в Армении «являются нормой»¹; они делают это, чтобы «сохранить армянство» [Risse 2002: 255]. Это поддерживает связи диаспоры с Арменией, что влияет на интенсивность лоббирования её интересов в США.

Если рассматривать проблему влияния армянской диаспоры на политику США, то, прежде всего отметим, что в данном случае на её интенсивность влияет не столько количество представителей диаспоры, а комплекс многих аспектов. В любом случае, процентное соотношение армян в США составляет 0,14% населения по данным Бюро переписи населения, и около 0,65% по более высоким неофициальным оценкам. Поэтому может показаться, что

¹ The Armenian genocide resolution is a farce all around // The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/03/02/AR2010030202375.html> (дата обращения: 20.05.2022)

существенных успехов в проекции своего влияния армяне не могут добиться, однако быть «маленьким» сообществом не так уж плохо, как может показаться на первый взгляд [Smith 2005: 87].

Напротив, это может быть преимуществом, когда требуется быстрый сбор ресурсов или мобилизация и организация группы. Кроме того, небольшие группы, как правило, сосредоточены на более ограниченном круге вопросов, что позволяет избежать распыления энергии и ресурсов. В то же время особая схема расселения делает армянскую общину потенциально влиятельной, когда дело доходит до лоббирования.

Так, армяне сконцентрированы в нескольких районах, таких как Калифорния (особенно в Лос-Анджелесе и его окрестностях и во Фресно), Нью-Йорк и район Бостона. Есть также значительные поселения в Мичигане, Иллинойсе и Флориде. Зачастую они живут на этих территориях десятилетиями и хорошо интегрированы в местные экономические, социальные, политические и культурные сети. Поэтому политические представители нуждаются в их избрании. В некоторых избирательных округах, особенно вокруг Глендейла/Бербанка в Калифорнии, Фресно, и Уотертауна в Массачусетсе армяне составляют около 10% потенциальных избирателей, а может и больше¹. У них также есть местные телеканалы, радио и газеты, которые могут быть использованы для влияния на избирателей. Этот электоральный потенциал имеет большое значение для конгрессменов, а иногда и на президентских выборах. Потому как оказывается, что штаты, где проживает больше всего армян, - Калифорния, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Массачусетс, Иллинойс и Мичиган - также представляют более половины голосов выборщиков, необходимых для выборов президента. В

случае, когда президентская особа гонка напряженная, каждая группа избирателей имеет значение.²

Что касается проблемы идентичности армянской диаспоры, которая является определяющей, когда дело касается влияния на двусторонние отношения США и Армении, то армяне в Америке сосредоточены на том, чтобы помочь не только американцам-армянам, но и самой Республике Армения. Таким образом, вызовы армянской идентичности в США имеют во многом политический характер, переплетаясь с историей диаспоры, полной конфликтов и вынужденной миграции, когда трудно отделить личное от политического. Армяне вырастают, слушая истории о своих бабушках и дедушках или прадедушках, избежавших геноцида, о тех, кто был убит во время Сумгаитского погрома или пережил его, и об армянских солдатах, сражавшихся за свободу Нагорного Карабаха (Арцаха) [Мкртчян 2014: 192].

Таким образом, будучи взрослыми, они стремятся объединиться с другими диаспорами для проведения кампании за признание геноцида и борьбы за свободу Нагорного Карабаха. Через политическую борьбу и борьбу за идентичность они объединяются и создают идентичность, основанную на политической активности и защите родины. Поэтому политический характер проблем армянской культуры и идентичности в США влияет на то, что основным способом решения всех вопросов являются усилия армянского лобби³.

Двумя наиболее влиятельными армянскими лоббистскими группами в США являются Армянский национальный комитет Америки и Армянская ассамблея Америки (ААА), другие группы не столь значительны. Сосредоточимся на анализе деятельности АНКА, которая изначально была политической партией, находившейся у власти в Армении в 1918 году. Эта партия

¹ Nichol J. Armenia, Azerbaijan, and Georgia: Political Developments and Implications for U.S. Interests. Congressional Research Service Report for Congress. 02.04.2014. P.42. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33453.pdf> (дата обращения: 20.05.2022)

² Ibid.

³ Mearsheimer J. J., Walt S. M. The Israel lobby and US foreign policy. 2006. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=891198 (assessed: 21.05.2022)

была антисоветской, что помогло ей во время «холодной войны» установить более тесные отношения с США. Однако цели АНКА сосредоточены на поддержке армян и армян-американцев, а не Соединенных Штатов. АНКА также поддерживает объединение исторических армянских земель, часть из которых находится сейчас на территориях стран-союзников США, что не может приветствоваться США и затрудняет достижение всех целей АНКА, в то время как цели ААА кажутся менее агрессивными, поскольку они отдают приоритет интересам США. В контексте нашего исследования важно отметить усилия этих двух организаций в получении доступа к различным ветвям правительства США, потому что в целом они стремятся достичь универсальных общих целей (признание геноцида армян, свобода Арцаха и обеспечение помощи Армении), но разными путями. Так, АНКА более успешен в плане лоббирования Конгресса, но у них «проблемы доступа к исполнительной власти»¹, где может помочь ААА, усилия которой воспринимаются, например, Президентом США более лояльно.

АНКА действует в соответствии со статусом 501(c)(4)². Это означает, что это некоммерческая организация, чья лоббистская деятельность может быть обширной. Статус АНКА также позволяет ему лоббировать конгрессменов. К тому же каждые 2 года организация выставляет всем конгрессменам оценки от F до A+, в зависимости от их позиции по вопросам, важным для американцев армянского происхождения³.

Данная организация является относительно небольшой по количеству

официальных сотрудников, но она имеет обширную сеть сторонников и потенциальных добровольцев к тому же на официальном сайте указано, что она позиционирует себя как «крупнейшая и наиболее влиятельная армяно-американская политическая организация»⁴. У организации есть 45 офисов в 25 штатах и большое отделение на Западном побережье. Главный офис организации был открыт только в 1983 году в Вашингтоне, округ Колумбия. АНКА также активно использует интернет-сайты, каналы на YouTube, публикует статьи, интервью, организует встречи и круглые столы.

Одним из вопросов, на котором члены АНКА сосредоточили свои усилия, является создание закрытого двухпартийного собрания Конгресса - кокуса. Это группа конгрессменов, которые встречаются для достижения общих целей в законодательной сфере. АНКА дает следующее определение армянского кокуса: «Кокус Конгресса по армянским вопросам - это двухпартийный форум для обсуждения политики, направленной на расширение сотрудничества между правительствами США и Армении и укрепление прочных связей между американским и армянским народами»⁵. Можно отметить, что кроме заявленной цели, кокус также активно используется для продвижения и защиты позиций армянской диаспоры в американском законодательном органе, а также для информирования и влияния на других конгрессменов. Кокусы обычно формируются в Палате представителей, хотя сенаторы также могут там принимать участие. Кокус Конгресса по армянским вопросам был создан в 1995 году и в настоящее время является одним из крупнейших кокусов Палаты представителей [Koohkan, Nakhaee 2015: 92].

Армянская диаспора во многом полагалась на это собрание в Конгрессе, которое было особенно активным в последние два десятилетия. Главными

¹ About ANCA. The Armenian National Committee of America URL: <https://anca.org/about-anca/profile/> (assessed: 21.05.2022)

² Types of Organizations Exempt under Section 501(c)(4). The Internal Revenue Service URL: <https://www.irs.gov/charities-non-profits/other-non-profits/types-of-organizations-exempt-under-section-501c4> (assessed: 21.05.2022)

³ ANCA urges Biden administration to nominate new U.S. ambassador to Armenia May 19, 2022 URL: <https://horizonweekly.ca/en/anca-urges-biden-administration-to-nominate-new-u-s-ambassador-to-armenia/> (assessed: 21.05.2022)

⁴ About ANCA. The Armenian National Committee ...

⁵ 117th Congress Membership List URL: <https://anca.org/armenian-caucus/> (assessed: 21.05.2022)

направлениями в деятельности армянского кокуса были вопросы, связанные с усилиями по получению признания геноцида армян Турцией со стороны США и подталкивание США к финансовой поддержке Армении и Нагорного Карабаха на международной арене.

По мнению армянских лоббистов, эти две основные цели взаимосвязаны. Они проводят прямую связь между признанием геноцида армян Турцией и безопасностью, и процветанием Армении [Baser, Swain 2008: 7]. Более того, эти два вопроса связаны с мобилизацией армянской диаспоры и, в некоторой степени, конгрессменов. Действительно, геноцид армян, как проблема идентичности и политический «цемент» общества, используется в качестве катализатора для мобилизации по всем вопросам, связанным с армянами. Поэтому армянские лоббисты из АНКА решают обе задачи как вместе, так и одновременно. Поэтому, если конгрессмены отказываются удовлетворить запрос Армении по одному конкретному вопросу, связанному, например с геноцидом, они могут быть более благосклонны ко второму вопросу, связанному с помощью Армении, включенному в повестку дня [Grjebine 2008: 39].

Таким образом, можно предположить, что одной из основных задач армянских лоббистов является «жонглирование» разными вопросами для достижения результата. Если посмотреть на соответствующую повестку дня АНКА, то в её основных целях официально не указывается приоритет какой-либо цели. Поэтому рассмотрим более подробно каждую из целей АНКА, чтобы доказать результативность или наоборот, продемонстрировать неэффективность данной организации.

Исторически члены АНКА потратили много сил и времени на признание геноцида армян со стороны США¹. До того, как

президент США Дж. Байден официально признал геноцид, по данным Армянского национального института в Вашингтоне, с 1915 г. по 2021 г. геноцид был признан 49 штатами США. В своей предвыборной кампании Дж. Байден инициировал многие инициативы, связанные с политической приверженностью армянской диаспоре. Дж. Байден, как кандидат в президенты, в своем твите в 2020 году пообещал поддержать Резолюцию о признании геноцида в рамках придания приоритета всеобщим правам человека во внешней политике². Стоит отметить, что ни один президент США до него не заходил так далеко в своих заявлениях, прежде всего из уважения к партнеру по НАТО Турции, расположение которой на Ближнем Востоке имеет большое стратегическое значение для США.

Лоббистская деятельность армян по признанию геноцида в США в основном заключалась в прямом давлении на конгрессменов США как в Сенате, так и в Палате представителей в рамках Американского национального комитета Америки. Более 100 членов Палаты представителей во главе с руководителями АНКА направили президенту Дж. Байдену совместное письмо с призывом официально признать геноцид армян в своем заявлении в День памяти 24 апреля.

Ранее аналогичное письмо направили в Белый дом 38 членов Сената США под председательством председателя сенатского комитета по международным отношениям Б. Менендеса, который более десяти лет со дня выборов ведет кампанию за признание геноцида армян³. Кроме того, с отдельным открытым письмом к президенту США обратился проармянски настроенный конгрессмен А. Шифф, который зачитал свое открытое письмо на заседании Палаты представителей. В своем письме

¹ H.Res.220 - Expressing the sense of the House of Representatives regarding past genocides, and for other purposes. 115th Congress (2017-2018). 03/22/2017 URL: [https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-resolution/220\(assessed: 21.05.2022\)](https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-resolution/220(assessed: 21.05.2022))

² Joe Biden's tweet about Armenian "genocide" before his presidency period URL: shorturl.at/gjvLM (дата обращения: 20.05.2022)

³ Rep. Schiff Delivers Open Letter to President Biden: Recognize the Armenian Genocide, 04.20.21 URL: https://schiff.house.gov/news/press-releases/rep-schiff-delivers-open-letter-to-president-biden_recognize-the-armenian-genocide (дата обращения: 20.05.2022)

конгрессмен призвал президента признать геноцид армян¹.

Стоит отметить, что армянская диаспора в исследуемом вопросе оказывает влияние не только на политический сектор страны, но и на медиа-сектор. Вопрос о признании геноцида администрацией также активно обсуждался в американской и мировой прессе. «The New York Times», «The Wall Street Journal», «The Guardian», «CNN», «The Boston Globe» и многие другие крупные СМИ со ссылкой на свои источники писали, что президент Дж. Байден собирается признать геноцид армян².

Таким образом, благодаря кокусу Конгресса по армянским вопросам, армянам Соединенных Штатов, их организациям и их сторонникам во главе с АНКА удалось достичь своих целей после того, как они десятилетиями прилагали значительные усилия для достижения признания геноцида, полного и окончательного.

По словам директора АНКА в Западном регионе А. Саакяна, активисты организации вызывали членов Конгресса от своего избирательного округа, призывая их проголосовать за резолюцию, а лоббисты в Вашингтоне обошли «буквально все офисы на Капитолийском холме»³. Таким образом, можно отметить, что армянские лобби не только заставляли правительство США признать геноцид, но и непосредственно участвовали в процессе разработки резолюции и лоббировали ее принятие. Мобилизация активистов по всей стране до президентских выборов 2020 года никогда не была столь активной, что привело к признанию геноцида на государственном

уровне. От Конгресса до СМИ, транснациональных общественных сил, лоббистская деятельность американских армян вышла на новый, но, очевидно, позитивный уровень для представления Армении за ее пределами. Признание Америкой геноцида имеет для Армении большое символическое значение [Zarifian 2014: 503]. С другой стороны, признание США этого геноцида вопреки опасениям испортить отношения с Турцией стало самым большим успехом деятельности современного армянского лобби в мире.

Что касается такого приоритета деятельности АНКА как поддержка Армении и Нагорного Карабаха, то в этом направлении можно выделить такие знаковые вопросы, как статья 907 Закона о поддержке свободы 1992 г., которая не позволяла Азербайджану получать иностранную помощь США (за исключением гуманитарной помощи) в течение примерно десяти лет, и ежегодная финансовая помощь, предоставляемая США Республике Армения⁴. Важно отметить, что поддержка армянского лобби и их друзей в Конгрессе сделала Армению одной из важнейших стран-получателей прямой иностранной финансовой помощи США на душу населения и помешала Азербайджану получить финансовую помощь. В 1990-е годы, когда США сосредоточили свои усилия для проникновения на постсоветское пространство, статья 907 считалась одним из самых больших достижений армянского лобби, несмотря на частые протесты богатого нефтью Азербайджана.

Между тем, следует также отметить, что армянскому лобби удалось добиться ежегодной помощи Нагорному Карабаху от Конгресса. Самопровозглашенная Нагорно-Карабахская Республика, не признанная на международном уровне, ежегодно с 1990-х годов получает значительную финансовую помощь (обычно от 5 до 10 млн долларов в год), хотя непризнанная страна не должна получать такую помощь [Троицкий 2017:

¹ United States Senate Foreign Committee, Statement From Chairman Menendez On Reports That President Biden Will Officially Recognize The Armenian Genocide, April 22, 2021 URL: <https://www.foreign.senate.gov/press/chair/release/statement-from-chairman-menendez-on-reports-that-biden-will-officially-recognize-the-armenian-genocide> (дата обращения: 20.05.2022)

² International Affirmation of the Armenian Genocide / Armenian National Institute URL: http://www.armenian-genocide.org/current_category.11/affirmation_list.html (дата обращения: 20.05.2022)

³ ANCA Policy, Priorities & Results The Armenian National Committee of America URL: [https://anca.org/issue/\(assessed: 21.05.2022\)](https://anca.org/issue/(assessed: 21.05.2022))

⁴ S.Res.136 - A resolution expressing the sense of the Senate regarding the 102nd anniversary of the Armenian Genocide. 115th Congress (2017-2018) URL: [https://www.congress.gov/bills/115th-congress/senate-resolution/136\(assessed: 21.05.2022\)](https://www.congress.gov/bills/115th-congress/senate-resolution/136(assessed: 21.05.2022))

90]. Можно также отметить усилия членов АНКА в содействии поддержки США для полного возвращения Нагорного Карабаха ко всем переговорам в рамках ОБСЕ, усилия в деле оказания давления США на Азербайджан, чтобы он прекратил препятствовать реализации поддержанных ОБСЕ предложений Ройса-Энгеля. Стоит отметить, что этот запрет на отведение снайперов из линии соприкосновения был введен в 2019 у.

Кроме того армянскому лобби удалось добиться важных результатов по другим, менее известным широкой общественности, но весьма значимым вопросам. В частности, с 2006 по 2008 год АНКА блокировал назначение американского посла в Армении Р. Хогланда¹.

Армянский национальный комитет Америки также поддержал создание американо-армянской экономической целевой группы в 1999 г., членство в ВТО (2003 г.), постоянный статус нормальных торговых отношений (2005 г.) и Соглашение о вызовах тысячелетия для сельских дорог и ирригации (2006 г.). Члены АНКА противодействовали усилиям зарубежных стран, добивающимся ненадлежащего применения региональных санкций (связанных с Россией, Ираном и Сирией) против Армении; информировал лиц, принимающих решения, об участии Армении в миротворческих операциях под руководством США/НАТО в Ираке, Афганистане, Ливане, Косово и Мали.

Таким образом, усилия АНКА в расширении двустороннего сотрудничества можно также назвать успешными.

Наконец рассмотрим такое важное направление деятельности АНКА, как расширение числа своих сторонников со стороны молодежи. Усилия организации направлены на расширение возможностей нового поколения американцев армянского происхождения, обучение студентов университетов эффективным лоббистским приемам и помощь выпускникам в построении карьеры в политике, правительстве и СМИ в Вашингтоне, округ

Колумбия. Таким образом, организация стремится воспитать следующее поколение американцев армянского происхождения, которые будут работать в Конгрессе и занимать ключевые должности в правительстве США.

Среди результатов деятельности в этом направлении можно назвать две молодежные программы АНКА: Программу летней стажировки Л. Саркисяна и программу «Ворота столицы» О. Сагдеджяна, которые расширили возможности сотен молодых американцев армянского происхождения. Например, в ходе летней стажировки по Программе Л. Саркисяна были обучены сотни общественных лидеров в рамках ежегодных восьминедельных программ². Её бывшие стажеры занимают руководящие должности в АНКА. Что касается программы «Ворота столицы», то она помогла сотням выпускников колледжей занять государственные должности в Белом доме, Конгрессе, федеральных агентствах, Всемирном банке, аналитических центрах, СМИ и других влиятельных организациях. Для этой членов программы АНКА купила «The Aramian House», знаменитый дом с восемью спальнями в центре Вашингтона, который предоставляет бесплатное летнее жилье для стажеров и круглогодичное бесплатное жилье для стипендиатов³.

Таким образом, можно подытожить, что политика, приоритеты и результаты деятельности АНКА дает армянской диаспоре в США возможность продвигать ключевые стратегические цели - защиту Республики Армения и Нагорного Карабаха, расширение партнерства США-Армения/США-Арцах, обеспечение признания геноцида армян, продвижение конструктивной политики внешней помощи и противодействие угрозам безопасности. Основным механизмом деятельности АНКА является лоббизм, и его силу нельзя недооценивать силу. Для этнического лобби, которое полагается исключительно на

¹ ANCA Policy, Priorities & Results ...

² ANCA Leo Sarkisian Internship URL: [https://anca.org/leo-sarkisian-internship/\(assessed: 21.05.2022\)](https://anca.org/leo-sarkisian-internship/(assessed: 21.05.2022))

³ ANCA Rising Leaders 2022 URL: [https://anca.org/risingleaders/\(assessed: 21.05.2022\)](https://anca.org/risingleaders/(assessed: 21.05.2022))

навыки и мотивацию своих лидеров, на энергию своих добровольцев и на пожертвования своих сторонников, и которому решительно противостоят несколько крупных политических и геополитических игроков, таких как Турция, Азербайджан и их поддержка в Вашингтоне, способность считаться влиятельным является уже успехом. Армянское лобби сделало Армению и армянские вопросы знакомыми для американских политических лидеров и сделало Армению и армянские вопросы «особыми» в Вашингтоне. Благодаря усилиям АНКА армянские вопросы всегда внимательно рассматриваются, в этом смысле само присутствие лобби в Вашингтоне особенно ценно не только для американских армян, но и для армян всего мира. Ведь оно представляет собой стабилизирующий фактор, а его роль может оказаться решающей в случае будущих угроз Армении или армянской диаспоре.

Координационный совет армянских организаций Франции и его роль в отношениях Армении и Франции

Если в США армянская диаспора активно использует инструменты лоббизма в достижении своих целей, то во Франции она является особо активной в политической плоскости с помощью деятельности сети организаций под руководством Координационного совета армянских организаций Франции, который является основой единства армян Франции. Поэтому в данном параграфе рассмотрим особенности формирования и результаты деятельности данной структуры.

Армянское присутствие во Франции имеет глубокие корни, восходящие к средневековью, но до 1915 г. оно было малочисленным. Помимо исторических связей, сформированных миссионерами, торговцами и интеллектуалами, основная часть современной диаспоры попала во Францию в статусе беженцев из Османской империи, нигде их количество не было столь многочисленным, как во Франции.

Большинство армян первоначально прибыло во Францию через Марсель и оттуда распространилось по Франции. Они поселились в крупных городах, таких как

Париж и Лион. В настоящее время армянская община Франции насчитывает более 350 000 человек [Yergemyan, Tavitian 2017: 31]. Французские армяне довольно успешно интегрировались во французское общество, а также относительно известны в культурной и политической сфере среди остального населения страны. Они внесли заметный вклад в области искусства и гуманитарных наук, где многие писатели, артисты, певцы, художники и политики были армянами по происхождению. Армянская диаспора в последние два десятилетия известна высокой степенью своей политической мобилизации. Координационный совет армянских организаций Франции (КСАОФ) координирует работу по защите интересов диаспор, и они могут эффективно действовать как в борьбе с отрицанием геноцида во Франции, так и в развитии отношений с Республикой Армения.

Стоит отметить, что Координационный совет армянских организаций Франции является ассоциацией, деятельность которой регулируется законом от 1 июля 2001 года, и которая объединяет крупнейшие армянские ассоциации во Франции¹. КСАОФ объединяет отделения на организации Севере, Юге и в Центре, каждая из которых состоит из нескольких десятков ассоциаций. На муниципальном уровне почти десять крупных ассоциаций имеют свои собственные штаб-квартиры, расположенные в районах Парижа, Лиона и Марселя, а большинство членов этих ассоциаций являются основателями диаспоры и особенно активны во французской местной и региональной политике. Целесообразным является сделать краткий экскурс в историю КСАОФ, что поможет нам проследить возникновение ключевых целей и эволюцию деятельности организации. В октябре 1994 г. в целях

¹ Հմտությունների քարտեզագրում մեծ սվախների օգնությամբ (Картирование навыков с помощью больших данных: пример армянской диаспоры в Соединенных Штатах Америки и Франции) / 19 մարտի 2021. 159 p. URL: <https://armenia.un.org/hy/134048-hmtowtyownneri-kartezagrowm-mec-tvyalneri-ognowtyamb> (дата обращения: 20.05.2022)

подготовки памятных мероприятий по поводу 80-летия геноцида архиепископ К. Накачян пригласил на встречу армянские организации и предложил создать рабочую группу. Тогда был создан комитет вокруг ядра из шести добровольцев (А. Багдикян, М. Дейрменджян, Дж. Гурегян, Дж. Хачикян, Г. Сарьян, Д. Ширванян), различных организаций и традиционных политических партий [Çevik-Ersaydi 2011: 93]. Созданная структура получила название «Комитет 24 апреля». Постепенно он объединил все основные армянские организации Франции (политические партии, церкви, ассоциации и т.д.). С того времени впервые НКО (согласно своему уставу) стала представительным органом всего сообщества.

Празднование 24 апреля 1995 г. на следующую годовщину геноцида стало беспрецедентным событием. На площади Прав Человека (Трокадеро) был установлен гигантский экран. По этому случаю городские власти Парижа «Комитету 24 апреля» сделали исключительное пожертвование в размере 150 000 франков [Saideman 2002: 93, 105]. Кроме того, благодаря этому празднованию, которое стало настоящим трамплином для узнаваемости армянской диаспоры, «Комитет 24 апреля» быстро приобрел авторитет. Одной из задач «Комитета 24 апреля» было объявлено признание Францией геноцида 1915 г. [Novanessian 2000: 83].

Коллективная работа привела к единогласному признанию геноцида армян Национальным собранием 29 мая 1998 года (закон вступил в силу 29 января 2001 года)¹. Другим важным действием Комитета стала установка в центре Парижа памятника, посвященного жертвам геноцида и армянским бойцам, погибшим за Францию. Этот проект, замороженный на девятнадцать лет, был разблокирован благодаря настойчивости членов Комитета и мэра Парижа Ж. Тибери, который в феврале 1997

года положительно ответил на письма-требования. Выбор статуи был сделан в пользу Комитаса, который символизировал мученичество армянского народа. Статуя работы Д. Ереванци была установлена на площади Канады напротив Большого дворца.

В июле 2001 года «Комитет 24 апреля» был реорганизован в Координационный совет армянских организаций Франции, представляющий армянскую диаспору Франции перед властями. Рассмотрим основные задачи КСАОФ, которые опубликованы в его уставе²:

- согласовывать ежегодные поминки «24 апреля 1915 года», символической даты, когда начался геноцид армян, совершенный турецким правительством;
- поддерживать борьбу с отрицанием Холокоста и ревизионизмом, предотвращая все преступления против человечности;
- поддерживать действия, предпринятые для признания Турцией геноцида армян и вытекающих из этого последствий;
- координировать действия армянских организаций во Франции, когда затрагиваются интересы армянской общины Франции или армянского народа, и в частности: способствовать возвращению в Армению и Арцах рассеянных по миру армян, способствовать развитию отношений между Францией и Арменией, способствовать укреплению армянской культурной идентичности во Франции³;
- содействовать принятию закона в отношении оправдания военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида;
- бороться с расизмом или оказывать помощь жертвам дискриминации по

² Histoire – CCAF URL: <http://ccaf.info/histoire/#:~:text=Cr%C3%A9ation%20du%20Comit%C3%A9%20du%2024,France%2C%20du%20g%C3%A9nocide%20des%20Arm%C3%A9niens> (assessed: 21.05.2022)

³ Հայկական սփյուռքի հնարավորությունները և ազդեցությունը Հայաստանի Հանրապետության սոցիալ-քաղաքական գործընթացների վրա (Возможности и влияние армянской диаспоры по процессам) / С. Թորոսյան, Մ. Սարադյան. -Եր.: Հեռանկարային ուսումնասիրությունների և նախաձեռնությունների կենտրոն, 2017թ., 183 էջ.

¹ Loi n° 2001-70 du 29 janvier 2001 relative à la reconnaissance du génocide arménien de 1915 URL: [https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000403928/2021-01-22/\(assessed: 21.05.2022\)](https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000403928/2021-01-22/(assessed: 21.05.2022))

признаку их национального, этнического, расового или религиозного происхождения и в качестве таковых осуществлять все права, предоставленные гражданским сторонам в отношении судебного преследования за правонарушения, состоящие из [Cheterian 2010: 25]:

- провокации дискриминации, ненависти или насилия в отношении лица или группы людей на основании их происхождения или принадлежности к этнической группе, нации, расе или религии, а также посредством речей, криков или угроз, произносимых в общественных местах или собраниях, либо путем создания печатных материалов, рисунков, гравюр, картин, эмблем, изображений или любых других средств письма, речи или изображения, проданных или распространенных, предложенных для продажи или выставленных в общественных местах или на собраниях, либо с помощью, выставленных на всеобщее обозрение, или любыми средствами сообщения для всеобщего сведения с помощью электронных средств, порочащих теми же средствами, любое лицо или группу людей из-за их происхождения или их принадлежности или непринадлежности к определенной этнической группе, нации, расе или религии, оскорбляющие теми же средствами любое лицо или группу людей из-за их происхождения или их принадлежности или непринадлежности к определенной этнической группе, нации, расе или религии¹.

Таким образом, исходя из уставных целей КСАОФ, видно, что его усилия направлены, как и в случае с США на признание геноцида армян, однако здесь данный вопрос является основополагающим, в отличие от американских армян, которые также стремятся действовать в направлении получения помощи от США.

Рассмотрим результаты деятельности КСАОФ на практике в их деятельности по

развитию двусторонних армяно-французских отношений.

12 октября 2006 года Национальное Собрание приняло в первом чтении законопроект, направленный на подавление оспаривания существования геноцида армян². Текст был принят 106 голосами за из 129 голосовавших. Это было первой попыткой КСАОФ ввести наказание за отрицательный дискурс о геноциде во Франции. В конечном итоге он был заблокирован правительством в Национальной ассамблее перед принятием в Сенате в 2008 году.

В 2015 году КСАОФ организовала Национальную акцию по случаю столетия Геноцида армян - «Миссия 2015 года», в рамках которой были скоординированы почти 300 мероприятий, организованных по всей Франции. Программа началась с международного коллоквиума под названием «100 лет исследований Геноцида армян», первое заседание которого прошло под председательством министра национального образования Н. Валло Белкасем [Геворган 2018: 567].

За этот год были проведены многочисленные выставки, концерты, конференции, открытия памятников, посадки деревьев, а также выпуск брошюры тиражом 27000 экземпляров, распространенной среди старшеклассников в Иль-де-Франс. В тот период демонстрировались документальные фильмы и репортажи касательно геноцида во всех средствах массовой информации, на телевидении, радио и в печатных изданиях. Также было издано более 200 книг, рассказывающих об армянах или геноциде.

В 2011 г. Национальное собрание приняло закон Бойера, предусматривающее наказание за отрицание геноцидов, признанных французским государством, в том числе геноцида армян 1915 г. (признанного с 2001 г.)³. Эта была вторая

¹ Histoire – CCAF URL: <http://ccaf.info/histoire/#:~:text=Cr%C3%A9ation%20du%20Comit%C3%A9%20du%2024,France%2C%20du%20g%C3%A9nocide%20des%20Arm%C3%A9niens> (assessed: 21.05.2022)

² Proposition de loi tendant à réprimer la contestation de l'existence du génocide arménien: Texte n° 20 (2006-2007) transmis au Sénat le 12 octobre 2006 URL: <http://www.senat.fr/dossier-legislatif/pp106-020.html> (assessed: 21.05.2022)

³ Proposition de loi de Mme Valérie Boyer visant à réprimer la négation des crimes de genocide et des

КСАОФ попытка ввести наказание за негативный и антиармянский дискурс во Франции.

1 июля 2016 г. Национальное собрание приняло в первом чтении поправку к законопроекту о равенстве и гражданстве, предусматривающую наказание в виде лишения свободы сроком на один год и штрафа в размере 45 000 евро за отрицание или упрощение преступления против человечности (санкционирующей также отрицание геноцида армян). Эти положения были включены в Закон о свободе печати 1881 г. Тем не менее, Конституционный Совет частично осудил эту поправку, таким образом, оставив последнее положение применимым только к преступлениям, по которым был вынесен обвинительный приговор французским или международным судом.

Деятельность организации по продвижению проблемы геноцида армян также оказалась успешной после проведения ежегодного ужина КСАОФ 5 февраля 2019 г., когда президент Республики Э. Макрон объявил, что 24 апреля стало национальным днем памяти жертв геноцида армян¹. Таким образом, эта дата была вписана в республиканский календарь, и ознаменовав собой успех усилий армянской диаспоры.

Что касается проблемы Нагорного Карабаха, признание которого также является приоритетом деятельности КСАОФ, то в данном направлении можно отметить голосование в Сенате 25 ноября 2020 г. с призывом к правительству Франции признать Республику Арцах. Тогда Сенат призывал правительство Франции признать Республику Арцах путем голосования по тексту Закона № 145 (2020-2021), принятому 305 голосами из 306

поданных². Такое почти единогласное голосование впервые усилиями КСАОФ вывело борьбу за признание молодой республики на национальный уровень после принятия многих пожеланий в региональных, ведомственных и муниципальных советах.

В следующем месяце 3 декабря 2020 г. было проведено голосование в Национальном Собрании с предложением правительству Франции признать Республику Арцах. Резолюция № 3538 «Защита армянского народа и христианских общин Европы и Востока» была принята 188 голосами «за» и 3 голосами «против», из общего количества 191 голос³.

Принятие данного постановления стало результатом многолетней просветительской работы, в частности посредством организации парламентской поездки, демонстраций перед Национальным Собранием информационно-мобилизационных кампаний, направленных на депутатов.

Кроме успешной деятельности в принятии законов, влияющих на развитие армяно-французских отношений, КСАОФ также активно внедряет различные инициативы для достижения своих целей. Так, инициатива «Друзья КСАОФ» направлена на объединение женщин и мужчин, которые осознают цели армянской общины и «полны решимости не дать силе турецко-азербайджанского тандема восторжествовать над справедливостью»⁴. В

crimes contre l'humanité. N° 3411. Enregistré à la Présidence de l'Assemblée nationale le 19 janvier 2016. URL: [https://www.assemblee-nationale.fr/14/propositions/pion3411.asp\(assessed: 21.05.2022\)](https://www.assemblee-nationale.fr/14/propositions/pion3411.asp(assessed: 21.05.2022))

¹ Décret n° 2019-291 du 10 avril 2019 relatif à la commémoration annuelle du génocide arménien de 1915 URL: [https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038358629\(assessed: 21.05.2022\)](https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038358629(assessed: 21.05.2022))

² Proposition De Résolution sur la protection du peuple arménien et des communautés chrétiennes d'Europe et d'Orient N° 3538. Assemblée Nationale Enregistré à la Présidence de l'Assemblée nationale le 10 novembre 2020. URL: [https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/textes/115b3538_proposition-resolution\(assessed: 21.05.2022\)](https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/textes/115b3538_proposition-resolution(assessed: 21.05.2022))

³ Nécessité de reconnaître la République du Haut-Karabagh. Proposition de résolution en application de l'article 34-1 de la Constitution, portant sur la nécessité de reconnaître la République du Haut-Karabagh. URL: [http://www.senat.fr/dossier-legislatif/ppr20-145.html\(assessed: 21.05.2022\)](http://www.senat.fr/dossier-legislatif/ppr20-145.html(assessed: 21.05.2022))

⁴ Conseil Français-Arméniens: un renouveau dans la vie de la diaspora arménienne de France. 29.12.2021 URL: [https://www.courrier.am/fr/diasporas/conseil-francais-armeniens-un-renouveau-dans-la-vie-de-la-diaspora-armenienne-de-france\(assessed: 21.05.2022\)](https://www.courrier.am/fr/diasporas/conseil-francais-armeniens-un-renouveau-dans-la-vie-de-la-diaspora-armenienne-de-france(assessed: 21.05.2022))

рамках данной инициативы содержится призыв к группе лидеров общественного мнения содействовать их участию в защите прав армянского народа во имя гражданских ценностей, которые сообще защищаются в рамках Республики: свободы, демократии, мира и безопасности.

Также можно отметить усилия в рамках дела фирмы «АХА», которое берет свое начало более века назад. В то время большое количество армян застраховали жизнь в страховой компании, позже приобретенной фирмой «АХА». В 2006 г. трое американских юристов добились от страховой компании «АХА», что она выплатит им 18 миллионов долларов, которые она должна наследникам жертв геноцида армян по этим страховкам [Novanessian 2004: 125]. В дальнейшем эти деньги были преступным путем присвоены, а эти три юриста: М. Герагос, Б. Кабатек и В. Егиян, несут ответственность за распределение этой суммы в соответствии с «Соглашением об урегулировании», заключенным 18 ноября 2005 года. В этом деле КСАОФ стремится выступить в качестве представителя армянской общины Франции и ее ассоциаций, чтобы попытаться получить компенсацию за хищения, совершенные тремя юристами и их администраторами в ущерб армянским ассоциациям Франции.

Также усилия организации направлены на проведение памятных дат, по примеру событий 2015 г. Так, 24 апреля 2021 г. были возобновлены массовые мероприятия 24 апреля, в национальный день памяти жертв геноцида армян. Тогда день 24 апреля был отмечен несколькими яркими событиями: утром сопрезиденты КСАОФ встретились в Елисейском дворце с президентом Э. Макроном. После интервью последовало возложение венка к подножию памятника Комитасу на площади Канады.

КСАОФ в свете нового обострения между Арменией и Азербайджаном также организовал 25 октября 2020 г. перед набережной Орсе марш с призывом к Франции выйти из позиции нейтралитета и признать Нагорный Карабах. Он собрал более 20 000 человек под крики «Признание Арцаха», «Макрон принимает меры»,

«Справедливость для армянского народа», «Ле Дриан выбери свою сторону» [Kunth 2007: 321].

Также 26 сентября 2021 г. несколько сотен армян и этнических французов провели демонстрацию перед посольством Азербайджана в Париже по призыву Координационного совета армянских организаций Франции, поддержанному различными французскими организациями. Они потребовали немедленного освобождения армянских военнопленных, задержанных Азербайджаном с 9 ноября 2020 г. в нарушение статьи 7 декларации о прекращении огня и ряда статей Женевской конвенции, предусматривающих, что страна-похититель должна воздерживаться от подвергания военнопленных к «насилию, физическому насилию, репрессиям, запугиванию или дискриминации»¹. Демонстранты также требовали признания Республики Арцах.

Среди культурных мероприятий также можно отметить проведение ежегодного ужина КСАОФ 8 февраля 2022 г.²

Таким образом, с момента, когда в 2001 г. «Комитет 24 апреля» был преобразован в национальный КСАОФ, это заложило основу для единства армян Франции. На протяжении своей деятельности он смог достичь своей цели - представлять ассоциации-члены на национальном уровне перед властями и органами государственной власти и координировать выполняемые миссии, поскольку упорное отстаивание законопроектов по признанию геноцида армян увенчались успехом.

¹ Մարինէ Մարտիրոսյան. «Հայաստանն անգամ այս թույլ վիճակով ունի սփյուռքի լծակը, բայց չի օգտագործում ի նպաստ իր դիրքի հզորացման» (Интервью М. Мартirosян «Даже в этом слабом государстве Армения имеет рычаги воздействия диаспоры, но не использует их для укрепления своих позиций»). 2022 URL: <https://hetq.am/hy/article/142107> (assessed: 21.05.2022)

² Déclaration de M. Jean Castex, Premier ministre, sur la reconnaissance du génocide arménien, l'aide humanitaire d'urgence apportée lors du conflit du Haut-Karabagh et la coopération économique et culturelle, Paris, 8 février 2022. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/283937-jean-castex-08022022-france-armenie-genocide-haut-karabagh-cooperation> (assessed: 21.05.2022)

Таким образом, мы рассмотрели инструменты влияния армянских диаспор США и Франции на развитие отношений с Арменией. В случае первого кейса определено, что, хотя Армения не считается важным партнером внешней политики США, тем не менее, с точки зрения правительства США, особенности ее геостратегического положения или влиятельные лоббистские группы в Американском Конгрессе делают эту кавказскую республику особенно интересной для США.

Армянское лобби, основным представителем которого в США является АНКА, и которое характеризуют как хорошо организованную структуру, всегда имело тесные связи с американским Конгрессом. В качестве примера можно назвать успех армянского лоббирования в США после окончания «холодной войны»: американские санкции против Азербайджана, т.е. 907-я статья Закона о поддержке свободы, признание Дж.Байденом геноцида армян и т.п. Хотя их финансовые возможности и численность населения в Америке ограничены, армяне компенсируют эту ситуацию такими характеристиками, как концентрация в определенных избирательных округах и

участие в избирательных кампаниях. Что еще более важно, кокус Конгресса по армянским вопросам является одним из крупнейших кокусов Палаты представителей. Таким образом, армянское лобби невероятно эффективно, по крайней мере, в привлечении внимания общественности к армяно-американским проблемам.

В случае анализа примера деятельности КСАОФ, определено, что с момента когда создания структуры для единства армян Франции, которой стала упомянутая организация, армянская община Франции ориентируется в основном на два важных дела: признание геноцида и поддержка Армении и Нагорного Карабаха в международных делах. Эти два элемента играют важную роль в организации и мобилизации групп во время политических кампаний. Степень ассимиляции армянской диаспоры является еще одним преимуществом этого сообщества: франко-армяне считаются образцом успешной интеграции, поэтому многие события, организованные КСАОФ, привлекают многочисленных участников, а голосования за нужные законы в большинстве своем проходят успешно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Armenian Diaspora in Modern World Factors of Changes / Ed. by W. Bejda, P. Nieczuja-Ostrowski. Research Institute for European Policy, Gdańsk 2020. 322 p.
- Baser B., Swain A. Diaspora design versus homeland realities: Case study of Armenian diaspora // International Journal on World Peace. 2008. Т. 25. Р. 7.
- Çevik-Ersaydi B.S. The Armenian Diaspora and the Need for the “Other” // Gazi Akademik Bakış. 2011. Т. 5. №. 9. Р. 93/
- Grjebine T. The Influence of Ethnic Pressure Groups on US Foreign Policy: The Success and Limitations of the Armenian Lobby in the US Since the End of the Cold War // Raisons politiques. 2008. №. 1. Р. 39.
- Hovanessian M. La diaspora arménienne et l'idée nationale: De l'exil commémoré aux formes actives de l'appartenance // CEMOTI, Cahiers d'Études sur la Méditerranée Orientale et le monde Turco-Iranien. 2000. Т. 30. №. 1. Р. 83.
- Hovanessian M. Le religieux et la reconnaissance: formes symboliques et diaspora Arménienne en France // Les Annales de la recherche urbaine. Persée-Portail des revues scientifiques en SHS, 2004. Т. 96. №. 1. Р. 125.
- King D., Pomper M. The US Congress and the contingent influence of diaspora lobbies: lessons from US policy toward Armenia and Azerbaijan // Journal of Armenian Studies. 2004. Т. 7. №. 1. Р.76.
- Koohkan A., Nakhaee M. the impact of Armenian Lobby on US policy in south Caucasus // The Iranian Research letter of International Politics. 2015. Т. 3. №. 2. Р. 92.

- Kunth A.* La diaspora arménienne // *Études*. 2007. Т. 406. №. 3. P. 321.
- Machowska M.* et al. Armenian Diaspora Main Lobbying Agendas in the United States in the 21st Century // *Ukrainian Policymaker*. 2020. Т. 6. №. 6. P. 52.
- Risse Th.* Transnational Actors and World Politics // *Handbook of International Relations* / Ed. by W. Carsnaes, Th. Risse, B. Simmons. L.: Sage, 2002. P. 255.
- Saideman S.* The Power of the Small: The Impact of Ethnic Minorities on Foreign Policy // *SAIS Review*. 2002. P. 93 105.
- Smith T.* Foreign Attachments: The Power of Ethnic Groups in the Making of American Foreign Policy, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2005. P.87.
- Yepremyan T. Tavitian N.* An Introduction to the Armenian Diaspora in Europe Eine Einführung in die armenische Diaspora in Europa // *Europäisches Journal für Minderheitenfragen*. 2017. Т. 10. №. 1-2. P. 31.
- Zarifian J.* The Armenian-American lobby and its impact on US foreign policy // *Society*. 2014. Т. 51. №. 5. P. 503/
- Геворгян О.З.* Фактор диаспоры в отношениях Армении с ЕС и США // *Постсоветские исследования*. 2018. Т. 1. №. 6. С. 567.
- Мкртчян Т.Г.* Армянская диаспора США и Армения в 1990-е гг // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2014. №. 7 (135). С. 192.
- Сучков М.А.* Влияние лобби-групп на формирование внешней политики США на Южном Кавказе // *Вестник МГИМО Университета*. 2013. №. 3 (30). С. 18.
- Троицкий М.А.* Конгресс и политика США в отношении Армении // *Институт США и Канады РАН (ИСКРАН)*. 2017. №. 4. С. 90.
- Շիրաշվերյան Ռ.* Միգրացիան և հայկական նոր սփյուռքը. «Գիտություն» Երևան 2013 (Миграция и новая армянская диаспора). Ереван: Гитутюн, 2013. P.87.
- Հայկական սփյուռքի հնարավորությունները և ազդեցությունը Հայաստանի Հանրապետության սոցիալ-քաղաքական գործընթացների վրա (Возможности и влияние армянской диаспоры по процессам) / Տ. Թորոսյան, Ս. Սարադյան. -Եր.: Հեռանկարային ուսումնասիրությունների և նախաձեռնությունների կենտրոն, 2017թ., 183 էջ.

REFERENCES

- Armenian Diaspora in Modern World Factors of Changes / Ed. by W. Bejda, P. Nieczuja-Ostrowski. Research Institute for European Policy, Gdańsk 2020. 322 r.
- Baser B., Swain A.* Diaspora design versus homeland realities: Case study of Armenian diaspora // *International Journal on World Peace*. 2008. Т. 25. R. 7.
- Çevik-Ersaydi B.S.* The Armenian Diaspora and the Need for the “Other” // *Gazi Akademik Bakış*. 2011. Т. 5. №. 9. R. 93/
- Gevorgyan O.Z.* Faktor diasporoy v otnosheniyah Armenii s ES i SSHA // *Postsovetskie issledovaniya*. 2018. Т. 1. №. 6. S. 567.
- Grjebine T.* The Influence of Ethnic Pressure Groups on US Foreign Policy: The Success and Limitations of the Armenian Lobby in the US Since the End of the Cold War // *Raisons politiques*. 2008. №. 1. R. 39.
- Hovanessian M.* La diaspora arménienne et l'idée nationale: De l'exil commémoré aux formes actives de l'appartenance // *CEMOTI, Cahiers d'Études sur la Méditerranée Orientale et le monde Turco-Iranien*. 2000. Т. 30. №. 1. R. 83.
- Hovanessian M.* Le religieux et la reconnaissance: formes symboliques et diaspora Arménienne en France // *Les Annales de la recherche urbaine. Persée-Portail des revues scientifiques en SHS*, 2004. Т. 96. №. 1. R. 125.
- King D., Pomper M.* The US Congress and the contingent influence of diaspora lobbies: lessons from US policy toward Armenia and Azerbaijan // *Journal of Armenian Studies*. 2004. Т. 7. №. 1. R.76.
- Koohkan A., Nakhaee M.* the impact of Armenian Lobby on US policy in south Caucasus // *The Iranian Research letter of International Politics*. 2015. Т. 3. №. 2. R. 92.
- Kunth A.* La diaspora arménienne // *Études*. 2007. Т. 406. №. 3. R. 321.

- Machowska M. et al. Armenian Diaspora Main Lobbying Agendas in the United States in the 21st Century // Ukrainian Policymaker. 2020. Т. 6. №. 6. R. 52.*
- Mkrtchyan T.G. Armyanskaya diaspora SSHA i Armeniya v 1990-e gg // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2014. №. 7 (135). S. 192.*
- Risse Th. Transnational Actors and World Politics // Handbook of International Relations / Ed. by W. Carsnaes, Th. Risse, B. Simmons. L.: Sage, 2002. P. 255.*
- Saideman S. The Power of the Small: The Impact of Ethnic Minorities on Foreign Policy // SAIS Review. 2002. P. 93 105.*
- Smith T. Foreign Attachments: The Power of Ethnic Groups in the Making of American Foreign Policy, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2005. R.87.*
- Suchkov M.A. Vliyanie lobbi-grupp na formirovanie vneshnej politiki SSHA na YUzhnom Kavkaze // Vestnik MGIMO Universiteta. 2013. №. 3 (30). S. 18.*
- Troickij M.A. Kongress i politika SSHA v otnoshenii Armenii // Institut SSHA i Kanady RAN (ISKRAN). 2017. №. 4. S. 90.*
- Yepremyan T. Tavitian N. An Introduction to the Armenian Diaspora in Europe Eine Einführung in die armenische Diaspora in Europa // Europäisches Journal für Minderheitenfragen. 2017. Т. 10. №. 1-2. R. 31.*
- Zarifian J. The Armenian-American lobby and its impact on US foreign policy // Society. 2014. Т. 51. №. 5. R. 503/*
- Կարապետյան Ռ. Միգրացիան և հայկական նոր սփյուռքը. «Գիտություն» Երևան 2013 (Migraciya i novaya armyanskaya diaspora). Erevan: Gitutyun, 2013. R.87.
- Հայկական սփյուռքի հնարավորությունները և ազդեցությունը Հայաստանի Հանրապետության սոցիալ-քաղաքական գործընթացների վրա (Vozmozhnosti i vliyanie armyanskoj diaspory po processam) / Տ. Թորոսյան, Մ. Սարադյան. -Եր.: Հեռանկարային ուսումնասիրությունների և նախաձեռնությունների կենտրոն, 2017թ., 183 էջ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гукасян Элеонора Арсеновна, магистр Eleonora A. Ghukasyan, Master of
в области «Международных отношений». International Relations. Moscow, Russia. E-
Москва, Россия. E-mail: mail: 1032183475@rudn.ru
1032183475@rudn.ru

МНОГОСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО / MULTILATERAL COOPERATION

Научная статья / Research article

Роль ШОС в контексте «афганской проблемы»

С. В. Черняева

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: chernyaeva1998@mail.ru*

Е. В. Журавлёва

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: zhuravleva-ev@rudn.ru*

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что Шанхайская организация сотрудничества уже сегодня превратилась в перспективную региональную площадку для широкого диалога, на которой государства-члены стремятся к налаживанию конструктивного сотрудничества с государствами и международными организациями не только для совместного реагирования на традиционные и нетрадиционные вызовы в сфере безопасности, но и для углубления взаимодействия в экономической и гуманитарной областях. Особую актуальность деятельность Организации приобретает на нынешнем этапе в связи с турбулентно развивающейся ситуацией в Афганистане и уходом оттуда войск США и НАТО. Автор предполагает, что у ШОС есть потенциал использования политических, экономических и дипломатических мер для купирования кризисной ситуации в регионе. Целью статьи является выявление роли ШОС в решении «афганской проблемы». Предметом статьи является взаимодействие между Афганистаном и ШОС. В ходе исследования темы были использованы следующие методы: системный, исторический, сравнительный, и междисциплинарные подходы. Задачей работы было поставлено исследование подходов государств-членов отдельно и совместно в ШОС к решению «афганской проблемы». Особое внимание уделялось экономической составляющей сотрудничества, как основополагающей в контексте поддержки афганской экономики.

Ключевые слова: ШОС, Афганистан, «Талибан», Китай, безопасность, афганский конфликт.

Для цитирования: Черняева С. В., Журавлёва Е. В. Роль ШОС в контексте «афганской проблемы». Постсоветские исследования. 2022;5(5):531-544.

The role of the SCO in the context of the «Afghan problem»

Svetlana V. Cherniaeva

*Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia
e-mail: chernyaeva1998@mail.ru*

Eugenia V. Zhuravleva

*Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia
e-mail: zhuravleva-ev@rudn.ru*

Abstract. The relevance of the article is since the Shanghai Cooperation Organization has already turned into a promising regional platform for a broad dialogue, where member states strive to establish constructive cooperation with states and international organizations not only to jointly respond to traditional and non-traditional security challenges, but and to deepen cooperation in the economic and humanitarian fields. The activities of the Organization are of particular relevance at the current stage in connection with the turbulently developing situation in Afghanistan and the withdrawal of US and NATO troops from there. The author suggests that the SCO has the potential to use political, economic and diplomatic measures to stop the crisis in the region. The purpose of the

article is to identify the role of the SCO in solving the "Afghan problem". The subject of the article is the interaction between Afghanistan and the SCO. During the study of the topic, the following methods were used: systemic, historical, comparative, and interdisciplinary approaches. The task of the work was to study the approaches of the member states separately and jointly in the SCO to solving the "Afghan problem". Particular attention was paid to the economic component of cooperation, as fundamental in the context of supporting the Afghan economy.

Keywords: SCO, Afghanistan, Taliban, China, security, Afghan conflict.

For citation: Svetlana V. Cherniaeva, Eugenia V. Zhuravleva The role of the SCO in the context of the «Afghan problem». *Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies*. 2022;5(5):531-544. (In Russ.)

В 2021 г. в Центральной Азии произошли значительные геополитические изменения: ослабление американской мощи и рост влияния России и Китая. Ключевым вопросом стала дальнейшая судьба Афганистана, государства, в котором боевики радикального исламистского движения «Талибан»¹, запрещенного в РФ, 15 августа 2021 г. захватили власть. В последнее время данное событие, которое может привести к обострению вопросов безопасности в Центральной Азии, является повесткой дня у многих международных организаций, т.к. препятствует сохранению стабильности и безопасности в центральноазиатском регионе и не только.

Развитие «афганской проблемы»

Существует несколько ключевых факторов, повлиявших на нестабильность Афганистана в настоящий момент. *Во-первых*, Афганистан является многонациональным государством, к числу крупнейших этнических групп страны относятся пуштуны (1/2 часть населения), таджики (1/4 часть населения), хазарейцы (1/5 часть), узбеки (5%) и другие. Перечисленные народы существуют отдельно друг от друга и подчиняются разным лидерам, что создаёт трудности в налаживании диалога между ними и в установлении легитимной власти на территории всего Афганистана. *Во-вторых*, в регионе, где расположен Афганистан, складывается сложная геополитическая ситуация, в целом по причине установленной в 1893 г. Линии Дюрана, по которой была проведена граница и которая поделила этнических пуштунов Юго-Западной Азии

между Афганистаном и британской Индией (которая в свою очередь распалась на современные Индию и Пакистан), послужила причиной территориальных споров между Афганистаном и Пакистаном. *В-третьих*, в Афганистане превалирует нестабильная внутривнутриполитическая обстановка, относительно недавно получил независимость, в 1919 г. Однако в период с 1919 по 1970-е гг. государство постоянно находилось в состоянии смуты, революции и войн (неуспешная война против Великобритании в 1919 г., восстание Бачаи Сакао 1929 г., многочисленные политические перевороты, Саурская революция 1978 г. и др.). На протяжении XX в. несколько государств, Великобритания, США, СССР, вмешивались во внутренние дела Афганистана, что также привело к дестабилизации центральной власти в стране.

В 1979–1989 гг., во время Афганской войны начали набираться отряды моджахедов – лиц, которые вели борьбу против советской армии. После окончания Афганской войны в 1989 г. легитимное правительство продержалось только три года, после чего в апреле 1992 г. отряды моджахедов заняли столицу Кабул. Также в данный период времени происходит формирование движения «Талибан», что в переводе с пушту обозначает «студенты». Они представляли собой группу беженцев из Афганистана, которые многие годы проживали на территории Пакистана, где им предоставили возможность обучения в религиозных школах. Часть моджахедов также перешла в ряды нового образования. К концу 1996 г. талибы впервые захватили

¹ Террористическая организация, запрещенная в России

столицу Афганистана Кабул и получили фактический контроль над 2/3 территории Афганистана.

Однако «Талибан» столкнулся с серьезным сопротивлением населения, так как идеология группировки отличалась строгостью и жестокостью [Арчаков 2018: 17].

Недовольство было особенно заметно среди пуштунских этнических групп, а именно таджиков, узбеков и хазарейцев, проживающих на севере, западе и в центре страны, которые видели во власти талибов продолжение традиционной пуштунской гегемонии. К 2001 г. талибы контролировали почти всю территорию, кроме небольшой части северного Афганистана, и только Саудовская Аравия, Пакистан и Объединенные Арабские Эмираты признали данный режим правления.

Помимо пренебрежения «Талибаном» правами человека, многие страны были обеспокоены тем, что данная группировка предоставила убежище Усаме бен Ладену, лидеру международной террористической организации «Аль-Каида»¹, которая представляла собой сеть исламистских боевиков, стремившихся к насильственной борьбе за освобождение исламского мира от немусульманского влияния. После террористических актов, произошедших 11 сентября 2001 г. в США, «Аль-Каида» была признана виновной, но талибы отказались экстрадировать бен Ладена, что послужило поводом к немедленному вводу войск американским правительством и блоком НАТО [Князев 2009: 135].

На протяжении этапа нахождения войск США и НАТО на территории Афганистана ситуация не улучшилась: продолжались боевые действия талибов, продолжался поток наркотрафика, усилились сепаратистские движения, обострились внутренние конфликты [Конаровский 2011: 58]. Длительное военное присутствие американских войск оказало пагубное влияние, конфликт в регионе стал глубже. Несмотря на то, что после этого «Талибан» был раздроблен, к 2013–2015 гг. произошла консолидация талибов вокруг Мохаммада

Омара, основателя данного движения. Устойчивость талибов сохранялась, что побудило центральное проамериканское правительство Афганистана искать пути примирения с оппонентами. Талибы добились встречи не только с правительством Афганистана, но и с США. В 2018 г. талибы и Соединенные Штаты впервые встретились при поддержке Саудовской Аравии, Пакистана и ОАЭ, единственных стран, которые имеют дипломатические отношения с обеими сторонами. Обсуждения были сосредоточены на выводе американских войск из Афганистана. Соглашение с Соединенными Штатами было подписано в конце февраля 2020 г. В обмен на полный вывод американских войск в течение 14 месяцев талибы согласились прекратить свои нападения на силы США и предотвратить деятельность таких запрещенных организаций, как «Аль-Каида» и «Исламское государство» (ИГИЛ)².

По мере того, как конфронтация с американскими войсками подходила к концу и приближалось завершение вывода американских войск, талибы в мае-июне 2021 г. стремительно взяли под свой контроль большинство провинций страны, а к середине августа 2021 г. талибы захватили почти всю страну, включая столицу Кабул.

Афганская проблема в контексте деятельности ШОС

Шанхайская организация сотрудничества была сформирована на основе механизма «Шанхайской пятерки», членами которого выступили Российская Федерация, Китайская народная республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Республика Казахстан и Киргизская Республика. Целью данной организации было объявлено поддержание безопасности на территории Центральной Азии, из-за чего «афганская проблема» со дня основания ШОС заняла важное место в обсуждениях членов Организации.

За двадцатилетний период существования ШОС многого достигла:

¹ Запрещенная организация на территории РФ.

² Запрещенная организация на территории РФ.

1) была разработана и постоянно совершенствуется нормативно-правовая база по обеспечению безопасности;

2) организуются ежегодные совместные учения спецслужб, антитеррористические, военные учения (например, «Мирная миссия»), в которых принимают участие не только члены ШОС, но и государства-наблюдатели;

3) проводятся регулярные саммиты, а также встречи руководителей ведомств и министерств и т.д.;

4) в 2002 г. была создана Региональная антитеррористическая структура (РАТС), которая стала ключевой структурой для борьбы с «тремя силами зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм).

Для Китая и стран Центральноазиатского региона большую угрозу представляют «три силы зла»: этнический сепаратизм, религиозный экстремизм и международный терроризм, борьба с которыми является одной из наиболее важных целей ШОС. Деятельность организации призвана обеспечивать не временную, а долгосрочную стабильность и безопасность, что невозможно реализовать в условиях политической нестабильности Афганистана.

Рассматривая проблему в данном ключе, стоит обратить внимание, что из всех многосторонних переговорных площадок, на которых активно обсуждается будущее Афганистана, особое значение может приобрести ШОС. На это есть несколько причин:

Во-первых, страны-участницы ШОС ещё в начале 2000-х гг. были обеспокоены негативным развитием ситуации в Исламской Республике Афганистан (ИРА), о чем можно сделать вывод, исходя из того факта, что ШОС была создана в тот же год, когда США ввели свои войска в Афганистан. Китай и РФ не были довольны появлением в Азии такого весомого игрока, как США. Вопрос о безопасности Афганистана побудил членов ШОС в 2005 г. создать

Контактную группу «ШОС–Афганистан»¹, которая стала переговорной площадкой для углубления понимания проблемы и поиска решений. Несмотря на то, что не все планы ШОС были реализованы в полном объеме, но в целом деятельность группы принесла свои плоды, не только Афганистану, но и соседним странам. Например, в 2006–2008 гг. афганская сторона выражала заинтересованность в содействии со стороны ШОС в восстановлении своей экономики, приоритетными направлениями были проекты в области энергетики, транспортной инфраструктуры, а также в части развития транспортной системы ИРА, предоставлении наиболее благоприятных условий для доступа афганских товаров на рынки государств — членов, в таможенной сфере и т.д. На создании Контактной группе сотрудничество не закончилось, в 2012 г. Афганистану был выдан статус наблюдателя ШОС с дальнейшей перспективой получения полноправного членства, что считается беспрецедентным случаем [Гарбузарова 2021: 430]. Однако стоит отметить, что формат Контактной группы работал не постоянно и возможно не использовал свой потенциал в полной мере. В 2009 г. деятельность группы была приостановлена, однако в 2019 г. работа была возобновлена и прошло заседание, в рамках которого участники ШОС обсудили и согласовали проект Дорожной карты дальнейших действий Контактной группы «ШОС–Афганистан»². Летом 2021 г. президент России В.В. Путин вновь обратился к членам ШОС с предложением возобновить активную деятельность Контактной группы³.

Во-вторых, одним из сравнительных преимуществ ШОС является достаточно широкий спектр отраслей сотрудничества. Организация представляет собой площадку для многостороннего общения, она позволяет странам-участницам заниматься различными вопросами, касающимися безопасности, гуманитарного, культурного

¹ Контактная группа «ШОС – Афганистан» URL: http://rus.sectesco.org/about_sco/20190716/565424.html (дата обращения: 12.05.2022)

² Контактная группа «ШОС – Афганистан» URL: http://rus.sectesco.org/about_sco/20190716/565424.html (дата обращения: 12.05.2022)

³ Заседание Совета глав государств – членов ШОС 17 сентября 2021 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66706> (дата обращения: 15.05.2022)

сотрудничества и др. ШОС может поддерживать стабильность в центральноазиатском регионе не только посредством военных учений и подобных мер безопасности, но и с помощью финансирования отдельных отраслей экономики и торговли с целью взаимной выгоды разных участников организации. Кроме того, необходимо отметить, что роль Афганистана не будет ограничена только пассивным получением экономической или военно-технической помощи от ШОС. У стран-участниц этой организации, особенно у Китая, как отметил министр иностранных дел КНР Ван И, есть планы вовлечь Афганистан в создание региональной транспортной, логистической и энергетической инфраструктуры. Афганистан является не только соседней страной Китая, но и географическим центром Южной, Западной и Центральной Азии, занимает важное место в обеспечении безопасности Китая и в строительстве Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП)¹.

В-третьих, ООН также признала важность ШОС в решении афганской проблемы. 17 сентября 2021 г. в онлайн формате прошёл 21 саммит ШОС, на котором, безусловно, главной темой встречи стал захват талибами власти в соседнем Афганистане. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш также принял участие в саммите в онлайн формате и заявил, что «ситуация в Афганистане стремительно развивается и непредсказуема. В этот критический момент Организация Объединенных Наций надеется на укрепление сотрудничества с Шанхайской организацией сотрудничества, чтобы оказать афганскому народу столь необходимую поддержку»². По итогам встречи страны-участницы достигли консенсуса в том, что с

целью установления региональной стабильности они будут «способствовать плавному переходу ситуации в Афганистане и направлять данное государство к построению широкой и инклюзивной политической структуры»³.

Реакция участников ШОС на смену власти в Афганистане

Страны, граничащие с Афганистаном обеспокоены сложившейся ситуацией. Одна из ключевых проблем заключается в том, что взгляды соседних государств на «афганскую проблему» в некоторых моментах совпадают, а в некоторых разнятся. Безусловно у каждого государства существуют свои интересы и свои сферы сотрудничества, обусловленные историей взаимодействия с Афганистаном. Также у каждой страны, граничащей с Афганистаном, имеется своё видение о складывающемся балансе политических и военных сил на территории этого государства⁴.

Рассмотрим каждого по отдельности:

Российская Федерация: Россия и Афганистан имеют достаточно долгую историю сотрудничества, например, в 1950-х гг. СССР активно вкладывалась в развитие Афганистана (создание промышленных, транспортных, энергетических объектов и др.), однако после окончания Афганской войны и последующего распада СССР позиции на рынке Афганистана практически сошли на нет. В 2000-х гг. наметился прогресс, так, например в 2007–2010 гг. объем инвестиций РФ в экономику Афганистана превысил 34 млн долл. США (в основном в области добычи и разработки природных ресурсов, а также строительства). Кроме того, с 2005 г. российские компании «Норманн» и «Инсет», специализирующиеся на строительстве мини-ГЭС, также работают на территории Афганистана. Кроме того, в 2011 г. по оценкам экспертов РФ стала

¹ Ван И изложил позицию китайской стороны относительно ситуации в Афганистане // СИНХУА Новости. 14.07.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-07/14/c_1310060681.htm (дата обращения: 12.05.2022)

² Генсек ООН обратился к участникам саммита ШОС URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/11/1390102> (дата обращения: 15.05.2022)

³ Владимир Норов: Решения, принятые на саммите ШОС в Душанбе, имеют эпохальное значение и открывают новую веху в поступательном развитии

Организации URL: http://rus.sectsc.org/archive_news/20211012/784476.html (дата обращения: 15.05.2022)

⁴ Кортунов А. Решение проблемы Афганистана: необходимые условия и международные последствия. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/reshenie-problemy-afganistana-neobkhodimye-usloviya-i-mezhdunarodnye-posledstviya/> (дата обращения: 01.05.2022).

крупнейшим поставщиком нефти в Афганистан. 26 мая 2011 г. «Рособоронэкспорт» совместно с правительством США подписали контракт на поставку 63 вертолетов, что оценивается в 1,2 млрд долл. США. Однако российско-афганские экономические отношения не настолько развиты, например в 2016 г. доля РФ от общего импорта Афганистана составила всего 2% [Асеф 2017: 788].

Доля Афганистана во внешней торговле РФ незначительна, по данным ФТС в 2020 г. он занял 106-е место среди 241 страны. Экспорт России в Афганистан за 2020 г. составил \$153 млн, что является 0,045% от всего объема продукции, вывезенной из страны¹. За 9 месяцев 2021 г. товарооборот России с Афганистаном составил 60 млн долл. США, уменьшившись на 52,19% по сравнению с аналогичным периодом 2020 г.²

Рассматривая реакцию РФ на смену власти в Афганистане можно сделать вывод, что правительство РФ занимает выжидательную позицию по афганскому вопросу. З. Кабулов, спецпредставитель президента России в Афганистане заявил, что РФ беспокоит, что Афганистан является источником международного терроризма и поставщиком наркотических веществ [Якубов, Нуриддинов 2021: 475]. Кроме того, по причине массовой миграции афганского населения в страны Центральной Азии экономическая нагрузка на российский бюджет возрастает, т.к. идет всё больше дополнительных вливаний в укрепление военных баз в Таджикистане и Киргизии. Также проводятся совместные военные учения со странами Центральной Азии, в том числе в рамках ОДКБ, вблизи границ с Афганистаном.

В 2022 г. ситуация налаживается, на уровне МИД двух стран отношения установились, в начале апреля 2022 г. первый афганский дипломат, направленный новыми властями в Москву, получил аккредитацию в министерстве иностранных дел³.

Для решения афганской проблемы Россия предлагает создание максимально широкой коалиции по взаимодействию с Афганистаном. Приход к власти в Афганистане группировки «Талибан» может способствовать усилению авторитаризма в центральноазиатских республиках, а также укрепление позиций РФ в сохранении безопасности этого региона. В частности, структуры ОДКБ могут быть усилены, а также намечается расширение сотрудничества этой организации со странами региона, не являющимися её членами, в первую очередь с Узбекистаном.

КНР: Китай находился на втором месте по объёму импорта в Афганистан в 2019 г., его доля составила 13,9% (1,19 млрд долл. США)⁴. За 2001–2018 гг. Китай предоставил Афганистану в общей сложности 560 млн долл. США⁵. Также Китай является крупнейшим инвестором Афганистана, китайские компании, такие как Huawei и ZTE Corporation также стремятся к активизации своей деятельности в телекоммуникационном секторе страны [Zhao 2016: 898].

По мнению исследователя Чжао Хуашэна у Китая хорошие отношения с афганским правительством, а также близкие отношения с Пакистаном, поэтому Китай имеет более благоприятные условия, чем другие крупные страны, для продвижения процесса политического примирения в Афганистане⁶.

¹ Эксперты оценили перспективы торговых связей с Афганистаном при талибах. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/08/25/883783-eksperti-svyazei-afganistanom> (дата обращения: 14.05.2022)

² Товарооборот России с Афганистаном // Внешняя торговля с Россией. 15.11.21. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-afganistanom-za-9-mesyatsev-2021-g/> (дата обращения: 14.05.2022)

³ Афганистан готов к сотрудничеству с Россией во всех сферах. Вести RU. 03.04.2022. URL:

<https://www.vesti.ru/article/2698365> (дата обращения: 16.05.2022)

⁴ Годовая статистика международной торговли товарами 2008–2019. TrendEconomy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Afghanistan/TOTAL> (дата обращения: 16.05.2022)

⁵ Ramachandran S. Is China Bringing Peace to Afghanistan? // The Diplomat. — 2018. — June 20. URL: <https://thediplomat.com/2018/06/is-china-bringing-peace-to-afghanistan/> (дата обращения: 14.05.2022)

⁶ Zhao Huasheng Changes in Afghanistan: Regional and International Implications 08.12.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and->

Долгосрочное военное присутствие США в Афганистане не соответствовало интересам стратегической безопасности Китая. Это позволило Соединенным Штатам укрепиться в военном плане в центральных регионах Центральной Азии, Южной Азии и Западной Азии и предоставило Соединенным Штатам мощный геополитический рычаг, который мог воздействовать на Центральную, Южную и Западную Азию, а также на Россию и Китай. Военное присутствие США также сформировало потенциальное стратегическое сдерживание против Китая с северо-запада.

Ситуация в Афганистане влияет на внутривосточную стабильность самого Китая, особенно его подверженного терроризму региона СУАР. Пекин опасается, что нестабильная ситуация в Афганистане позволит боевикам шире использовать афганскую территорию для планирования нападений на территорию Китая и активизации наркотрафика в стране. Это может угрожать социальной стабильности страны.

Как отмечает Ван И, министр иностранных дел КНР, конечная цель Пекина состоит в том, чтобы обеспечить безопасность на своей западной территории, иметь безопасный коридор в богатый энергоресурсами ближневосточный регион, развивать всесторонние торговые и инвестиционные возможности и распространять китайскую мягкую силу для увеличения общего стратегического охвата страны¹.

26 октября 2021 г. в столице Катара Дохе прошла встреча Ван И с исполняющим обязанности главы МИД Афганистана во

временном правительстве движения «Талибан» Амиром Ханом Муттаки, на которой китайская сторона отметила, что надеется на решительные меры со стороны талибов с целью предотвращения деятельности «Исламского движения Восточного Туркестана», и также выразила готовность в обсуждении вопросов сотрудничества с афганской стороной при условии стабилизации внутривосточной обстановки². 24 марта 2022 г. Ван И впервые после прихода к власти талибов посетил Афганистан³.

Китайская сторона подчеркивает необходимость активного взаимодействия, призывает к мирному сосуществованию и расширению многосторонней координации, а также выступает за укрепление кооперации в решительной борьбе с различными экстремистскими и террористическими организациями⁴.

Центральноазиатские республики. Государства Центральной Азии, входящие в ШОС (Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Казахстан) ведут активное торгово-экономическое сотрудничество с Афганистаном, на что есть две причины: во-первых, географическая близость государств, во-вторых, зависимость афганского внутреннего рынка от импорта продовольственных и промышленных товаров, а также энергоносителей. Так, в 2019 г. в рейтинг крупнейших торговых партнеров по импорту товаров в Афганистан вошли такие государства, как Туркменистан с долей 8,05% (690 млн долл.), Казахстан с долей 6,09% (522 млн долл.) и Узбекистан с долей 5,05% (433 млн долл.)⁵.

Помимо вышеперечисленных данных, у каждого государства имеются свои сферы

comments/analytics/changes-in-afghanistan-regional-and-international-implications/ (дата обращения: 17.05.2022)

¹ Ван И изложил позицию китайской стороны относительно ситуации в Афганистане. СИНЬХУА Новости. 14.07.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-07/14/c_1310060681.htm (дата обращения: 17.05.2022)

² Ван И провел встречу с и.о. главы МИД Афганистана во временном правительстве "Талибан". СИНЬХУА Новости. 27.10.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-10/27/c_1310271110.htm (дата обращения: 17.05.2022)

³ Матвеев А. Мир готов признать талибов. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

comments/columns/asian-kaleidoscope/mir-gotov-priznat-talibov/ (дата обращения: 17.05.2022)

⁴ Казанцев А., Су Чан Россия и Китай: подходы к безопасности в Центральной Азии в контексте ситуации в Афганистане. Аналитическая записка. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Afghanistan-PolicyBrief37.pdf> (дата обращения: 17.05.2022)

⁵ Годовая статистика международной торговли товарами 2008-2019. TrendEconomy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Afghanistan/TOTAL> (дата обращения: 17.05.2022)

сотрудничества и инвестиций. Например, Узбекистан планирует реализацию двух инвестиционных проектов: строительство линии электропередачи 500 кВт «Сурхан – Пули-Хумри», который позволит подключить энергосистему Афганистана к единой энергетической системе Узбекистана и Центральной Азии, а также финансирование, проектирование и строительство железной дороги «Мазари-Шариф – Герат», которая продлит железнодорожную линию «Хайратон – Мазари-Шариф» и таким образом сформирует новый транспортный коридор¹.

За 2020 г. объём внешней торговли между Казахстаном и Афганистаном составил 401,8 млн долл. Несмотря на то, что Казахстан, в отличие от Узбекистана пока не реализует таких инфраструктурных проектов, однако он также прорабатывает участие в них, в большей степени сотрудничество направлено на гуманитарную помощь. Большое внимание уделяется государственной образовательной программе Казахстан – Афганистан по обучению афганских студентов [Федяшева 2020: 411].

Таджикистан совместно с Киргизской Республикой заинтересованы в реализации проекта «CASA-1000» (Central Asia – South Asia), который сможет связать энергетические системы Центральной Азии с Южной Азией — Кыргызстан, Таджикистан с Афганистаном и Пакистаном, и выработать механизмы для торговли электроэнергией в соответствии с международными стандартами².

Туркменистан также активно развивает торгово-экономические связи с Афганистаном, основным проектом Туркменистана с участием стран Южной Азии является прокладка газопровода «Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия» (ТАПИ), мощностью 33 млрд куб.м

газа в год³. Строительство туркменского участка началось в 2015 г, по причине политической нестабильности региона, пандемии и других факторов оно замедлилось, однако в январе 2022 г. талибы заявили, что заинтересованы в реализации газопровода [Мехдиев, Содиков 2016: 71].

Что касается политической обстановки после прихода к власти Талибана в Афганистане, в 2021 г. Узбекистан и Туркменистан принимали у себя делегации талибов для укрепления сотрудничества с этой группой с прицелом на обеспечение экономических связей, торговли и транзита в Южной и Центральной Азии. Хотя изначально Киргизская Республика и Казахстан находились в выжидательном режиме, обе страны изменили этот подход: в сентябре 2021 г. правительство Кыргызстана направило в Кабул делегацию во главе с заместителем председателя Совета национальной безопасности, а в декабре Казахстан направил делегацию в Афганистан для обсуждения сотрудничества и торговли с талибами. Только Таджикистан занял антагонистическую позицию по отношению к новому режиму талибов в Кабуле. Президент Таджикистана Э. Рахмон занял жесткую позицию после осады афганской провинции Панджшер, населенной многими выходцами из Таджикистана⁴.

Для решения афганской проблемы центральноазиатские республики предлагают ещё более активное развитие энергетического и экономического сотрудничества с Афганистаном, который является мостом между южноазиатским и центральноазиатским регионами. С этой целью страны Центральной Азии продвигают транспортные и энергетические проекты, которые смогут создать условия для расширения возможностей транспортно-коммуникационного взаимодействия и

¹ Состояние и перспективы экономического сотрудничества стран Центральной и Южной Азии. Интернет портал СНГ. 12.07.2021. URL: <https://e-cis.info/news/566/93329/> (дата обращения: 18.05.2022)

² О CASA-1000. URL: <https://casa-1000.kg/> (дата обращения: 18.05.2022)

³ Возобновление работ по строительству газопровода ТАПИ намечено на март. Интерфакс. 16.01.2022. URL:

<https://www.interfax.ru/world/815692> (дата обращения: 18.05.2022)

⁴ Талибы взяли в осаду провинцию Панджшер. Коммерсантъ. 23.08.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4956103> (дата обращения: 18.05.2022)

увеличению торгово-экономических и инвестиционных связей

Индия. Смена правительство в Афганистане повлияла на позиции Индии в регионе, потому что изначально индийские представители власти поддерживали проамериканское правительство в Афганистане. В 2005 г. Индия предложила Афганистану членство в Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). В 2011 г. Индия подписала стратегическое соглашение с Афганистаном, которое определяет общее взаимодействие Индии с Афганистаном. Индия согласилась помочь в программах оснащения и наращивания потенциала афганских национальных сил безопасности. К 2016 г. Индия предоставила около 650–750 млн долл. США в виде гуманитарной и экономической помощи, инвестировала 3 млрд долл. США в благосостояние афганского народа и осуществила «500 проектов в критических областях энергетики, водоснабжения, дорожного сообщения, здравоохранения, образования, сельского хозяйства и наращивания потенциала»¹. Открытие в июне 2017 г. специального авиагрузового коридора между Кабулом-Дели и Кандагаром-Дели придало новый импульс двусторонней торговле. В 2019 г. Индия была одним из основных экспортёров афганской продукции, на неё пришлось 410 млн долл. США, что составляет 47% от всего объёма экспорта [Ивлиев 2021: 93].

Индия и Пакистан конкурируют в регионе, после прихода к власти талибов индийско-афганские торговые отношения были поставлены на паузу, что сильно отразилось на экономических показателях Индии. При том, что ключевую роль в афгано-индийском товарообороте играет Пакистан. В случае усиления Пакистана в афганском вопросе Нью-Дели понесет экономические потери. Например, афгано-

индийский товарооборот осуществляется преимущественно через пакистанский порт Карачи. Кроме того, индийское правительство опасается роста мусульманских радикалов в Кашмире при поддержке талибов и увеличения радикальных мусульманских организаций в южноазиатских странах.

С целью обеспечения поддержки в решении афганской проблемы индийское руководство в ноябре 2021 г. организовало диалог по региональной безопасности Афганистана в то время, когда большинство соседей Афганистана пересматривали свои позиции в отношении режима талибов. В совместном заявлении представителей органов национальной безопасности Индии, России, Ирана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана говорится о необходимости создания более инклюзивного правительства, представляющего все слои афганского общества².

Пакистан. Пакистан является активным экспортёром товаров Афганистана с долей 34% (298 млн US\$)³. Газопровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ) представляет для Пакистана особую ценность в связи с ограниченностью природными ископаемыми на своей территории.

Пакистан активно взаимодействует с Афганистаном в разных сферах, история развития талибов также началась именно с Пакистана – государства, где они проходили подготовку. Однако по мнению Р. Пантуччи, даже Пакистан с его тесными связями с военизированными группировками в Афганистане обеспокоен тем, что талибы берут под свой контроль страну, и выражает озабоченность последствиями агрессивных исламистских группировок в пределах своих границ (и потенциальном исходе мигрантов) [Pantucci 2017: 128].

¹ “India willing to stand by Afghans: Jaishankar, calls for non-discriminatory distribution of humanitarian aid across Afghanistan,” The Times of India, September 14, 2021. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-willing-to-stand-by-afghans-jaishankar-calls-for-non-discriminatory-distribution-of-humanitarian-aid-across-afghanistan/articleshow/86171158.cms> (accessed: 18.05.2022)

² India’s search for a new role in Afghanistan. Policy Analysis. 08.12.2021. URL: <https://www.mei.edu/publications/indias-search-new-role-afghanistan> (accessed: 18.05.2022)

³ Отчёт о торговом обороте за 2019 г. Trend Economy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Afghanistan/TOTAL> (дата обращения: 18.05.2022)

Кроме того, стоит отметить, что частые столкновения на границе между Индией и Пакистаном остаются препятствием для налаживания диалога и указывают на сохранения напряженности и нестабильность, которые подрывают межрегиональное сотрудничество. Столкновение интересов Индии и Пакистана в Афганистане усилило взаимное недоверие в регионе.

Для решения афганской проблемы Пакистан предлагает расширить сотрудничество таких стран в Южной Азии, как Индии и Пакистана с Афганистаном, что повысит перспективы мира и стабильности в этой стране, а также во всем регионе, создаст предпосылки для лучшего экономического сотрудничества, региональной интеграции. Кроме того, Афганистан, Индия и Пакистан должны работать над продвижением торгово-экономических отношений. Как для Пакистана, так и для Афганистана крайне важно наладить более тесное взаимодействие на разных уровнях, особенно на правительственном уровне, для пограничного контроля, возрождения афганского мирного процесса и расширения торговли и коммерции.

Иран: Исламская республика Иран изначально настроенно относилась к талибам, к 2014 г. Иран продолжал предпринимать попытки изменить ситуацию в Афганистане как в политическом, так и экономическом плане [Федорова 2019: 138]. Иран стал ключевым государством, которое обеспечивало Афганистан продовольствием, энергоресурсами и другими товарами, 1/5 поставляемой в Афганистан нефти также идет из Ирана. Годовой товарооборот между двумя странами составляет 2 млрд долл. Представитель Торгово-промышленной палаты Афганистана (АССИ) заявил, что Иран был крупнейшим торговым партнером этой страны в прошлом году (март 2017–март 2018) и экспортировал товаров в соседнюю страну на сумму свыше 1,98 млрд долл.¹

На саммите 2021 г. ШОС одобрила вступление Ирана, т.к. он является очень важным игроком, поскольку его связи с

Афганистаном достаточно велики. Он входит в пятерку самых крупных инвесторов в афганскую экономику. Если смотреть в географическом плане, то Иран и Афганистан имеют общую границу в 921 км., поэтому угроза войны в соседнем государстве никак не соответствует интересам Афганистана.

Иранские власти видимо были готовы к смене власти в Афганистане, в январе 2021 г. Иран принял у себя делегацию талибов, чтобы обсудить отношения между обеими странами, положение афганских мигрантов в Иране, а также текущую политическую ситуацию и ситуацию с безопасностью в Афганистане и регионе. Несмотря на сложную внутривнутриполитическую обстановку сотрудничество между Афганистаном и Ираном продолжает развиваться.

Для решения афганской проблемы Иран, как и другие участники ШОС, предлагает расширить сотрудничество. В ноябре 2021 г. глава Иранско-афганской торговой палаты Хоссейн Салими заявил, что было сделано предложение о разработке шахт Афганистана с целью поддержки импорта страны на прежнем уровне. Также он отметил, что торговля между двумя государствами возвращается к уровню, который наблюдался до прихода талибов к власти.

Таким образом, можно сделать вывод о разных реакциях со стороны членов ШОС, однако в целом каждая страна желает видеть Афганистан мирным, безопасным и развивающимся государством. На основе разных взглядов и подходов каждого государства-члена ШОС есть возможность выработать план действия для восстановления безопасной и развивающейся экономики Афганистана.

Подход к решению афганской проблемы со стороны ШОС.

Тема обсуждения афганской проблемы занимает одно из наиболее важных мест на саммитах шанхайской организации сотрудничества, так как без стабильного Афганистана планы по обеспечению безопасности в Евразийском пространстве

¹ Отчёт о торговом обороте за 2019 г. Trend Economy. URL:

<https://trendeconomy.ru/data/h2/Afghanistan/TOTAL> (дата обращения: 18.05.2022)

нереальны. На саммите в Сочи в декабре 2017 г. Генеральный секретарь ШОС Р. Алимов выразил полную поддержку постоянному членству Афганистана и заявил о важности страны, назвав ее «сердцем Азии и ШОС»¹. Он также заявил, что для ускорения процесса присоединения Афганистан должен воспользоваться возможностью присоединиться к контрактам и документам ШОС и организовать культурные мероприятия и экономические выставки в сотрудничестве с членами ШОС. Афганистан также получил полную поддержку со стороны Казахстана, как заявил посол Казахстана в Кабуле в феврале 2017 г. Поддержка Казахстаном членства Афганистана укрепит связи между двумя странами, и Астана считает, что включение Афганистана в ШОС улучшит безопасность в стране и в Центральноазиатском регионе в целом и укрепит торговые и транзитные отношения в регионе². МИД России также высказал мнение о том, что усилия по укреплению мира и стабильности в Афганистане должны осуществляться через такие организации, как ШОС, поскольку все страны региона входят в эту организацию. Поэтому он приветствует заявку Афганистана на постоянное членство, поскольку считает, что это будет способствовать облегчению процесса сотрудничества и диалога в отношении установления мира в Афганистане.

На саммите ШОС, прошедшем в г. Душанбе (Таджикистан) в 2021 г., Президент Казахстана К. Токаев предложил сформировать Совещаний руководителей органов экономических расследований государств-членов ШОС с целью урегулирования проблемы транснациональной преступности в экономической сфере³. Президенты Киргизии и Узбекистана, С. Жапаров и Ш. Мирзиёев соответственно, заострили

внимание на усиливающихся рисках кибертерроризма, а также выступили с предложением о запуске совещания руководителей профильных министерств и возобновлении встречи министров внутренних дел и общественной безопасности. Также было высказано предложение об учреждении экспертного Форума ШОС по информационной безопасности. Имран Хан, премьер-министр Пакистана, подчеркнул необходимость противостояния любому отклонению в сторону блоковой политики и заострил внимание участников саммита на важности мирного сосуществования и сотрудничества. Премьер-министр Индии Н. Моди высоко оценил значимость работы, проводимой Региональной антитеррористической структурой ШОС (РАТС ШОС) и выразил надежду, что государства-члены ШОС будут активно участвовать в мероприятиях, предусмотренных программой индийского председательства в рамках данной структуры.

Страны-участницы ШОС выступают за создание в Афганистане инклюзивного правительства при участии всех групп афганского общества. Главы государств-членов ШОС на саммите 2021 г. заявили, что одним из важнейших факторов сохранения и укрепления безопасности и стабильности на пространстве ШОС является скорейшее урегулирование ситуации в Афганистане.

Однако старший научным сотрудником Британского Королевского института объединенных служб Р. Патуччи опасается, что Афганистан имеет потенциал стать яблоком раздора между членами ШОС, так как различия в подходах к проблеме Афганистана разнятся. Если одни члены ШОС будут упорно навязывать свои варианты решений всем остальным, а другие начнут столь же упорно блокировать эти решения, то ШОС едва ли сможет превратиться в значимый фактор

¹ Р.Алимов в Сочи встретился с Главным исполнительным лицом Исламской Республики Афганистана Абдулла Абдуллоу. 01.12.2017. Сайт ШОС. URL: <http://rus.sectsco.org/news/20171201/361380.html> (дата обращения: 18.05.2022)

² ШОС видит будущее Афганистана мирным, стабильным и процветающим. Сайт ШОС. 01.12.2017.

URL: <http://rus.sectsco.org/news/20171201/358930.html> (дата обращения: 18.05.2022)

³ Владимир Норов: Решения, принятые на саммите ШОС в Душанбе, имеют эпохальное значение и открывают новую веху в поступательном развитии Организации. Сайт ШОС. 12.10.2021. URL: http://rus.sectsco.org/archive_news/20211012/784476.html (дата обращения: 18.05.2022)

обеспечения безопасности и содействия развитию Афганистана. Однако у ШОС есть все силы урегулировать этот конфликт хотя бы по той простой причине, что вступление в ШОС накладывает на членов обязательство разрешения пограничных конфликтов мирным путём¹.

Заключение.

Принимая во внимание разногласия между отдельными членами ШОС относительно развития Афганистана, члены организации считают целесообразным продумать использование многосторонних механизмов с переменным числом участников, который предполагает, что всем участникам не обязательно участвовать во всех коалициях². При этом важно предусмотреть гарантии того, чтобы данные коалиции не наносили ущерб важным

национальным интересам остальных членов ШОС. Обеспечение таких гарантий является самым сложным вопросом в выстраивании многосторонних проектов вокруг Афганистана.

Расхождение во взглядах внутри ШОС также привело к тому, что талибы сделали мало уступок ради глобального признания. Нежелание предоставить права афганским женщинам и сформировать инклюзивное правительство, в котором представлены все афганцы, как того требуют западные державы и ШОС, свидетельствует о возвращении в Афганистан фундаменталистского режима. Талибы заявили, что требование инклюзивности было уловкой мирового братства, чтобы включить шпионов в свое правительство³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арчаков М.К.* Природа и корни идеологических установок движения Талибан // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 5. С. 15–18.
- Асеф Н.* Возвращение России в Афганистан: перспективы двустороннего экономического сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. №4. С. 781–792.
- Гарбузарова Е.Г.* Роль ШОС в процессе нейтрализации региональных вызовов и угроз // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (4). С. 425–436.
- Ивлиев И.* Глобальные и региональные аспекты индо-пакистанского конфликта // Век глобализации. 2021. № 2. С. 89–98.
- Карпачева О.В.* История движения «Талибан» в системе международных отношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2003. № 1. С. 93–102.
- Князев А.* Американский тупик в Афганистане, ШОС и значение стран наблюдателей: Поиск новых парадигм // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии. Бишкек, 2009. С. 130–138.
- Конаровский М.А.* Шанхайская организация сотрудничества и проблема афганских наркотиков // Современный Афганистан. Сборник статей. Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока. М. 2011. С. 56–70.
- Мальшева Д.Б.* Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 259–272.
- Мехдиев Э., Содиков Ш.* О межрегиональных энергетических проектах с участием стран Центральной Азии (ТАПИ, тутап, Иран – Пакистан, CASA-1000) // Международные отношения. 2017. №3. С. 68–79.

¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества от 6 июня 2002 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450>

² Кортунов А. Афганистан как стресс-тест для ШОС. РСМД. 15.06.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

[comments/analytics/afganistan-kak-stress-test-dlya-shos/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afganistan-kak-stress-test-dlya-shos/) (дата обращения: 18.05.2022)

³ Russia, China, Pakistan Push Taliban Toward Inclusivity. 22.09.2021. South&Central Asia. <https://www.voanews.com/a/russia-china-pakistan-push-taliban-toward-inclusivity/6240971.html> (accessed: 20.05.2022)

- Решение проблемы Афганистана: необходимые условия и международные последствия: доклад Российского совета по международным делам (РСМД) № 76/2021 / А. В. Кортунов ; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2021. 46 с.
- Федорова И.Е.* Ирано-афганские отношения на современном этапе // Восточная аналитика. 2019. №4. С. 135–141.
- Федяшева Г.Ч.-Б.* Современные реалии экономического сотрудничества стран Центральной Азии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. №3–2. С. 410–414.
- Якубов И., Нуриддинов У.* Афганский фактор в Центральной Азии: текущие тенденции и перспективы развития // Постсоветские исследования. 2021. №6. С. 470–478.
- Pantucci R.* China's terrorism threat and response in 2016. Counterterrorism yearbook 2017, edited by Jacinta Carroll, Australian Strategic Policy Institute, 2017, pp. 127–130.
- Zhao Huasheng* "Afghanistan and China's New Neighbourhood Diplomacy." International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-), vol. 92, no. 4, 2016, pp. 891–908.

REFERENCES

- Archakov M.K.* Nature and roots of the Taliban ideology // Society: politics, economics, law. 2018. No 5. P. 15–18.
- Asef N.* Russia returns to Afghanistan: prospects of bilateral economic cooperation // Vestnik RUDN. International Relations. 2017. Vol. 17. No. 4. P. 781–792.
- Garbuzarova E.G.* The Role of the SCO in the Process of Neutralizing Regional Challenges and Threats // Post-Soviet Issues. 2021. No 8 (4). P. 425–436.
- Ivliev I.* Global and regional aspects of the Indo-Pakistani conflict // Age of globalization. 2021. No 2. P. 89–98.
- Karpacheva O.V.* The history of the Taliban in the system of international relations // Vestnik RUDN. International Relations. 2003. No 1. P. 93–102.
- Knyazev A.* American impasse in Afghanistan, the SCO and the importance of observer countries: Search for new paradigms // SCO as a factor in the integration of Central Eurasia. Bishkek, 2009. P. 130–138.
- Konarovsky M.A.* Shanghai Cooperation Organization and the problem of Afghan drugs // Modern Afghanistan. Digest of articles. Institute of Oriental Studies RAS, Institute of the Middle East. Moscow. 2011. P. 56-70.
- Malysheva D.B.* Post-Soviet Central Asia and Afghanistan as a sphere of intersection of interests of large Asian states // Vestnik RUDN. International Relations. 2018. Vol. 18. No 2. P. 259–272.
- Mehdiev E., Sodikov Sh.* On interregional energy projects with the participation of Central Asian countries (TAPI, Tutap, Iran-Pakistan, CASA-1000) // International Relations. 2017. No 3. P. 68–79.
- Solving the Afghanistan Problem: Necessary Conditions and International Consequences: Report of the Russian International Affairs Council (RIAC) No. 76/2021 / A. V. Kortunov; Russian International Affairs Council (RIAC). М.: NP RIAC, 2021. 46 p.
- Fedorova I.E.* Iranian-Afghan relations at the present stage // Eastern Analytics. 2019. No 4. P. 135–141.
- Fedyasheva G.Ch.-B.* Modern realities of economic cooperation between the countries of Central Asia // Greater Eurasia: development, security, cooperation. 2020. No 3–2. P. 410–414.
- Yakubov I., Nuriddinov U.* The Afghan factor in Central Asia: current trends and development prospects // Post-Soviet Studies. 2021. No 6. P. 470–478.
- Pantucci R.* China's terrorism threat and response in 2016. Counterterrorism yearbook 2017, edited by Jacinta Carroll, Australian Strategic Policy Institute, 2017, pp. 127–130.
- Zhao Huasheng* "Afghanistan and China's New Neighbourhood Diplomacy." International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-), vol. 92, no. 4, 2016, pp. 891–908.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Журавлёва Евгения Владимировна, к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, e-mail: zhuravleva-ev@rudn.ru

Черняева Светлана Владимировна, магистр «Зарубежного регионоведения», Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, e-mail: chernyaeva1998@mail.ru

Eugenia V. Zhuravleva, PhD, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, e-mail: zhuravleva-ev@rudn.ru

Svetlana V. Cherniaeva, Master of International Relations. Moscow, Russia. E-mail: chernyaeva1998@mail.ru

Контртеррористическое сотрудничество в регионе Центральной Азии как инструмент развития экспедиционного потенциала Народно-освободительной армии Китая

И. Р. Дубровский

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail:1032211914@rudn.ru*

Инь Хуэй (Китай)

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail:1032168455@rudn.ru*

С. В. Костючек

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail:1032211920@rudn.ru*

Чжао Бовэнь (Китай)

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail:1032158409@rudn.ru*

Аннотация. В предлагаемой публикации рассматриваются особенности функционального использования сотрудничества по борьбе с терроризмом для расширения навыков ВС КНР проводить экспедиционные операции. Терроризм выступает одной из насущных угроз национальной безопасности, которая угрожает не только внутренней стабильности КНР, в первую очередь в Синьцзяне, но и «зарубежным интересам», которые расширяются пропорционально увеличению комплексной мощи данного государства. В этом контексте регион Центральной Азии выступает наиболее вероятным источником террористической угрозы. Для развития проецирования силы КНР задействует многосторонние, минилатеральные и двусторонние механизмы, позволяющие устанавливать контакты со спецслужбами, кооперироваться для патрулирования общих участков границы, а также легализировать статус военнослужащих КНР в странах-партнерах. Особым инструментом развития экспедиционного потенциала выступает практика контртеррористических учений, проходящих под эгидой ШОС. Через ШОС Китай развивает практику проецирования силы, которую он начал использовать в контртеррористических целях. Более того, КНР повышает командные навыки по развертыванию контингента, апробирует реформированные организационные структуры, относительно молодые и специфичные рода войск и подразделения, оттачивает модель «интегрированных совместных операций», тестирует технические новинки в полевых условиях и обучает персонал в максимально приближенных к боевым условиям. Данные преимущества могут послужить экстраполяции навыков развертывания ВС КНР с региона Центральной Азии на остальные регионы, где сосредотачиваются «зарубежные интересы» Китая. Это станет весомым рубежом на пути формирования Китаем модели глобального развертывания, что видится закономерным ввиду стратегической конкуренцией между США и КНР и формирующейся биполярностью в системе международных отношений.

Ключевые слова: Внешняя политика КНР, НОАК, борьба с терроризмом, ШОС, экспедиционные возможности, зарубежные интересы

Для цитирования: Дубровский И. Р., Инь Хуэй, Костючек С. В., Чжао Бовэнь Контртеррористическое сотрудничество в регионе Центральной Азии как инструмент развития экспедиционного потенциала Народно-освободительной армии Китая. Постсоветские исследования. 2022;5(5):545-560.

Counter-terrorism cooperation in the Central Asian region as a tool for developing the expeditionary potential of the People's Liberation Army of China

Ivan R. Dubrovskiy

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032211914@rudn.ru

Yin Huyi (China)

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032168455@rudn.ru

Svetlana V. Kostyuchek

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032211920@rudn.ru

Zhao Bowen (China)

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032158409@rudn.ru

Abstract. The article discusses the features of the functional use of cooperation in the fight against terrorism to expand the skills of the Armed forces of China to conduct expeditionary operations. Terrorism is one of the most urgent threats to national security, which threatens not only the internal stability of the People's Republic of China, primarily in Xinjiang, but also foreign interests, which expand in proportion to the increase in the complex power of China. In this context, the Central Asian region is the most likely source of a terrorist threat. To develop power projection, China uses multilateral, unilateral and bilateral mechanisms to establish contacts with special services, cooperate to patrol common sections of the border, and also legalize the status of China's military personnel in partner countries. A special tool for the development of the expeditionary capacity is the practice of counter-terrorism exercises held under the auspices of the SCO. China is developing the practice of force projection through SCO framework, which was begun to use for counter-terrorism purposes. Moreover, the People's Republic of China is improving command skills in deploying contingents, testing reformed organizational structures, relatively young and specific types of troops and units, honing the «integrated joint operations model», field testing technical innovations, and training personnel in as close to combat conditions as possible. These advantages can serve as an extrapolation of China's military deployment skills from the Central Asian region to other regions where China's «foreign interests» are concentrated. This will become a significant milestone of China's model of global deployment formation, which seems natural in the strategic competition between the US and China with the emerging bipolarity in the system of international relations.

Keywords: foreign policy of China, People's Liberation Army of China, counter-terrorism, Shanghai Cooperation Organisation, expeditionary capabilities, overseas interests

For citation: Ivan R. Dubrovskiy, Yin Huyi, Svetlana V. Kostyuchek, Zhao Bowen Counter-terrorism cooperation in the Central Asian region as a tool for developing the expeditionary potential of the People's Liberation Army of China. *Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies*. 2022;5(5):545-560. (In Russ.)

«Пульсирующим нервом» современной мировой политики становится проблема стратегической конкуренции между США и КНР, вызванной вступлением стран в фазу относительного паритета силы и начала «властного транзита» [Дегтерев, Рамич, Цык 2021: 215-217]. Обогнав США по

Сводному индексу национального потенциала, учитывающего фундаментальные источники военно-промышленного комплекса страны, КНР не обладает всем спектром военно-силовых инструментов, необходимых для защиты национальных интересов и создания

предсказуемой среды на стратегически значимых направлениях. Для решения подобного рода задач необходимо создание гибкого глобального развертывания и устойчивого военного присутствия для превентивной или незамедлительной защиты государственных интересов и поддержания удовлетворительного мирового и региональных порядков.

Создание подобного рода модели требует не только насыщение вооруженных сил материально-техническими средствами проецирования силы, создания узкоориентированных родов войск и необходимой инфраструктуры, но и отработки мероприятий по планированию и развертыванию экспедиционных миссий, а также развитие международных нормативно-правовых форматов для расширения оперативной мобильности ВС страны. В качестве инструмента для удовлетворения подобной потребности, учитывая небогатый опыт участия в военных действиях Китая, выступает проведение миротворческих операций под эгидой ООН [Дубровский, Худайкулова 2022] и проведение военных учений, в том числе под предлогом борьбы с международным терроризмом.

Затрагиваемая в статье проблематика нашла свое частичное отражение в работах исследователей китайской стратегии и военной мощи. Несмотря на ряд работ начала 2000-х гг., в которых проводилась мысль о беспочвенности страхов перед растущей мощи КНР [United States Post-Cold War Defence Interests 2004], сейчас утвердился консенсус о том, что рост и модернизация ВС КНР выступают фактором изменения региональной среды, открытым вызовом для сложившейся архитектуры международной системы и позиций США в ней. В связи с насущностью и значимостью данной проблемы, ряд изысканий носит алармистский характер, что выражается в интерпретации процессов развития военного потенциала НОАК как доказательства существования «китайской угрозы» [McReynolds, 2016; Sciutto 2019; Heath, Curriden, Frederick et al. 2021]. Сравнительно небольшое количество ученых предметно изучают стратегию и тактику применения

вооруженных сил КНР, а также функциональное значение террористической угрозы для развития ВС КНР. Среди таковых стоит выделить Э. Кордесмана, В.Б. Кашина, А.В. Шлындова, Д. Бласко, Шу Сяосуна, Б. Гилла и Чин-Хао Хуана [Cordesman, Kendall 2017; Kashin 2020; Шлындов 2019; Blasko 2019; Шу 2013]. Китайская военная стратегия применительно к региону Центральной Азии и в контексте борьбы с нетрадиционными угрозами отдельно изучается в работах Н. Яу, Р. Пантуччи, М. Дюшатель, М. Саутерленд, У. Грин, С. Яник и др. [Yau 2022; Pantucci 2019; Duchâtel 2019; Southerland, Green, Janik 2020],

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей использования Китаем форматов международного сотрудничества по вопросам борьбы с терроризмом в регионе Центральной Азии для развития экспедиционных возможностей собственных вооруженных сил. Ключевой гипотезой исследователей выступает утверждение, что КНР использует комплекс контртеррористических мероприятий в двусторонних, минилатеральных и многосторонних форматах для проецирования военной мощи с целью защиты своих «зарубежных интересов» в регионе Центральной Азии.

Методология исследования заключается в применении системного подхода для анализа процесса создания КНР институционализированных практик для развития экспедиционных возможностей национальных вооруженных сил посредством реализации межгосударственного сотрудничества по борьбе с терроризмом. Поскольку архитектура контртеррористической безопасности имеет многоуровневый характер, то авторы изучат меры по наращиванию экспедиционного потенциала, связанные с политикой КНР на всех данных уровнях: двустороннем, минилатеральном и многостороннем. Опираясь на парадигму структурного реализма, развитие экспедиционных возможностей авторы рассматривают как меру укрепления баланса возможностей и обеспечения безопасности в

условиях обострения стратегической конкуренции США и КНР.

Значение борьбы с терроризмом в общем спектре «зарубежных интересов» Китая.

Безопасность «зарубежных интересов» (海外利益) – важная составляющая общей системы национальной безопасности Китая. Ее актуализацию часто связывают с интеграцией Китая в мировую систему и поступательным экономическим ростом, требующим бесперебойного доступа к энергетическим ресурсам, стратегическим цепочкам поставок одновременно с обеспечением безопасности иностранных граждан и юридических лиц. При этом оптимальным *modus vivendi* в зонах зарубежных интересов Китая является неэсклюзивная (非排他性) и неантагонистическая (非对抗性) стратегическая обстановка¹. Особое внимание при этом уделяется периферии Китая, где проблемы национальной безопасности КНР усиливаются турбулентностью в мирополитической системе [Виноградов 2021: 29]. В целом, наибольшее количество угроз, с точки зрения КНР, имеет историческую обусловленность («проблема национального единства») или исходит из сопредельных регионов (ЮКМ, ВКМ, Корейского полуострова). При обострении стратегической конкуренции данные «болевы точки» могут быть использованы для дестабилизации периферии Китая, что может привести к превентивному сдерживанию внешнеполитической активности данного государства на отдаленных рубежах.

Однако при фокусировании на традиционных угрозах военно-политическое руководство не упускает из виду нетрадиционные угрозы безопасности,

борьба с которыми требует принципиально иных средств и методов. Особое положение занимает борьба с терроризмом. Усилия Китая по борьбе с этой угрозой в настоящее время сосредоточены главным образом на Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где проживает национальное меньшинство, преимущественно исповедующее ислам. Территория Синьцзяна может стать плацдармом для распространения политического радикализма, в том числе через деятельность боевиков сепаратистской организации «Исламского движения Восточного Туркестана». Быстро расширяющиеся «зарубежные интересы» Китая и соседство со странами с серьезными проблемами с терроризмом усиливают чувство уязвимости КНР перед данной угрозой за ее пределами и побуждают к совершенствованию средств защиты ее граждан за рубежом. Китай также обеспокоен тем, что некоторые международные террористические группировки за пределами его границ могут повлиять на ситуацию в Синьцзяне.

15 июня 2001 г. по инициативе КНР, где уже сложилась идеологема «трех сил зла» – «международный терроризм, этнический сепаратизм и религиозный экстремизм», а также «трансграничная преступность» (в основном морское пиратство и контрабанда наркотиков), – на саммите ШОС была подписана «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»². В мае 2002 г. делегация КНР представила на совещании старших должностных лиц Регионального форума АСЕАН «Стратегический документ КНР по укреплению сотрудничества в сфере нетрадиционной безопасности», излагающий новую версию концепции безопасности ШОС. Это был первый документ правительства Китая, в котором официально использовали термин

¹ 2015年中国国防白皮书《中国的军事战略》 [«Военная стратегия Китая». Белая книга по национальной обороне Китая. 2015 г.] // China Daily. 26.05.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-5-28/cd_20821000.html (дата обращения: 27.05.2022).

² Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом / Сайт Президента РФ. 14.06.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 31.05.2022).

«нетрадиционная безопасность»¹. Впервые в официальном документе КПК этот термин был зафиксирован 8 ноября 2002 г. в отчетном докладе Цзян Цзэминя XVI съезду КПК: «Факторы традиционных и нетрадиционных угроз безопасности переплетаются, и угроза терроризма повышается... Новая концепция безопасности КНР строится на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и координации действий между странами»².

Перевороты и народные восстания в Узбекистане и Кыргызстане 2005 г. вызвали опасения по поводу переноса деятельности террористов на территорию КНР [Cooley 2012: 82]. После нескольких терактов с участием уйгуров в 2008 г., включая столкновения между уйгурами и ханьцами в Урумчи, столице Синьцзяна, Пекин усилил свое внимание к тому, что, по его мнению, было актами уйгурского терроризма [Greitens 2020: 22–23].

Начиная с 2014 г. присоединение уйгуров к гражданской войне в Сирии и заявленное намерение некоторых вернуться в Китай для активизации террористической деятельности вызвали у правительства беспокойство тем, что боевики могут угрожать китайским экономическим интересам в Афганистане, Центральной Азии и Пакистане [Stanzel 2018]. Теракт в посольстве КНР в Кыргызстане 2016 г. подтвердил данные опасения. Дополнительные риски привносит и нестабильная политическая ситуация в Афганистане, особенно после вывода из страны военного контингента США и свержения гражданского правительства [Цянь 2021: 16]. Политическая нестабильность в Пакистане, возникшая

после выдвижения Парламентом ИРП вотума недоверия бывшему премьер-министру И. Хану в апреле 2022 г., также привела к усилению террористической активности, из-за которой пострадали китайские граждане³. Таким образом, насущность усиления комплекса мер борьбы с террористическими угрозами на западных границах Китая лишь возрастает, что нашло отражение в политических шагах КНР в отношениях со странами Центральной Азии.

Участие Китая в структурировании региональных контуров модели безопасности от угрозы терроризма

Китай творчески подошел к защите от угрозы терроризма, предпочитая бороться с ней на ближних подступах к собственной границе. С этой целью КНР последовательно проводила политику по созданию модели безопасности по периметру своих сухопутных границ – в регионе Центральной Азии. Краеугольным камнем данной модели выступает многосторонний институт Шанхайская организация сотрудничества, в которую входит также Россия, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Индия, Пакистан и Иран, а наблюдателями являются Белоруссия, Монголия и Афганистан. Пекин последовательно использовал ШОС в качестве механизма для противодействия терроризму. В 2002 г. Китай участвовал в создании Региональной антитеррористической структуры ШОС, которая выступает оперативным органом для координации деятельности спецслужб.

Китай стремится, по словам Председателя КНР Си Цзиньпина, «построить надежный барьер региональной безопасности» через ШОС, расширяя возможности Китая в удалении оборонительного периметра дальше к западу⁴. Он преследовал эту цель путем

¹ 关于加强非传统安全领域合作的中方立场文件 [Стратегический документ КНР по укреплению сотрудничества в сфере нетрадиционной безопасности]. 2002. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/691408440323344524.html> (дата обращения: 30.05.2022).

² 江泽民在中共十六大上的报告全文 [Полный текст доклада Цзян Цзэминя на 16-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая] // 新华社. URL: <http://www.dzwww.com/xinwen/xinwenzhuanli/qzsljdk/xwzx/200211210945.htm> (дата обращения: 30.05.2022).

³ Blood of Chinese people cannot be shed in vain: FM condemns terrorist attack that killed 3 Chinese in Pakistan // Global Times. Apr 26, 2022. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202204/1260412.shtml> (accessed: 30.05.2022).

⁴ 团结互助 共迎挑战 推动上海合作组织实现新跨越 [Объединяйтесь и помогайте друг другу справляться с вызовами и продвигать Шанхайскую организацию сотрудничества для достижения нового рывка вперед] // 新华网. 10.07.2015. URL:

расширения обмена разведанными и укрепления возможностей правоохранительных органов стран-членов по подавлению внутренних беспорядков и предотвращению террористической и сепаратистской деятельности. Например, с 2014 г. Министерство общественной безопасности Китая обучает должностных лиц ШОС в своем Китайском Национальном институте международных обменов и судебного сотрудничества ШОС по программе «Борьба с терроризмом и транснациональной преступностью» [Kley 2019: 83-84].

Кроме укрепления многосторонних институтов Китай учредил минилатеральный (от англ. *minilateral*) формат с узкой ориентацией на решение контртеррористических задач и обеспечения безопасности западной границы КНР. По словам младшего научного сотрудника Королевского института объединенных служб Соединенного Королевства Р. Пантуччи по причине ограниченного инструментария ШОС в контртеррористической области в августе 2016 г. в Урумчи состоялось первое заседание Четырехстороннего механизма сотрудничества и координации (QCCM) [Pantucci 2019: 64]. QCCM институционализирует военное сотрудничество Китая с Афганистаном, Пакистаном и Таджикистаном (тремя странами, уязвимыми для террористической активности) и создает механизм ежегодных заседаний рабочей группы¹. Этот формат предусматривает обмен разведанными и программы взаимного обучения специалистов четырех стран в контексте борьбы с террористическими угрозами,

связанными с ситуацией в Афганистане. В рамках QCCM в августе 2017 г. в Душанбе были подписаны два соглашения: Соглашение о Координационном механизме в борьбе с терроризмом вооруженных сил четырех стран и Протокол о Координационном центре по борьбе с терроризмом ВС четырех стран.

После возвращения к власти движения Талибан в 2021 г. данный формат не задействовался для решения актуальных задач. Китай предпочел координировать свою политику, используя механизм встречи министров иностранных дел соседних с Афганистаном стран, а именно Ирана, Пакистана, России, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. С сентября 2021 г. прошло три встречи, последняя из которых состоялась в Тунси, провинция Аньхой 31 марта 2022 г.²

Наконец, не менее важным направлением укрепления региональной модели безопасности в контексте борьбы с терроризмом выступает двустороннее взаимодействие со странами Центральной Азии. Любое обсуждение сотрудничества по такой специфичной теме, как борьба с терроризмом, которая требует от стран высокой степени взаимодоверия и готовности делиться информацией, находящейся в статусе государственной тайны, сначала проводится между высокопоставленными должностными лицами, такими как главы государств. Затем реализация и рабочие обсуждения делегируются соответствующим министрам. О степени важности двустороннего сотрудничества говорит интенсивность встреч на высоком уровне. С 1990-х по 2021 гг. КНР и Кыргызстан провели не менее 80 двусторонних встреч, где затрагивались вопросы нетрадиционной безопасности; КНР и Казахстан провели не менее 55; КНР и Узбекистан провели не менее 64; КНР и Таджикистан провели не менее 53; и КНР и

http://www.xinhuanet.com/world/2015-07/10/c_1115889092.htm (дата обращения: 30.05.2022).

¹阿中巴塔“四国机制”联合工作组年终会议在京举行 [В конце года в Пекине состоялось заседание Совместной рабочей группы “Механизма четырех стран” Афганистана, Таджикистана, Китая, Пакистана] / 中华人民共和国驻阿富汗伊斯兰共和国大使馆. 27.01.2019. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceaf/chn/sgxw/t1632739.htm> (дата обращения: 27.05.2022).

² Joint Statement of the Third Foreign Ministers' Meeting Among the Neighboring Countries of Afghanistan // Ministry of Foreign Affairs of China. 31.03.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202203/t20220331_10658230.html (accessed: 27.05.2022).

Туркменистан провели не менее 25 [Yau 2022: 22]. В 2010-х гг. цель устранения предполагаемого влияния «Исламского движения Восточного Туркестана» в Кыргызстане и Таджикистане привела к обсуждению расширения практического сотрудничества в области безопасности в форме передачи оборудования, обучения персонала и военных учений. С другой стороны, в обсуждениях вопросов безопасности между КНР и Узбекистаном, а также КНР и Казахстаном *большой* акцент делается на сотрудничестве в рамках многосторонних механизмов.

В 2019 г. был введен новый «межведомственный механизм» (双跨机制) в диаде КНР-Кыргызстан и КНР-Казахстан. Этот механизм был создан для решения конкретных вопросов безопасности непосредственно с органами безопасности¹. Для координации работы данных механизмов была учреждена должность Комиссара по внешней безопасности МИД КНР, которую занимает Г-н Чэн Гопин. В отличие от двусторонних встреч по сотрудничеству в области безопасности, межведомственный механизм позволяет Пекину при необходимости получить прямой доступ к спецслужбам стран Центральной Азии. Кроме того, Комиссар по внешней безопасности как должностное лицо более информирован и уделяет исключительное внимание всем внешним угрозам безопасности, нежели другие представители военно-политического

руководства КНР. В связи с усложнением ситуации в Афганистане данный межведомственный механизм, вероятно, появится в двусторонних отношениях с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном, которые интенсивно сотрудничают с Китаем по вопросу борьбы с терроризмом.

Развитие экспедиционных возможностей НОАК через институциональное сотрудничество КНР с региональными странами по борьбе с терроризмом

Одновременно с активным участием в выработке норм и правил по борьбе с нетрадиционными угрозами вдоль западной границы КНР использует созданные механизмы для улучшения потенциала развертывания собственных вооруженных сил. Китай находится на начальном этапе создания модели проецирования военной мощи через наращивание экспедиционного потенциала НОАК [Layne 2012: 206]. В 2004 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао объявил о «Новых исторических миссиях», в которых впервые официально была сформулирована необходимость армии Китая развивать возможности для защиты «зарубежных интересов», что привело к первым шагам развитию экспедиционных возможностей НОАК для поддержки военных операций за пределами Восточной Азии². А уже в Белой книге по обороне 2013 г., «зарубежные интересы» стали неотъемлемой составляющей национальных интересов Китая», что справедливо и до настоящего момента³. В целом развитие ВС НОАК подчинено собственной логике, которая

¹ 中国吉尔吉斯斯坦举行跨部门跨地区安全合作机制首次会议 [Китай-Кыргызстан провел первое заседание межведомственного и межрегионального механизма сотрудничества в области безопасности] / 中华人民共和国外交部. 02.12.2019. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/wjb/zygy/t1720821.htm> (дата обращения: 27.05.2022); 外交部涉外安全事务专员程国平同哈萨克斯坦安全会议第一副秘书长沙伊胡特季诺夫举行中哈双跨机制牵头人视频会议 [Комиссар Министерства иностранных дел по вопросам внешней безопасности Чэн Гопин и первый заместитель секретаря Казахской конференции по безопасности Шайхутдинов провели видеоконференцию с руководителями Китайско-казахстанского двустороннего механизма] // 潇湘晨报. 15.01.2021. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1688926829353674703&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 27.05.2022).

² 履行新世纪新阶段军队历史使命 [Реализация исторической миссии армии на новом этапе новой эпохи] // 知史明道. 29.06.2021. URL: http://www.wenming.cn/hsw/hxydll/dsgs/202106/t20210629_6097522.shtml (дата обращения: 30.05.2022).

³ 2013年中华人民共和国国防白皮书 [Белая книга Китайской Народной Республики по национальной обороне за 2013 год] / 中华人民共和国国务院办公厅. URL: <http://www.doczj.com/doc/94cdd33c9b6648d7c1c74670-22.html> (дата обращения: 29.05.2022).

выражена в стратегических задачах, стоящих перед НОАК (см. рис. 1)¹.

Рисунок 1.

Главным посылом нового этапа теоретической проработки модернизации военного потенциала КНР к 2027 г. стала ориентация на создание объединения войск различной видовой и родовой принадлежности в единую организационно-штатную структуру на оперативно-стратегическом уровне с участием «всех служб и родов войск». Замысел данного процесса сводился к достижению возможностей проводить «интегрированные совместные операции» (协同联合作战) [Шу 2013: 206-207], в которых были бы созданы условия для единого командования и управления, быстрого маневра, комплексного ударного потенциала, а также оперативной поддержки, материально-технического обеспечения для различных объединений.

Для решения отдельных функциональных задач в рамках экспедиционных операций в ходе очередного раунда военной реформы в 2015–2016 гг. был создан ряд организационных структур. Так в целях «преодоления иерархической дифференциации между стратегическим, оперативным и тактическим уровнями»

[Тан, Му 2014: 31] и развития межвидовой интеграции на каждом уровне командования был создан *Объединенный штаб ЦВС КПК*, который состоит из руководителей всех видов ВС. На этот орган возложены задачи осуществлять на межвидовой основе боевое планирование и управление войсками [Кокошин 2017]. В марте 2016 г. при Оперативном управлении ОШ ЦВС КПК появился *Отдел зарубежных операций*. Под его юрисдикцию попадает привлечение ВС КНР к контртеррористическим операциям, которые могут осуществляться во всех зонах, где, по мнению военно-политического руководства, появляется угроза национальным интересам.

Ключевыми структурами, ответственными за противодействие терроризму, выступают Народно-освободительная армия Китая (НОАК) и Народная вооруженная милиция (НВМ) – военизированное формирование, ответственное в первую очередь за поддержание внутренней безопасности в Китае, – деятельность которых в рамках вектора на достижение возможностей «интегрированных совместных операций» координируется из одного центра [Tanner, Bellacqua 2016: 86]. Для интегрированного использования НОАК и НВМ была создана правовая основа. Статья 78 Закона «О национальной безопасности Китая» предписывает всем элементам государственной власти поддерживать работу по защите национальной безопасности. В ней указано, что НОАК может играть важную роль в защите «зарубежных интересов», но для осуществления этой ответственности могут потребоваться ресурсы других структур² (от государственных служб до общественных организаций).

Принятый в 2015 г. первый в истории КНР Закон о противодействии терроризму

¹ Составлено авторами на основе 2019年《新时代的
中国国防》白皮书 [Белая книга 2019 г.

«Национальная оборона Китая в новую эпоху»] / 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL:

<http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (дата обращения: 30.05.2022); 全军和武警部队官兵深入学习贯彻党的十九届五中全会精神 [Вся армия и

Народная вооруженная милиция глубоко изучили и воплотили в жизнь дух Пятого Пленума 19-го съезда ЦК Партии] / 国防部网. 26.11.2020. URL:

http://www.mod.gov.cn/jzhzt/2020-11/26/content_4874636.htm?from=timeline&isappinstall ed= 0 (дата обращения: 30.05.2022).

²中华人民共和国国家安全法 - 全文 [Закон о национальной безопасности Китайской Народной Республики] / 国防部网. 01.07.2015. URL: http://www.81.cn/2018gjaqjyr/2017-04/07/content_8002237_3.htm (дата обращения: 30.05.2022).

обеспечивает правовую основу для участия ВС КНР в контртеррористических операциях за рубежом. Статья 71 уполномочивает НОАК и НВМ «отправлять персонал за границу для выполнения контртеррористических задач, утвержденных Центральной военной комиссией», хотя в ней не указан перечень возможных задач¹. Таким образом, на данный момент в КНР созданы необходимые правовые механизмы, уполномочивающие вооруженные силы действовать за рубежом. Однако для создания полноценной модели развертывания необходимы межправительственные соглашения с суверенными государствами, а также создание многосторонних форматов для повышения качества в проведении неспецифичных для военной истории КНР экспедиционных операций.

Дипломатическое взаимодействие является ключевым компонентом развития Китая возможностей проецирования силы. Такое взаимодействие, особенно связанное с подготовкой к учениям ШОС, позволило Китаю приобрести важный опыт отработки формальных процедур соглашения о юридическом статусе контингентов, участвующих в учениях, который он мог бы применить в будущих экспедиционных операциях.

В 2008 г. было подписано Соглашение государств-членов ШОС «О порядке организации и проведения совместных контртеррористических учений государствами-членами ШОС», в котором четко определены юридические права и обязанности вооруженных сил государств-членов ШОС, посещающих другую страну для проведения учений². Доцент Военно-

морского колледжа США А.Б. Кардон отметил, что это Соглашение устанавливает правовые отношения аналогичные тем, которые США достигают двусторонними соглашениями «О временном статусе сил» [Kardon 2019: 4].

Начиная с «Учений-01» 2002 г. КНР в рамках ШОС участвует в контртеррористических учениях за пределами собственных границ, в ходе которых активно используются специфичные для проведения экспедиционных операций рода войск и отрабатываются задачи аналогичные тем, которые могут стать типовыми при проведении миссии за рубежом. Представленные в таблице 1 учения ШОС предоставили НОАК первые возможности для отработки ключевых навыков проецирования силы.

Таблица 1.
Контртеррористические учения ШОС за пределами КНР (2002-2021 гг.)³

Название учений	Страна проведения	Рода войск ВС КНР, задействованные в учениях	Количество контингента ВС КНР
Учения-01	Киргизия	Силы специальных операций (ССО), пограничные войска	100
Союз-2003	Казахстан	СВ (пехота, артиллерия), персонал НВМ и силы поддержки	700
Восток-антитеррор-2006	Узбекистан	ССО	н/д
Взаимодействие-2006	Таджикистан	ССО, военно-транспортная авиация (ВТА), вертолетное крыло	150
Сотрудничество-2007	Россия	Силы специального назначения НВМ (СпН НВМ), ВТА	н/д
Мирная миссия-2007	Россия	СВ (32 вертолета), ВВС (8 истребителей-бомбардировщиков) ВТА, комплексные группы поддержки	1600
Норак-антитеррор-2009	Таджикистан	н/д	н/д
Мирная миссия-2010	Казахстан	ВВС (2 истребителя; 4 бомбардировщика; самолеты-заправщики, самолеты ДРЛО); СВ (боевые группы, танки); силы поддержки	1000
Мирная миссия-2012	Таджикистан	СВ (6 вертолетов, мотострелковая рота, артиллерийское отделение, силы поддержки)	369
Мирная миссия-2013	Россия	ВВС (истребители-бомбардировщики, вертолеты); СВ (танки, САО, силы поддержки)	600
Сотрудничество-2016	Россия	СпН НВМ, вертолеты, бронетехника	100
Мирная миссия-2016	Киргизия	самолеты, вертолеты, артиллерия, бронетехника	270
Мирная миссия-2018	Россия	ССО; СВ (4 ударных вертолета танки); ВВС (2 истребителя, 4 истребителя-бомбардировщика); ВТА (8 транспортных самолетов и 4 транспортных вертолета).	743
Сотрудничество-2019	Узбекистан	НВМ	н/д
Сотрудничество-2019	Таджикистан	ССО, истребители, истребители-бомбардировщики, БПЛА	н/д
Сотрудничество-2019	Россия	СпН НВМ	н/д
Мирная миссия-2021	Россия	СпН НВМ, бронетехника, артиллерия, ВДВ	550

¹中华人民共和国反恐怖主义法 [Закон о борьбе с терроризмом Китайской Народной Республики] // 湘西州公安局. 27.12.2015. URL: http://gaj.xx.gov.cn/zwgk_149/fdxgknr/zcwj/bmwj/2011/t20201127_1752204.html (дата обращения: 30.05.2022).

² Соглашение «О порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений государствами - членами Шанхайской организации сотрудничества». 28.08.2008. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001201312>

260003?type=pdf&ysclid=l3syz3pxec (дата обращения: 30.05.2022).

³ Составлено авторами на основе 联合军演 [Совместные военные учения] / 中华人民共和国国防部. URL: http://www.mod.gov.cn/action/node_46956.htm (дата обращения: 29.05.2022).

Одним из способов, с помощью которых учения ШОС усиливают возможности Китая по проецированию силы, является предоставление ВС КНР возможности практиковаться в транспортировке и поддержании боевых подразделений за пределами границ Китая. В ходе учений под эгидой ШОС целые подразделения НОАК различной видовой принадлежности, иногда насчитывающие более 1000 чел. личного состава, проводили воздушно-наземные операции с непосредственным применением обычных средств ведения войны. Так в 2007 г. ВС КНР провели первую крупномасштабную тренировочную операцию, которая потребовала перевозку целых подразделений и тяжелой техники из различных военных частей КНР¹. В 2012 г. НОАК осуществляла перевозку на рекордные 1000 км через третьи страны для участия в совместных военных учениях². В ходе многосторонних учений ШОС 2018 г. НОАК развернула сводное авиационное крыло из двух больших транспортных самолетов, шесть средних транспортных самолетов и четырех транспортных вертолета, что, по-видимому, является крупнейшим развертыванием Китая единиц ВТА на учениях ШОС. Это позволило НОАК отработать сценарий переброски батальона (800 чел.) за рубеж [Southernland, Green, Janik 2020: 16].

Учения ШОС служат испытательным полигоном для апробации организационных навыков командования новых оперативно-стратегических районов [дословно: «районов войны» – 战区], которые заменили собой военные округа, в руководстве экспедиционными операциями. С 2016 г., когда НОАК перешла с системы военных

округов на оперативно-стратегические районы, Китай использовал новую командную структуру по крайней мере в двух учениях со странами ШОС. Например, новое командование Западного ОСР возглавило участие НОАК в учениях ШОС в Кыргызстане в 2016 году³. Это зафиксировало намерение Пекина использовать командования ОСР не только для операций по защите территории и морской периферии Китая, но и для проведения наступательных действий. После учений в Кыргызстане командующий китайским контингентом заявил, что командная структура ОСР «очень подходит» для проведения экспедиционных контртеррористических операций, высоко оценив отлаженную систему единого и эффективного совместного командования и плавной интеграции командования и связи. В 2018 г. командование Северного ОСР возглавило силы НОАК, участвовавшие в российских общевойсковых учениях «Восток»⁴. Как в ходе учений 2016 г., так и в 2018 г. руководство ЦВС развернуло за рубежом командные пункты для оперативного управления войсками.

Если оценивать функциональное значение задействованных родов войск и использованного вооружения и военной техники, то можно сделать вывод, что учения ШОС предоставляют НОАК уникальные возможности для подготовки к ведению боевых действий в зарубежных странах с использованием как тяжелой техники, так и боевых самолетов. Сценарии учений несмотря на то, что они описываются как «контртеррористические» иногда включают в себя окружение и

¹中俄“合作—2007”联合反恐演习在莫斯科拉开序幕 [В Москве стартовали совместные контртеррористические учения Китая и России “Сотрудничество-2007”] // Xinhua. September 3, 2007. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2007-09/03/content_735509.htm (дата обращения: 30.05.2022).

² Yan Meng, Ma Qian. SCO Member States Hold ‘Peace Mission 2012’. Drill in Tajikistan // People’s Daily. June 15, 2012. URL: <http://en.people.cn/90786/7846872.html> (accessed: 30.05.2022).

³ “和平使命-2016”反恐演习 中方指挥员解读新亮点 [Контртеррористические учения “Мирная миссия-2016”, китайские командиры интерпретируют новые основные моменты] // 解放军报. 20.09.2016. URL: <http://military.people.com.cn/n1/2016/0920/c1011-28726501.html> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴ “东方-2018”战略演习中俄联合战役演练正式开始 [Официально стартовали Совместные китайско-российские стратегические учения “Дунфан-2018”] // 人民日报. 11.09.2018. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1611271604572862090&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 30.05.2022).

уничтожение лагерей боевиков с применением танков и артиллерии, а также возвращение территории, захваченной боевиками в ходе обычных наземных операций, даже если они ограничены по масштабу [Lowsen 2015: 262]. Например, во время учений Мирная миссия-2021 подразделения ВС КНР участвовали в окружении условной группы боевиков с помощью беспарашютного десантирования и маневра колесных танков с боевыми машинами пехоты¹. На учениях ШОС также применяются новинки техники ВВС. Например, в ходе многосторонних учений ШОС в 2010 г. НОАК развернула воздушные самолеты раннего предупреждения и управления в составе объединенной боевой авиационной группы наряду с бомбардировщиками, истребителями и самолетами-заправщиками².

Отдельно стоит выделить стремление Китая использовать учения ШОС для повышения уровня боевой выучки подразделений сил специальных операций СВ НОАК и сил специального назначения Народной вооруженной милиции. Развитие сил специального назначения [特种作战] как узкоспецифичного инструмента проведения экспедиционных операций выступает одним из приоритетов военной модернизации Китая³ наряду с созданием оперативно-

боевых бригадных групп морской пехоты (ВМС НОАК) и воздушно-десантных войск (ВВС НОАК). Желаемой целью руководства КНР выступает оттачивание готовности вооруженных сил к десантным операциям и проведению глубоких разведывательных и диверсионных действий в интересах общевойсковой армии или интегрированной целевой группы⁴.

Характер задач и интенсивность учений позволяет подтвердить вывод подполковника военной разведки армии США и аналитика Д.Дж. Бласко, что благодаря учениям ШОС силы специального назначения НОАК начинают переходить к более широким возможностям, соответствующим структурным подразделениям в ВС США и РФ [Blasko 2019: 30].

В ходе контртеррористических учений Пекин также приобрел важный опыт по ведению переговоров о правах на пролет и использование иностранных аэродромов, транзита через третью страну и логистической поддержке принимающей страны. Например, Китай использует аэродромы в Центральной Азии или России во время учений ШОС⁵. Соглашения, заключенные в мирное время для учебных учений, не гарантируют, что аналогичные договоренности могут быть достигнуты во время кризиса. Тем не менее, они предоставляют Пекину важный опыт координации действий с третьими странами,

¹ Возвели в степи: под Оренбургом страны ШОС отработали антитеррористические учения // Известия. 24.09.2021. URL: <https://iz.ru/1225925/anton-lavrov/vozveli-v-stepi-pod-orenburgom-strany-shos-otrabotali-antiterroristicheskie-uchenija> (дата обращения: 30.05.2022).

² China Tries Long-Distance Air Attack Mode in Drill // Xinhua. September 21, 2010. URL: https://www.chinadaily.com.cn/imqq/china/2010-09/21/content_11336139.htm (accessed: 30.05.2022).

³ После реформ 2015-2016 гг. ЦВС был взят курс на создании «армии нового типа», которая меньше по размеру, но более мобильна и подходит для развертывания за рубежом для защиты «зарубежных интересов» Китая. На практике этот курс воплощается в частичном отказе от дивизий советского типа и переходе на систему «армия — бригада — батальон» [军—旅—营] она сосредоточилась на развитии своих сил специальных операций, вертолетов и легких механизированных средств. См. 2015年中国国防白皮书《中国的军事战略》[«Военная стратегия Китая». Белая книга по

национальной обороне Китая. 2015 г.] // China Daily. 26.05.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-5-28/cd_20821000.html (дата обращения: 30.05.2022); Don Tse. China's Americanized Military // The Diplomat. December 13, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/12/chinas-americanized-military/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴ 2019年《新时代的中国国防》白皮书 [Белая книга 2019 г. «Национальная оборона Китая в новую эпоху»] / 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро Гос. Совета КНР]. URL: <http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵ “和平使命-2018”联合反恐战役震撼打响 [Совместная контртеррористическая кампания “Мирная миссия-2018” началась с размахом] // 中国军网. 29.08.2018. URL: http://photo.81.cn/pla/2018-08/29/content_9266646.htm (accessed: 30.06.2022).

необходимый для создания модели проецирования силы.

Опираясь на свои дипломатические инициативы с государствами Центральной Азии, Китай предпринял новые шаги по расширению своего оборонительного периметра, создав военный аванпост и проведя свои маломасштабные военные операции в Центральной Азии, направленные на демонстрацию присутствия. С 2016 г. отряды Народной вооруженной милиции (до сотни сотрудников) размещены на пограничном посту в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, недалеко от слияния границ Афганистана, КНР и Таджикистана¹. По словам директора программы политических исследований института China Matters Д. ван дер Кли, с этого объекта НВМ патрулирует как Горно-Бадахшанскую автономную область, так и Ваханский коридор [Kley 2019: 85]. Операции НВМ координируются через Четырехсторонний механизм сотрудничества и координации (QCCM) и осуществляются совместно с органами безопасности стран-партнеров [Duchâtel 2019: 13].

С постепенным развитием и становлением Китая в качестве великой державы изменилось восприятие целого ряда событий и явлений как представляющих значимость для стабильной обстановки «мирного возвышения» КНР. Это привело к концептуализации «зарубежных интересов», которым угрожает, в том числе, и международный терроризм. Борьба с новым видом угроз потребовало от руководства КНР сосредоточить внимание на развитие экспедиционной мощи ВС КНР, где особую важность играет НОАК и Народная вооруженная милиция, между которыми

существует относительно четкое разграничение ролей.

Для развития проецирования силы КНР задействует многосторонние, минилатеральные и двусторонние механизмы, позволяющие устанавливать контакты со спецслужбами, кооперироваться для патрулирования общих участков границы, а также легализировать статус военнослужащих КНР в странах-партнерах. Особое внимание при этом уделяется взаимодействию со странами Центральной Азии для создания оборонительного периметра, предвосхищающего инфильтрацию террористов на территорию Китая и особенно в Синьцзян-Уйгурский автономный район, где существуют сепаратистские настроения, артикулировано выражающиеся в деятельности «Исламского движения Восточного Туркестана». При этом особым инструментом развития экспедиционного потенциала выступает практика контртеррористических учений, проходящих под эгидой ШОС.

Через ШОС Китай развивает возможности проецирования силы, которые он начал использовать в контртеррористических целях на постоянной основе в форме патрулей Народной вооруженной милиции в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Более того, КНР повышает командные навыки по развертыванию контингента, апробирует реформированные организационные структуры, относительно молодые и специфичные рода войск и подразделения (ССО, СпН НВМ, ВДВ), оттачивает модель «интегрированных совместных операций» (несколько видов ВС и НВМ), тестирует технологичные новинки в полевых условиях и обучает персонал в условиях максимально приближенных к боевым. Данные преимущества могут послужить экстраполяции навыков развертывания ВС КНР с региона Центральной Азии на остальные регионы, где сосредотачиваются «зарубежные интересы» Китая. Это станет весомым рубежом на пути формирования Китаем

¹ Shih, G. Chinese Troops Sit on Afghanistan's Doorstep // Washington Post. February 18, 2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-central-asias-forbidding-highlands-a-quiet-newcomer-chinese-troops/2019/02/18/78d4a8d0-1e62-11e9-a759-2b8541bbbe20_story.html (accessed: 30.06.2022).

модели глобального развертывания, что видится закономерным ввиду стратегической конкуренцией между США и КНР и формирующейся биполярностью в системе международных отношений.

Стоит при этом отметить, что стремление КНР оттачивать навыки проведения экспедиционных операций в рамках учений ШОС позволяет создать задел совместимости на случай дальнейшего ухудшения международной обстановки. Фактически в ШОС созданы все необходимые механизмы для приобретения ВС стран-членов организационных, технологических, оперативных

возможностей для совместных военных действий различного масштаба, не закрепляя формально обязательств по использованию их. Углубление данной практики элементами совместного военного планирования и мерами по осуществлению оперативной совместимости войск, а также расширения сотрудничества на военно-промышленную сферу позволило бы использовать институциональный потенциал ШОС для формирования единой силовой составляющей «Коллективного НеЗапада» без формального установления союзных обязательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов А.В.* «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 3. С. 23-32.
- Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В.* США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231.
- Дубровский И.Р., Худайкулова А.В.* Миротворческая деятельность как инструмент развития потенциала Народно-освободительной армии Китая // *Проблемы национальной стратегии*. 2022. № 2 (71). С.102–126.
- Кокошин А.А.* Военная реформа в КНР: военно-стратегические, политические и организационно-управленческие аспекты // *Российский совет по международным делам*. 10.01.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/voennaya-reforma-v-knr-voenno-strategicheskie-politicheskie/> (дата обращения: 04.11.2021).
- Шлындов А.В.* Вооруженные силы Китайской Народной Республики. Очерки: монография / Ред.-сост. Н.В. Анисимцев. М.: ИДВ РАН, 2019. 184 с.
- Blasko, D.J.* The PLA Army after ‘Below the Neck’ Reforms: Contributing to China’s Joint Warfighting, Deterrence and MOOTW Posture // *Journal of Strategic Studies*. December 27, 2019. P. 1-35.
- Cooley, A.* Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. L.: Oxford University Press. 2012. 272 pp.
- Cordesman, A.H., Kendall, J.* Chinese Strategy and Military Modernization in 2017: A Comparative Analysis. Center of Strategic and International Studies. January 12, 2017. 734 p.
- Duchâtel, M.* Overseas Military Operations in Belt and Road Countries: The Normative Constraints and Legal Framework in Securing the Belt and Road Initiative / ed. by Nadège Rolland. Seattle: National Bureau of Asian Research. 2019. P. 7-19.
- Greitens, S.C.* Counterterrorism and Preventive Repression: China’s Changing Strategy in Xinjiang // *International Security*. 2020. Vol. 44. № 3. P. 9–47.
- Heath, T.R., Curriden, C., Frederick, B., Chandler, N., Kavanagh, J.* China’s Military Interventions: Patterns, Drivers, and Signposts. RAND Corp. 2021. 182 p.
- Kardon, I.B.* Hearing on a “World-Class” Military: Assessing China’s Global Military Ambitions // U.S.-China Economic and Security Review Commission. June 20, 2019. 14 pp.
- Kashin, V.* Resources, Trends, and Goals of Chinese Military Modernization in China’s Infinite Transition and its Limits Economic, Military and Political Dimensions / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Palgrave Macmillan. 2020. P. 41–62.
- Kley, D.V.D.* China’s Security Activities in Tajikistan and Afghanistan in Securing the Belt and Road Initiative / ed. by Nadège Rolland. Seattle: National Bureau of Asian Research. 2019. P. 71-91.

- Layne Ch.* This Time It's Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana // *International Studies Quarterly*. 2012. Vol.56. № 1. P. 203-213.
- Lowsen, B.* Like a Good Neighbor: Chinese Intervention through the Shanghai Cooperation Organization in The People's Liberation Army and Contingency Planning in China / ed. by Andrew Scobell. Washington: National Defense University Press. 2015. P. 251-279.
- McReynolds, J.* China's Evolving Military Strategy. W.: The Jamestown Foundation. 2016. 200 p.
- Pantucci, R.* The Dragon's Cuddle: China's Security Power Projection into Central Asia and Lessons for the Belt and Road Initiative in Securing the Belt and Road Initiative / ed. by Nadège Rolland. Seattle: National Bureau of Asian Research. 2019. P. 59-71.
- Sciutto, J.* The Shadow War - Inside Russia's and China's Secret Operations to Defeat America. San Francisco: Harper. 2019. 320 p.
- Southerland, M., Green, W., Janik, S.* The Shanghai Cooperation Organization: A Testbed for Chinese Power Projection. Washington: U.S.-China Economic and Security Review Commission. 2020. 30 pp.
- Stanzel, A.* Fear and Loathing on the New Silk Road: China Security in Afghanistan and Beyond // European Council on Foreign Relations. July 12, 2018. URL: https://ecfr.eu/publication/new_silk_road_chinese_security_in_afghanistan_beyond/ (accessed: 30.06.2022).
- Tanner, M.S., Bellacqua, J.* China's Response to Terrorism // U.S.-China Economic and Security Review Commission. June 2016. P. 81-99.
- United States Post-Cold War Defence Interests A Review of the First Decade / ed. by Karl P. Magyar. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2004. 281 p.
- Yau, N.* China's Security Management Towards Central Asia. Philadelphia: Foreign Policy Research Institute. April 2022. 22 p.
- 寿晓松: 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京:军事科学出版社. 2013. 287 с.
- 檀松, 穆永朋: 联合战术学 [Тан Сон, Му Юнпэнг. Наука о совместной тактике] // 军事科学出版社. 2014. № 5. С. 23-41.
- 钱雪梅: 阿富汗塔利班再度执政后的政治和解 [Цянь Сюэмэй. Политическое примирение после того, как афганские талибы снова пришли к власти] // 当代世界. 2021. № 10. С. 12-25.

REFERENCES

- Blasko, D.J.* (2019). The PLA Army after 'Below the Neck' Reforms: Contributing to China's Joint Warfighting, Deterrence and MOOTW Posture. *Journal of Strategic Studies*. 1-35.
- Cooley, A.* (2012). Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. L.: Oxford University Press. 272 p.
- Cordesman, A.H., Kendall, J.* (2017) Chinese Strategy and Military Modernization in 2017: A Comparative Analysis. Center of Strategic and International Studies, 734 p.
- Degterev D.A., Ramich M.S., Cvyk A.V.* SSHA — KNR: «vlastnyj tranzit» i kontury «konfliktnoj bipolyarnosti» // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 21. No 2. S. 210–231.
- Dubrovskij I.R., Hudajkulova A.V.* Mirotvorcheskaya deyatelnost' kak instrument razvitiya potenciala Narodno-osvoboditel'noj armii Kitaya // *Problemy nacional'noj strategii*. 2022. № 2 (71). S.102–126.
- Duchâtel, M.* (2019). Overseas Military Operations in Belt and Road Countries: The Normative Constraints and Legal Framework in Securing the Belt and Road Initiative / ed. by Nadège Rolland. Seattle: National Bureau of Asian Research. 7-19.
- Greitens, S.C.* (2020). Counterterrorism and Preventive Repression: China's Changing Strategy in Xinjiang. *International Security*, 44 (3), 9–47.
- Heath, T.R.* Curriden, C., Frederick, B., Chandler, N., Kavanagh, J. (2021) China's Military Interventions: Patterns, Drivers, and Signposts. RAND Corp., 182 p.

- Kardon, I.B.* (2019). Hearing on a “World-Class” Military: Assessing China’s Global Military Ambitions. U.S.-China Economic and Security Review Commission. 14 p.
- Kashin, V.* (2020) Resources, Trends, and Goals of Chinese Military Modernization in China’s Infinite Transition and its Limits Economic, Military and Political Dimensions / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Palgrave Macmillan, 41–62.
- Kley, D.V.D.* (2019). China’s Security Activities in Tajikistan and Afghanistan in Securing the Belt and Road Initiative / ed. by Nadège Rolland. Seattle: National Bureau of Asian Research, 71-91.
- Kokoshin A.A.* (2017). Voennaya reforma v KNR: voenno-strategicheskie, politicheskie i organizacionno-upravlencheskie aspekty. The Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/voennaya-reforma-v-knr-voenno-strategicheskie-politicheskie/> (accessed: 04.11.2021). (In Russian).
- Layne Ch.* (2012). This Time It’s Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana. *International Studies Quarterly*. 56 (1), 203-213.
- Lowsen, B.* (2015). Like a Good Neighbor: Chinese Intervention through the Shanghai Cooperation Organization in The People’s Liberation Army and Contingency Planning in China / ed. by Andrew Scobell. Washington: National Defense University Press, 251-279.
- McReynolds, J.* (2016) China’s Evolving Military Strategy. W.: The Jamestown Foundation, 200 p.
- Pantucci, R.* (2019). The Dragon’s Cuddle: China’s Security Power Projection into Central Asia and Lessons for the Belt and Road Initiative in Securing the Belt and Road Initiative / ed. by Nadège Rolland. Seattle: National Bureau of Asian Research, 59-71.
- Qian Xuemei* (2021). Afuhan taliban zaidu zhizheng hou de zhengzhi hejie [Political reconciliation after the Afghan Taliban came to power again]. *Dangdai shijie*, 10, 12-25. (In Chinese).
- Sciutto, J.* (2019) The Shadow War - Inside Russia’s and China’s Secret Operations to Defeat America. San Francisco: Harper, 320 p.
- Shlyndov A.V.* Vooruzhennyye sily Kitajskoj Narodnoj Respubliki. Ocherki: monografiya / Red.-sost. N.V. Anisimcev. M.: IDV RAN, 2019. 184 s.
- Shou Xiaosong* (2013). Zhanlüe xue [The Science of Military Strategy]. Beijing: Junshi kexue chuban she. 287 p. (In Chinese).
- Southerland, M., Green, W., Janik, S.* (2020). The Shanghai Cooperation Organization: A Testbed for Chinese Power Projection. Washington: U.S.-China Economic and Security Review Commission, 30 p.
- Stanzel, A.* (2018). Fear and Loathing on the New Silk Road: China Security in Afghanistan and Beyond. European Council on Foreign Relations. URL: https://ecfr.eu/publication/new_silk_road_chinese_security_in_afghanistan_beyond/ (accessed: 30.06.2022).
- Tan Song, Mu Yongpeng* (2014). Lianhe zhanshu xue [The Science of Joint tactics], 5, 23-41. (In Chinese).
- Tanner, M.S., Bellacqua, J.* (2016). China’s Response to Terrorism. U.S.-China Economic and Security Review Commission, 81-99.
- United States Post-Cold War Defence Interests: A Review of the First Decade / ed. by Karl P. Magyar. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2004. 281 p.
- Vinogradov A.V.* “Odnopolyarnaya Aziya”: kitajskij regional'nyj poryadok // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. T. 65. № 3. S. 23-32.
- Yau, N.* (2022). China’s Security Management Towards Central Asia. Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 22 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дубровский Иван Родионович, Ivan R. Dubrovskiy, applicant at the соискатель кафедры Теории и истории Department of Theory and History of международных отношений Российского International Relations, RUDN University. E-университета дружбы народов. E-mail: mail: 1032211914@rudn.ru 1032211914@rudn.ru

Инь Хуэй, соискатель кафедры Теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: 1032168455@rudn.ru

Костючек Светлана Владимировна, соискатель кафедры Теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: 1032211920@rudn.ru

Чжао Бовэнь, соискатель кафедры Теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: 1032158409@rudn.ru

Yin Huiyi, applicant at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. E-mail: 1032168455@rudn.ru

Svetlana V. Kostyuchek, applicant at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. E-mail: 1032211920@rudn.ru

Zhao Bowen, applicant at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. E-mail: 1032158409@rudn.ru

РЕЦЕНЗИЯ / REVIEW

Рецензия на фильм «Зоя». К вопросу о теме патриотизма в современном российском кинематографе

Н. П. Пархитко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>, e-mail: scharnchorst@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается критический анализ кинокартины, подготовленной в рамках политики по сплочению российского общества вокруг современной патриотической идеи. В материале автор рассуждает: в чем заключается эта идея и ее новизна? И, главное, – патриотическая ли она? Или же речь идет лишь о примитивной подмене понятий путем топорной замены Подвига советского народа на некую аморфную абстракцию под «соусом» современных «ценностей»? Не пытаются ли нам подменить абсолют Подвига, предложив вместо него дегероизацию, тщательно замаскированную под красивой картинкой и «интуитивно понятным» сценарием? На примере краткого анализа кинокартины «Зоя» 2021 автор старается дать ответ на этот крайне непростой вопрос.

Ключевые слова: Победа, кинематограф, манипуляция, дегероизация, политика.

Для цитирования: Пархитко Н. П. Рецензия на фильм «Зоя». К вопросу о теме патриотизма в современном российском кинематографе. Постсоветские исследования. 2022;5(5):561-564.

Review on the film «Zoya». To the issue of patriotism in modern Russian cinema production

Nikolay P. Parkhitko

RUDN University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>, e-mail: scharnchorst@mail.ru

Abstract. The article offers a critical analysis of the film, prepared within the framework of the policy of rallying Russian society around the modern patriotic idea. In the material, the author argues: what is this idea and its novelty? And, most importantly, is it patriotic? Or is it just a primitive substitution of concepts by clumsily replacing the Feat of the Soviet people with some amorphous abstraction under the "sauce" of modern "values"? Aren't they trying to replace the absolute of the Feat by offering instead antiheroization carefully disguised under a beautiful picture and an "intuitive" scenario? Using the example of a brief analysis of the film "Zoya" 2021, the author tries to answer this extremely difficult question.

Keywords: Victory, cinematography, manipulation, antiheroization, politics

For citation: Nikolay P. Parkhitko Review on the film «Zoya». To the issue of patriotism in modern Russian cinema production. Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies. 2022;5(5):561-564. (In Russ.)

Предметом нашего научно-диалектического анализа является кинокартина «Зоя» режиссеров Леонида Пляскина и Максима Бриуса. Фильм начинается сразу с выпускного бала, то есть за день до начала войны. Здесь в качестве диалектического отступления автор вынужден констатировать, что современные молодые актеры совершенно не

представляют, как им играть советских ребят довоенной поры. Причем, когда начинаются военные эпизоды картины, этот пробел не столь критичен. Минимальная игра мимикой, усиленная бесконечными спецэффектами и помноженная на динамичную картинку, придают военным сценам относительную убедительность. Но вот мирное, довоенное время им

практически не даётся. Причем, эта проблема характерна не только для «Зои», но и для подавляющего большинства современных картин на военно-историческую тематику. Актёры пытаются изобразить светлых, добрых, оптимистичных ребят, но на выходе получаются великовозрастные, притом, крайне неубедительные полу-роботы с пустым взглядом и заученным текстом. Содержание самого текста оставляет ощущение довлеющей натянутости и эмоциональной неестественности.

Продолжая тему актерского состава, нельзя не отметить, что выбор актрисы на роль самой Зои тоже весьма сомнителен. Внешнее сходство у девушек, по мнению автора, не наблюдается даже с известной долей натяжки. Исполнительнице роли Зои Анастасии Мишиной на момент съемок кинокартины было 27 лет, и на 18 она не выглядит. Более того, героиня смотрится слишком упитанной для военного времени. Итак, первое разочарование: визуальный образ главной героини оказался совершенно неубедительным. Кстати, аналогичным образом изображен и брат Шура, которому по фильму 15 лет, а играет его чуть ли не тридцатилетний актёр с проглядывающий чёрной щетиной, которую гримеры могли бы без труда замаскировать.

Впрочем, мирной жизни отводится лишь чуть более двух минут хронометража. В течение этого короткого отрезка времени зритель должен осознать, что Зоя – обычная девушка, которая жаждет любви. Но вот уже незапоминающийся зрителю возлюбленный Зои добровольцам отправляется на фронт, а через какое-то время приходит похоронка, и она решает мстить, что, судя по сценарию, является ее ключевым мотиватором. Вместе с другими комсомольцами-добровольцами она вступает в диверсионный отряд.

Обучение в диверсионной школе показано невнятно и суетливо. При просмотре эпизодов с подготовкой будущих диверсантов присутствует настойчивое впечатление, что их больше запугивают, чем обучают. Впрочем, когда дело доходит до реальной работы в тылу врага, лучше не становится. Например, перед поджогами в

деревне Петрищево Зоя также участвовала в минировании дороги. И хотя в реальности та операция прошла успешно, и молодые диверсанты отлично справились с задачей, в фильме для нагнетания драмы отряд совершает ряд необъяснимых глупостей, по причине которых случается перестрелка, и часть диверсантов погибает.

Да, этот эпизод теоретически можно оправдать по известному принципу «это же кино». С другой стороны, режиссеры будто намекают, что смотреть на успешные и грамотные действия комсомольцев неинтересно, пусть они ошибаются и погибают, даже если этого не было в жизни.

Разумеется, в фильме присутствует печально известное задание в Петрищево, ставшее для Зои роковым. Как и в реальности, Б. Крайнов, В. Клубков и З. Космодемьянская подожгли в деревне 3 избы. Согласно воспоминаниям очевидцев, равно как и по показаниям самой Космодемьянской, дома подожгла именно Зоя. Но вот в фильме девушка ничего не поджигает. Вместо этого она видит, как из избы выходит малолетний мальчик, и не решается применить зажигательную смесь. Все избы, по фильму, поджигает Б. Крайнов, что является дезинформацией зрителя!

При осмысленном анализе происходящего на экране, иначе как фарсом и умышленным смещением акцентов увиденное нельзя охарактеризовать. Начиная с того, что в разгар допроса Зои в кадре появляется харизматичный немецкий офицер в исполнении уже порядком приевшегося отечественной публике Вольфганга Черни, кочующего из фильма в фильм, словно на работу. Его герой говорит по-русски и даже цитирует Лермонтова. При этом он клишировано легко «ломает» Клубкова, но по непонятной причине испытывает симпатию и уважение к Зое! Типичный «благородный нацист» (образы которых мы уже неоднократно встречали в Т-34 или в «Девятаеве») едва ли не умоляет девушку о сотрудничестве. Режиссеры всячески подчеркивают его искреннее стремление сохранить ей жизнь. И хотя «благородный нацист» не хочет вешать Зою, но она молчит, стиснув зубы, и ему ничего

другого не остается, кроме как выполнить «непопулярный» приказ. Крестьянка оmyвает пленнице ноги, а наутро мученицу ведут на казнь под заунывный саундтрек «Русская голгофа». В описанном выше наборе сцен автор недвусмысленно усматривает не только аналогию, но практически апологию библейского сюжета. Насколько уместны спекуляции на библейскую тему в истории о советской комсомолке – вопрос риторический...

Автор выявляет ключевой вопрос, ответ на который, по замыслу режиссеров и сценариста должен дать фильм молодому поколению: за что шли умирать советские мальчишки и девчонки? Что ж, фильм дает предельно четкий и прямой ответ, идеально характеризующий, по нашему мнению, главную идею фильма: комсомолка Зоя Космодемьянская, оказывается, сражается «за братика Шурку, за мать, за трамвайчик и булочку ржаную, горячую прямо из печки»... Такой ответ странно звучал бы из уст девушки, назвавшейся именем Тани Соломахи, молодой революционерки, которую до смерти пытали белогвардейцы в гражданскую войну. По мнению авторов фильма, это тут ни к чему, да и белогвардейцы у нас теперь сплошь «герои и спасители святой Руси от большевиков-цареубийц». Такой ответ был немислим от комсомолки, читавшей вслух Маяковского в лесу в тылу врага. Поэтому в фильме не будет ни Маяковского, ни упоминания Тани Соломахи, ни детства Зои с её увлечениями и интересами. Это «лишнее», зато есть эпизод со справляющим нужду немецким солдатом, зато нам покажут, как трясущиеся диверсанты по-звериному жадно зализывают хлебные крошки с грязных пальцев, мародёрствуют, кашляют и стонут, бесцельно шатаясь по лесам. Станут ли такие диверсанты у ночного костра в тылу врага читать вслух пронзительные стихи про город-сад? Авторы твердо отвечают – нет!

Создатели фильма будто пытаются до предела упростить собственную задачу. Ведь если, по их мнению, у главной героини нет никакой личности, то зачем показывать зрителю становление, мотивы убеждения? Вместо этого демонстрируется тяжелый характер, совершенно излишнее в военной

драме подобного содержания любовное вожделение, жажду мести за потерянную любовь и «искупительные муки», местами напомнившие автору хронометраж фильма «Страсти Христовы» 2004 г. Очевидно, что подобные умышленные упрощения выглядят понятнее, а главное – безопаснее для современного зрителя.

В отличие от реальной Зои, Зоя-2020 не будет вслух читать Маяковского у костра в ночь перед заданием и не назовется немцам именем Тани в честь Тани Соломахи, Личность главной героини фильма не говорит зрителю практически ничего ни о её взглядах, ни о её убеждениях. Все, что предлагается в качестве раскрытия образа – это тяжёлый взгляд, сжатые губы и эпичное состригание волос. Истинная комсомолка-патриот не раскрывается никак: ни через диалоги, ни через действия.

Для сравнения – в советском фильме 1944 года нам показывали, как с детских лет в Зое росла любовь к Родине и одновременно с этим формировалась ненависть к фашистам. Сжигание книг, гражданская война в Испании, падение Парижа – всё это вызывало гнев и возмущение юной пионерки, а потом и комсомолки. Это из «Повести о Зое и Шуре», написанной их матерью, Л.Т. Космодемьянской, мы узнаем, что Зоя выросла на книгах Э.Л. Войнич, А.П. Гайдара и Н.А. Островского, на идеалах товарищества, честности и справедливости, возведённых в Абсолют. Она самоотверженно любила свою Родину и была уверена, что живет в самой правильной и справедливой стране, в которой вместо дворцов, кабаков и модных магазинов строили школы, больницы и институты, в которой всех от мала до велика учили грамоте, чем, кстати, занималась и сама Зоя в рядах Комсомольской организации. Именно в этом, на наш взгляд, заключается единственный ответ, за что сражалась историческая Зоя!

В этом мы видим истинный ответ, почему десятки и сотни тысяч молодых ребят – вчерашних школьников – самоотверженных, честных и бесстрашных рвались на фронт защищать страну! И что самое трагичное – большинство из них

погибли в этой страшной войне в те первые беспощадные и тяжёлые месяцы. Ведь если задуматься, это были лучшие рождённые дочери и сыны молодого социалистического Отечества, воспитанные не для героической смерти, а для созидательной и счастливой жизни, но этой жизни лишившиеся. Таким образом, Зоя – это монументальный пример того молодого, но героического поколения и одновременно символ его утраты.

Вообще, в квазипатриотическом сегменте отечественного кинематографа все очевиднее вырисовывается следующая тенденция: начиная примерно с «Т-34» методология подачи антисоветской пропаганды претерпела эволюцию. Теперь вместо прямой топорной антисоветчины (заградотряды со штрафбатами и ГУЛАГом) нам предлагают, говоря геймерским языком, «аркадный симулятор», в котором оставляют яркую картинку, но тщательно вычищают весь внутренний философский смысл, убирают всю идеологию, втихую подменяя коммунистическую Идею психоделической субкультурой, находящей активный отклик в молодежной среде.

Фильм «Зоя» - пример яркого и опасного пустышки-симулятора, подменяющего собой в сознании реальные подвиги реальных людей реальной эпохи! С какой целью это делается? Предполагаем, что причина во внутреннем содержании героев, их идеалах и убеждениях, которые не вяжутся с нынешней реальностью идеологического вакуума. Таким образом, налицо классический пример «окна Овертона» с его полярным диапазоном дискурса, где, с одной стороны, сражалась и погибла девушка, «такая же, как все», а с

другой – в качестве мотивации ее поступка нам предлагается трамвайчик и булочка.

Общее впечатление, которое оставляет концовка фильма – гнетущая безнадежность. Фильм поставлен таким образом, будто с гибелью главной героини закончилась война. Да девушка погибла, но ведь уже через 2 месяца все эти деревни будут освобождены. Немцы побегут от Москвы, а фотографии погибшей Зои найдут у убитого нациста. Зоя будет отомщена, а ее подвиг не будет напрасным. Концовка на светлой ноте, по мнению автора, была бы гораздо сильнее, чем голливудски выведенная слеза.

Завершая тему образа Зои, можно с некоторой долей удовлетворения указать на то, что авторам фильма не пришло в голову приписать ей шизофрению и слабоумие, как это с удовольствием делали в перестройку, не утруждая себя верификацией фактов. Да, в данном фильме обошлось без этого, но только картина при этом хорошим произведением отнюдь не стала. Ведь Зоя – не вымышленный персонаж, и её память требует бережного и уважительного отношения, и к ней самой, и к её идеалам. И самым беспроигрышным вариантом для сценариста и режиссеров фильма было бы пойти именно по этому пути. По факту же образ Зои Космодемьянской в указанной картине не только не раскрыт, но и грубейшим образом искажен в сторону примитивизма и маргинализации, что, к сожалению, вполне вписывается во все еще господствующую в отечественной киноиндустрии практику дегероизации Подвига Советского народа в Великой Отечественной войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Пархитько Н.П. Десоветизация Победы // Правда №51 (31254)

REFERENCES

Parhit'ko N.P. Desovetizacija Pobedy // Pravda №51 (31254)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пархитько Николай Петрович, к.и.н., доцент кафедры Теории и истории журналистики РУДН, член Российского военно-исторического общества (РВИО). Москва, Россия, e-mail: scharnchorst@mail.ru

Nickolay P. Parkhitko, PhD in History, Associate Professor of the RUDN University, member of the Russian Military and Historical Society (RVIO). Moscow, Russia, e-mail: scharnchorst@mail.ru